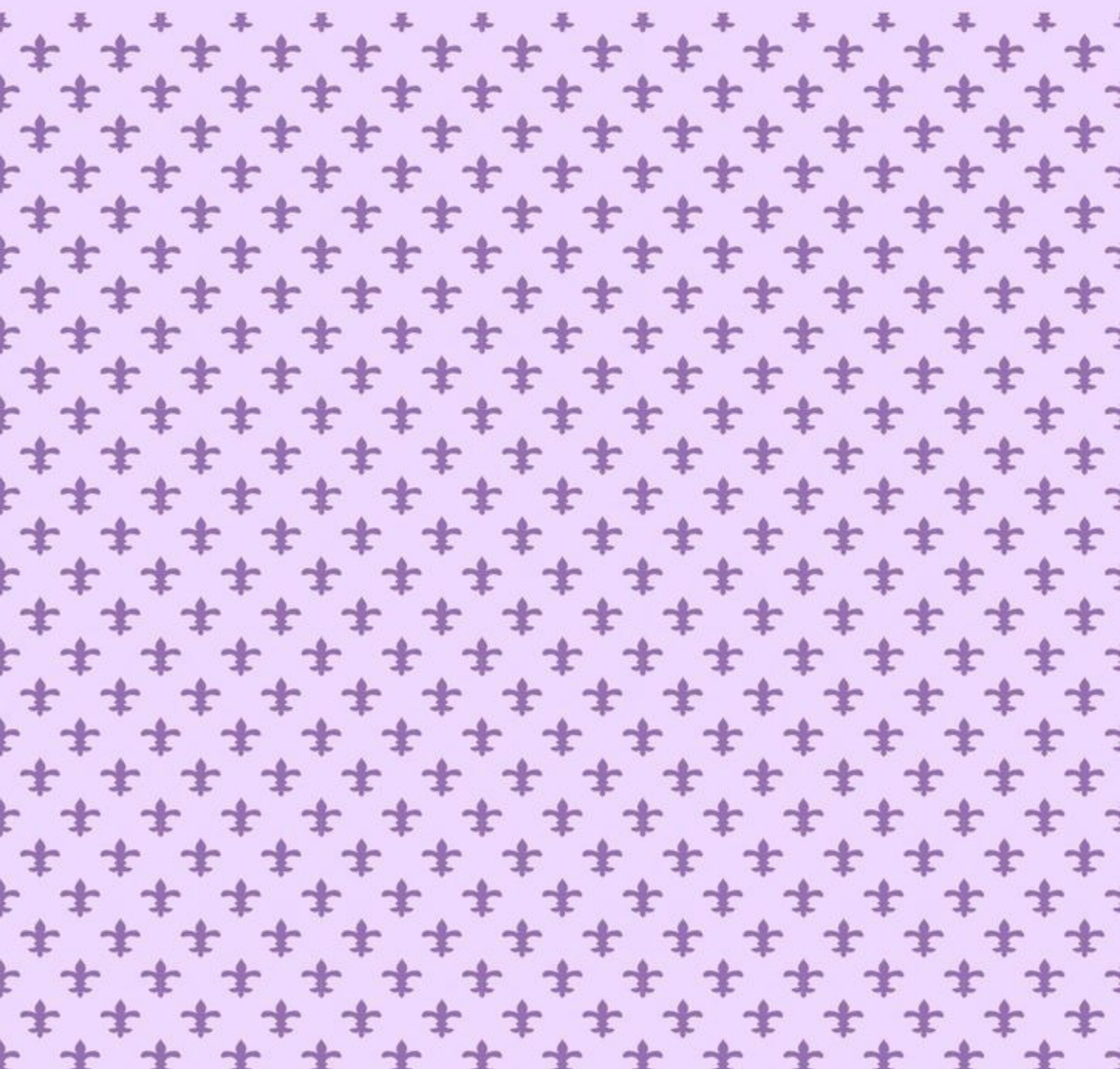

18+

Михаил Маришин
*Отжимания и подтягивания
второй рукой потентата*

Реинкарнация Победы — 3

Михаил Маришин

**Отжимания и подтягивания
второй рукой потентата.
Реинкарнация Победы – 3**

«Издательские решения»

Маришин М.

Отжимания и подтягивания второй рукой потентата. Реинкарнация
Победы – 3 / М. Маришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518270-8

Здоровая конкуренция — путь к успеху. Семён Любимов провоцирует
«соцсоревнование» между РККФ и РККА, сосредоточив свои усилия на
первом и, тем самым, заставляя подтягиваться вторую.

ISBN 978-5-00-518270-8

© Маришин М.
© Издательские решения

Отжимания и подтягивания второй рукой потентата Реинкарнация Победы – 3

Михаил Маришин

© Михаил Маришин, 2020

ISBN 978-5-0051-8270-8 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-6750-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бочонок.

Эпизод 1.

– Здравствуйте, товарищ Берия, поздравляю вас с назначением на должность наркома внутренних дел СССР и присвоением звания комиссара госбезопасности первого ранга, – я переступил порог кабинета и поздоровался за руку с вышедшим мне навстречу его новым хозяином.

– Здравствуйте, товарищ Любимов, спасибо, – Лаврентий Павлович, одетый, видимо по случаю первого рабочего дня на новом месте, с иголки, во всё новое, радушно мне улыбнулся. – Вот мы и снова вместе будем работать. Неплохо это у нас раньше получалось! Верно, товарищ Любимов?

– Да уж, изрядно, – я ответил довольно неопределённо, припомнив наши прошлые стычки в главке быстроходных дизелей.

– Достигли многого! Это главное. А кто старое помянет... – хитрый мингрел будто прочёл мои мысли. – Так что нечего от меня бегать, а то вас, товарищ Любимов, чуть ли не в розыск объявлять пришлось, чтоб к наркому вызвать.

– Так это нашему же наркомату спасибо надо сказать. От работы, до выяснения обстоятельств меня отстранили, так что я даже домой попасть не могу потому, что меня в лагерь не пускают. Поселился пока по прежнему месту жительства, пока мои бывшие соседи в тюрьме. Там меня и ищите, в случае чего. Или в Свято-Даниловом монастыре.

– Вот как? Компрометируете органы? – атмосфера нашей беседы от искреннего радушия постепенно скатывалась к двусмысленным подколкам, а там и до ругани было уже недалеко.

– Там размещён приёмник-распределитель для детей врагов народа, в которые прежнее руководство НКВД, скопом зачислило всех, кто имел со мной хоть какие-то контакты. Фриновский не делает ничего, чтобы разобраться в этом деле. Правды добиваться бесполезно. Всё сводится к тому, что приедет новый нарком – наведёт порядок. Раз уж родителям я ничем помочь не могу, так хоть с детьми позанимаюсь. Я им сейчас и нянька и учитель и воспитатель. Это же уму непостижимо! Дети-то ни в чём не виноваты! А их просто закрыли за колючкой, пока с родителями разбираются и никто ими не занимается. Хорошо, хоть мне, как чекисту, разрешают их навещать.

– Вы опять горячитесь, товарищ Любимов. Даю слово, что в кратчайшие сроки мы закроем этот вопрос и невиновные не пострадают, – Берия, видя, как меняется моё настрое-

ние, изменил тон, явно идя на попятный. – А вообще, кроме этого, чем вы в последнее время занимались?

– Чем я мог заниматься? КБ разгромлено, сотрудники изолированы. Руководство судостроительного завода арестовано, постройка опытных моторов сорвана. Арестовали даже тех, кто и знает то меня совсем мало. Военпред ЗИЛа Бойко, например, – я продолжал упрямо долбить в одну точку, думая, что вода камень точит и усилия будут вознаграждены.

– Невиновные не пострадают, как я и обещал. Но к виновным это не относится, – Лаврентий Павлович ответил резко, видимо, раздражённый моим напором. – Я просматривал материалы дела. Бойко умышленно срывал поставки танков в армию, не принимая готовые машины, придираясь к мелочам. При этом самоходные установки он принимал без вопросов, что привело к фактическому срыву и нарушению планов производства военной техники на ЗИЛе. Руководство завода преступно пошло на поводу у вредителя и сделало упор на самоходки вместо танков. Мы ещё с Рожковым разбираться будем.

– Радиостанция – хороша мелочь! Без радиостанций даже танкового взвода не существует! Только отдельные танки! Танковых войск без радиосвязи нет, а есть фикция! Бойко здесь полностью прав и только честно выполнял свои обязанности, а вы его в тюрьму!

– Во первых, не мы. Во вторых, в наркомате обороны считают иначе, – отрезал Берия.

– Вот и разбирайтесь с теми, кто считает иначе. А то мы думаем, будто у нас есть танковая бригада, например, а на самом деле – сплошная показуха.

– Как же вы тогда объясните, что самоходные установки без радиостанций принимались?

– А самоходки, такие как у нас, пусть и с трудом, но можно без радиосвязи применять. Подобно тому, как обычные гаубицы применяются. Достаточно пары раций на батарею, одну на огневые и одну разведчикам. Между машинами можно и голосом командовать.

– Толково вы Бойко выгораживаете, товарищ Любимов. Только в деле есть сведения, которые и сам Бойко подтверждает, что истинной причиной непринятия танков было недостаточное, по мнению Бойко, которое опять расходится с мнением наркомата обороны, бронирование. Вот так. Радиосвязь лишь предлог.

– Ну, конечно, в наркомате лучше разбираются, какими должны быть танки! Куда там капитану, командиру роты, потерявшему в танковой атаке ногу! А, между прочим, Бойко и здесь прав. Зачем вообще броня, если она не защищает от вражеского огня? Это перевод труда тысяч советских людей в горелый хлам, да ещё и с человеческими жертвами.

– А как же самоходки?

– А они в первой линии не идут! Если по ним противотанковые пушки стреляют – значит бой организован неправильно!

В это время дверь кабинета открылась и на пороге появился ещё один старый знакомый, которого Берия, видимо, и дождался.

– Опоздываете, товарищ майор госбезопасности, – сухо бросил ему нарком.

– Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга, прибыл, как только известили. Никто же не знал, когда товарищ лейтенант соизволит объявиться, – оправдался Меркулов.

– Представлять вас друг другу нет надобности. Скажу лишь только, что товарищ Меркулов назначен начальником воссозданного отдела техники при экономическом управлении НКВД СССР, куда передаётся ваше, товарищ лейтенант, КБ. Он отныне будет вашим непосредственным руководителем. Перейдём к делу, присаживайтесь, – Лаврентий Павлович указал нам на два ближайших к его столу стула, а сам, первый, занял место во главе. Ах, как он меня, что называется, развёл! Вызвал на эмоции, а это, выходит, лишь присказка была. Сказка вот сейчас начнётся, судя по официальному тону наркома.

– Вы присутствовали на совещании Совнаркома четвёртого сентября? – в упор посмотрел на меня Берия и тут же, не дожидаясь ответа, коротко бросил. – Рассказывайте.

– Ну да, присутствовал. А что рассказывать? Стенограммы наверняка есть, там всё должно быть зафиксировано и полнее и более точно, чем я скажу.

– Товарищ старший лейтенант, я комиссар государственной безопасности первого ранга, нарком внутренних дел СССР. Вы мой подчинённый. Любая моя просьба, пожелание или простое обращение является приказом, выраженным в вежливой форме. Потрудитесь соблюдать субординацию и не растрчивать понапрасну наше время на элементарную организацию работы.

Вот как ты заговорил, товарищ Берия! Раздельно, ледяным голосом, расставил все точки над «зю». Это тебе, Семён Петрович, не гражданка. Не то, что было три года назад. Теперь мы, все трое, носим, пусть не погоны, но петлицы и о прежней вольнице можно забыть. Не говоря уж о том, чтобы мечом безнаказанно размахивать.

– И не надо обижаться, товарищ Любимов, – глядя на меня в упор сквозь круглые стёкла очков продолжал свою воспитательную работу нарком. – Не ради праздного любопытства вас спрашиваю. Да, я читал стенограмму, но мне интересно ваше собственное мнение. То, что вы думаете на самом деле. А то на совещании вы вели себя больно уж дипломатично, что с вашим характером совершенно не вяжется. Между тем, за задачи, вам поставленные, несёт ответственность наркомат внутренних дел в целом и я персонально. Вот и объясните мне, пожалуйста, в деталях, какой, как вы любите выражаться, «геморрой», вы нам принесли.

Всё знаешь, да? Я и ляпнул-то всего в запале пару раз. Ну, да ладно, к делу, так к делу.

– Как вы, уверен, знаете, поводом для совещания стало то, что наш доблестный флот в конце августа так и не смог во время внеплановых учений перейти по приказу своего наркома Кожанова в боевую готовность номер один. Откровенно говоря, думал, что достанется на орехи именно наркому ВМФ, но вышло всё наоборот. Наш Рабоче-Крестьянский Красный Флот до сих пор находился в положении Золушки, его заказы выполнялись промышленностью в последнюю очередь. Причём по всем направлениям. Зачастую, заводы, например, производящие вооружение, брались сперва за выполнение гораздо более объёмных заказов наркомата обороны, оставляя флотские «на потом». Так как уложиться в план получалось далеко не всегда, это систематически приводило к тому, что к работе по морской теме даже не приступали. Фактически в последнее время флот не получал вооружения совсем, кроме новых 180-миллиметровых пушек, 102-миллиметровых модернизированных пушек, 76- и 45-миллиметровых зенитных пушек. Да и эти орудия современным требованиям не удовлетворяют. Работы по современным 100- и 130-миллиметровым универсальным орудиям фактически сорваны, а по другим системам даже не начинались. Такое же положение сложилось и в главках морского и речного судостроения. Гражданские заказы выполняются в первую очередь, военноморские – потом. Это привело к тому, что хоть флот и получает от судостроителей сколько-то новых боевых кораблей, но совсем не получает судов обеспечения. При переходе в готовность №1 даже боеприпасы и топливо на корабли не смогли доставить в установленный срок. Положение с минным и тральным вооружением ещё хуже, заказы на отдельные элементы размещаются где попало и фактически мин и тралов флот не получает совсем. Чуть лучше с торпедами, но их изготавливает всего один завод в недостаточном количестве и устаревшей конструкции. Работы по торпедам с более совершенными двигателями ведутся и получены хорошие результаты, но не решена проблема надёжности, поэтому на вооружение новые образцы не принимаются. Совсем плохо с акустикой. Флотская разведка недавно выяснила, что за рубежом уже давно используются гораздо более чувствительные гидрофоны на иных принципах. Кстати, работы по самонаводящимся торпедам провалились именно из-за несовершенства нашей акустики. Вот такая картина складывается на сегодняшний день.

Во рту от такого длинного монолога пересохло, я, не стесняясь, взял стоящий передо мной графин, налил воды в стакан и залпом выпил, выигрывая время, чтобы обдумать, что буду говорить дальше. А взвешивать стоило каждое слово. Ну что мне стоило сказать на совещании

твёрдое «нет»? Подумаешь, два раза подряд отказал товарищу Сталину! Ан нет, кишка оказалась тонка, опасения перевесили. Мыслишка такая подленькая, сейчас соглашусь, а потом время пройдёт, само собой всё образуется. Не образуется! Покатилось с горы как снежный ком, накручивая на себя всё новых людей. А ведь это только самое начало! Вот теперь Берии объясняй, как совершить невозможное, за которое он, ни в чём не виноватый, несёт персональную ответственность.

– Это нам, товарищ лейтенант, как раз, понятно. Вы к сути переходите, – поторопил меня Меркулов.

– К сути... Ну что ж, перейдём к сути. А она такова. Флот будут поднимать. Планы пересмотрят, выделят заводы, работающие в основном на ВМФ. Предусмотрено два этапа. Первый – строительство малого флота до конца пятилетки. Это катера, подлодки, сторожевые корабли и тральщики, суда обеспечения. Всем им нужны дизеля. Так как в связи с высокой потребностью в котлотурбинных установках большой мощности для электростанций, установки малой мощности строить не будут. Причём дизеля, по желанию Кожанова, именно спроектированные в моём КБ, как более совершенные в отношении вес/мощность. Коломенский завод, который тоже стоит дизеля, нацеливается на увеличение ресурса своих моторов для того, чтобы их срок службы был сравним со сроком службы корабля в целом. Эти двигатели будут использоваться в гражданском флоте в основном. При этом, по словам товарища Орджоникидзе, в дизелестроении у нас кризис. Промышленность фактически достигла возможных пределов в производстве топливной аппаратуры, которые лимитируются наличием высокоточных станков. С окончательным вводом в строй СТЗ все резервы будут исчерпаны. Более того, ожидается спад, так как в настоящее время станки эксплуатируются, фактически, в режиме военного времени и будут выходить из строя по износу. Поступления же нового оборудования в значительных количествах не ожидается. Импорт нам заблокировали, а отечественная промышленность только разворачивает строительство точных станков.

– И? – подтолкнул меня Берия, видя, что я остановился в своём рассказе.

– Что «И»? Что «И»? – нервы, изрядно расшатанные за последнее время, сдали. – Это значит, что завод в Рыбинске мне улыбнулся! Никаких авиамоторов 160-й серии! Будут клепать эти несчастные «Сюзы» М-100, а в Запорожье «Мажоров» французских!

– Успокойтесь, товарищ лейтенант, вопросов авиации мы сейчас не касаемся. Нас интересует только флот. Водички ещё попейте и продолжайте, или могу чего-нибудь покрепче налить, если надо, – терпеливо погасил вспышку моей агрессии Берия.

– Спасибо, не стоит, – отказался я от выпивки и стал обрисовывать ситуацию дальше. – Если говорить только о флоте, то у меня готовы дизель 13—16, 13—8 в 2000 и 1000 сил и на подходе рядный 13—8Р в 1000 сил для подводных лодок типа «М». Проблема в том, что строить эти моторы серийно негде! Единственный завод, который мог бы это делать – ленинградский «Большевик», но там в серии танки Т-28 плюс нагрузка по двигателям для карьерных самосвалов «Кировец». МССЗ, который фактически стал опытным заводом нашего КБ, имеет избыток мощностей для ремонта, но этого совершенно недостаточно для серийного строительства дизелей. Там можно делать, с привлечением смежников, порядка сорока 13—16 в год. Этого количества, с учётом ресурса и полного сворачивания работ по опытным двигателям, хватит на поддержании в боеспособном состоянии всего пяти больших торпедных катеров. Которых планируется строить не менее сотни. А ещё малые катера, охотники, не говоря об остальном. Даже малый торпедный катер по двигателям – это шестнадцать «Кировцев» или восемь танков Т-28. Заранее предвижу, что договориться о строительстве моторов для флота будет чрезвычайно трудно.

– Это не ваши, а наши, вернее товарищей Кожанова и Орджоникидзе, проблемы и не стоит на них заостряться. Давайте по существу ваших вопросов поговорим, – Берия упорно не давал мне «потерять берега» и неуклонно направлял разговор в нужное ему русло.

– По существу моих вопросов. В ближайшее время придут бумаги с ТЗ на мотор 13—12, а возможно и на 13—6. Это связано с тем, что четырёхходовые ТНВД, применяемые на 13—16 и 13—8, на авиамоторах показали крайне низкий ресурс. У нас всё работало нормально, но увы, к моим аргументам не прислушались. Для оптимизации серийного производства упор будут делать на трёхходовые ТНВД для многоцилиндровых моторов. Поэтому количество котлов должно быть кратно трём. Скорее всего, в форсированных авиамоторах насосы работают с такой частотой, что выходят за какой-то предел, за которым следует стремительный износ. Но для моих судовых дизелей, имеющих сравнительно малые обороты это правило не действует! Я не вижу смысла начинать работу по 13-й серии заново, пусть она и потребует относительно малого времени. А также проектировать новые катера и тепловозы под дизеля 13—12 со всеми вытекающими. Не знаю, удастся ли мою точку зрения отстоять, но терять время на эти заказы откровенно не хочется. Это раз. Далее, у меня на испытаниях оппозитный блок 16-й серии, который может послужить основой для моторов уже знакомых нам схем. Больших проблем не предвижу, так как степень технической новизны этих конструкций низкая. Поэтому заказ ВМФ на 16—12 и 16—6, считай, у нас в кармане. Я бы, конечно, предпочёл варианты 16—16 и 16—8. Флот связывает с этими двигателями большие надежды. В основном потому, что никому они больше не нужны и конкуренции со стороны других потребителей не предвидится. Опять таки, нет завода для строительства этих моторов. Я надеялся на Рыбинск, но в свете проблем с ТНВД, нам не светит. Если только в кратчайший срок, пока вместо М-17 там не стали делать «Испано», не создадим новую топливную аппаратуру, требующую для своего изготовления минимума станкочасов высокоточного оборудования. Резерв станков, кстати, по словам Орджоникидзе всё-таки есть небольшой, но он закреплён за производством патронов. Не знаю, что они там вытачивают, но надо разобраться, может, удастся воспользоваться. По топливной аппаратуре задумки тоже есть. Это можно считать первоочередным заказом, который я сам себе, вернее вы мне выдадите. Только при условии решения этой проблемы возможно поточное строительство многоцилиндровых моторов 16-й серии, да и 13-й тоже. Это два.

– Подождите, товарищ Любимов, – прервал меня Меркулов. – Давайте промежуточный итог подведём. Дизеля 13—12 по заказу наркомтяжмаша, дизеля 16—12 и 16—6 по заказу РККФ и новая топливная аппаратура для них. Так?

– Именно.

– Заказ на топливную аппаратуру выходит за рамки компетенции наркомата внутренних дел, – заметил Меркулов. – Его тоже надо провести через РККФ, а для этого от вас потребуются теоретическое обоснование со всеми вашими, как вы сказали, задумками.

– Тогда у меня к вам встречная просьба, – я немного замялся, подбирая краткое, но ёмкое и понятное описание системы, которая для меня укладывалась всего в двух словах «коммон рейл». – Мне было бы желательно получить всю доступную информацию, по топливной аппаратуре для дизелей, использующей принцип единой магистрали высокого давления для форсунок всех цилиндров.

Я посмотрел на Меркулова, потом на Берию, но не увидел в их глазах понимания, только ожидание дальнейших пояснений.

– Ну, понимаете, там должен быть всего один насос высокого давления. Один плунжер. Большой. Он накачивает топливо в общую трубу и поддерживает там постоянно высокое давление. От трубы существует подводка к каждой форсунке, они открываются в нужный момент специальным механизмом.

– В общем, понятно, – сказал Меркулов. – Должен быть один плунжер на весь мотор. В этом, товарищ Любимов, вы последовательны. Сначала один плунжер на цилиндр, потом один на два-четыре цилиндра, теперь вот это. Но схемку всё же набросайте, будет понятнее, что искать. Давайте дальше.

– Дальше... Ну что ж. Я остановился на том, с чем я могу справиться. Теперь третье. На следующую пятилетку партия планирует создание большого, океанского флота. Лично я считаю это огромной ошибкой, но против мнения партии не попрёшь.

– Вы так говорите, будто противопоставляете себя партии, – заметил Берия.

– Бросьте, Лаврентий Павлович, к словам цепляться! – махнул я в сердцах рукой. – Не первый год друг друга знаем. И кто чего стоит, понимаем. Вы спрашивали моё мнение, я его озвучил. Если бы участвовал в каком-то голосовании по этому вопросу, то был бы однозначно «против». Мы большая страна, верно, экономика у нас растёт, тоже верно. Но иметь флот на каждом ТВД, сравнимый хотя бы с японским, у нас пупок развяжется! А ведь для нас армия на первом месте должна быть, не хуже любой другой.

– Партия решение приняла. Мы – бойцы партии, должны его выполнять, а не критиковать! – жёстко возразил мне нарком.

– О чём я и говорю. Против партии не попрёшь! – подвёл я итог, давая понять, что остаюсь при своём мнении.

– И как же вы решение партии собираетесь выполнять? – делая акцент на последнем слове, задал вопрос Лаврентий Павлович.

– Честно сказать – не знаю. Для обучения личного состава «Большого» флота уже сейчас нужны большие корабли, способные ходить в океане. Наши линкоры на это, как показал Бискайский залив, не способны. Моряки задумали перестроить и ввести в строй «Фрунзе», впихнув в него дизельную силовую установку. Заодно и немцам нос утереть с их «карманниками». Вариант с дизелями им, видите ли, показался наиболее дешёвым и реальным! К тому же, позволяющим значительно повысить характеристики корабля, особенно автономность, что для океана актуально. А партия их опять поддержала. Расхлёбывать эту кашу мне.

– Что вы хотите этим сказать? – я даже не понял, то ли это был блик от очков, то ли глаза наркома недобро сверкнули.

– Да, раньше я говорил, что возможно создание дизельных двигателей в несколько тысяч лошадиных сил. Сейчас мы можем рассчитывать, построив 16—16, примерно на 4 тысячи. Это очень хороший результат. Но силовая установка «Фрунзе» – сорок тысяч лошадиных сил, если не больше. А требуется ещё и повышение её мощности для увеличения хода. Значит, моторов 16—16 потребуется не менее десяти штук. В то, что мы сумеем создать силовую передачу для такого количества двигателей и обеспечить их нормальную работу я, простите, не верю. Есть ещё вариант. Иметь по одному дизелю на вал, но сверхмощных, от десяти тысяч лошадиных сил и выше. Теоретически это возможно, сделав 40—50 цилиндровый мотор размерности 160. Увеличить объём цилиндра мы уже не можем – внешние шатуны просто оборвёт или они будут такими тяжёлыми, что сбалансировать их с внутренними, будет невозможно. В любом случае, они хотят получить силовую установку для «Фрунзе» уже через год. Это равносильно тому, чтобы требовать от Циолковского через год запустить в космос ракету с человеком на борту!

– Считаете, что товарищ Циолковский фантазирует? – с лукавой улыбкой задал вопрос Берия.

– Вам, гляжу, товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, палец в рот не клади! Берия, а вслед за ним и Меркулов, рассмеялись.

– Мы понимаем, что задачи перед нами стоят трудные, но решать их надо...

– Трудные? – перебил я наркома. – Я же сказал! Создать силовую установку для «Фрунзе» за год невозможно! Невозможно!

– Не понимаю я таких людей, товарищ Меркулов, – обратился к майору госбезопасности нарком. – Не можешь – не берись. Зачем говорить товарищу Сталину, что можешь? Если трудности есть, так мы любую необходимую помощь окажем. Или уступи место другому, тому, кто сможет. Но сказать об этом надо прямо и честно сразу, не виляя хвостом. А назвался груздем – так полезай в кузов и не морочь людям голову.

– Сказать прямо, что не нужно и невозможно сразу, скажу честно, духу не хватило, – попытался я оправдаться. – Но то, что работа будет сопряжена с огромными трудностями, и результата я гарантировать не могу – предупредил сразу!

– И вы, товарищ старший лейтенант, наверное, помните, что вам товарищ Сталин ответил? – Берия, конечно и сам знал это, но добивался от меня, чтобы я цитировал вождя вслух.

– Да, помню. Товарищ Сталин сказал, что за четыре года мощность единичного дизеля такой схемы, выпускаемого советской промышленностью, возросла в двадцать раз, со 125 до 2500 лошадиных сил. Так что за год поднять эту мощность в четыре раза нам по силам, – пересказал я слова вождя и тут же их критически оценил. – Но эта пропорция – чистая иллюзия не имеющая никаких реальных оснований!

– Да? А что ещё сказал товарищ Сталин? – продолжал наседавать на меня нарком.

– Сказал, что партия в этом вопросе мне доверяет...

– Вот, товарищ старший лейтенант! Это и есть то самое реальное основание, которого вы не видите! Обмануть доверие партии невозможно! Так что невозможное вам предстоит совершить в любом случае, но я бы на вашем месте, всё же создал бы дизель для «Фрунзе», – усмехнулся нарком. – Потому, что при другом исходе последствия будут противоположными.

– Да уж, положение. Надо было на пост наркома соглашаться... – глядя на то, что Берия наряду с пряниками даёт мне понюхать и кнута, я решил не оставаться в долгу.

– Что вы имеете в виду, товарищ старший лейтенант? – насторожился мой самый главный начальник.

– Мне предлагали пост наркома внудел, а я, дурак, отказался, – усмехнулся я в ответ. – Сидел бы сейчас в этом самом кресле и расписывал последствия кому-нибудь другому.

– Не врётё, товарищ старший лейтенант, – внимательно глядя на меня, отметил Лаврентий Павлович. – Не врётё. Потому, что такими вещами не шутят. Отчего же отказались? Чекистская работа не прельщает?

– Всяк человек на своём месте хорош. Мне бы к железу поближе. А вам, наоборот, к людям. Поэтому-то я вас и рекомендовал на пост наркома.

– Взгляни, Всеволод, перед нами птица высокого полёта! Орёл! Наркомов пока не назначает, но уже выдвигает кандидатуры! Уже боюсь сам себя спрашивать, вдруг он наркомов и обратно снять может? С Ягодой и Ежовым как-то неладно получилось, дело тёмное. Ценить надо доверие такого человека! – Берия говорил шутливо-издевательски, а потом, жёстко, глядя на меня в упор, спросил. – Так что ли, товарищ Любимов!?

– Не совсем, товарищ комиссар первого ранга... – ответил я неопределённо.

– Постой, раз ты меня рекомендовал...

– Да, товарищ Берия, всё возвращается на круги своя, – не дал я закончить мысль наркому. – Вы же хотели, чтобы мы работали как в старые добрые времена?

Берия расхохотался, а потом, внезапно прервав смех, просто сказал.

– Молодец. Только теперь у тебя выбора совсем нет. «Фрунзе» будет ходить под дизелями и точка. Работу начнёшь немедленно.

– Не начну. По крайней мере до тех пор, пока не будут освобождены все арестованные по «моему» делу. И не просто освобождены, а с компенсацией издержек, – вот здесь я уступить совсем не собирался, поэтому даже не попытался высказать свой ультиматум как-то помягче.

– В вашем деле ещё разбираться и разбираться. Но все необходимые вам для начала работ люди завтра же будут переведены обратно в Нагатинский лагерь. Работать будем параллельно каждый по своей линии. Вы – по железу, мы – по людям. Не беспокойтесь, дело поручено мной капитану госбезопасности Кобулову. Он грамотный чекист и сумеет всё разложить по полочкам. Хотя кое-кто из тех, кого вы просите освободить уже признались, что копали туннель чуть ли не в Бразилию и готовили побег, а вы вообще – гондурасский шпион. Так ведь

вы выражаетесь, товарищ Любимов? – начав приказным тоном, нарком в конце позволил себе шуточный вопрос.

– Товарищ комиссар госбезопасности первого ранга. Я. Каждый день. Буду писать рапорт. На имя своего непосредственного начальника. Майора госбезопасности товарища Меркулова. О том. Что условия для начала работ. До сих пор. Не созданы. Поэтому. Приступить к ним. Не могу! – я отдельно отчеканил свою позицию, позволив себе в конце, для пушного эффекта, ударить кулаком по столу.

– Вы отказываетесь выполнять приказ?! – да, так вывести Берия из себя, что все его эмоции относительно моей скромной персоны отразились на лице, мне удалось впервые.

– Отчего же, я буду выполнять приказ, – на этот раз я напустил на себя показную скуку и вальяжно развалился на стуле. – Один. Сяду и буду проектировать, обсчитывать всё то, что мы наметили. В порядке поступления. И буду это делать лет пятьдесят. Потому, что доверить такую важную работу кому попало, не могу. Как можно доверять агентам гондурасского шпиона? Не понимаю!

– Вы понимаете, что это саботаж? – рассматривая сложенные на столе руки, вступил в разговор Меркулов, пока нарком делал усилия, чтобы взять себя в руки.

– Конечно, товарищ майор, я отлично понимаю, что отказ создать условия для начала работ, имеющих государственное значение – саботаж. Похоже, вы это плохо понимаете, – пришёл мой черёд расставлять точки над «зю».

Всё, край. Мозг взорван. Они оба и хотели бы меня растерзать, но понимают, что ничегошеньки мне сейчас, в данный момент, сделать не могут. Хоть и петлицы комиссара первого ранга на воротнике, а власти никакой. Остаётся только засечь время, сколько им потребуется, чтобы прийти к следующей здравой мысли и попробовать договориться, засунув амбиции подальше.

– Чего вы добиваетесь? – браво, товарищ нарком, не успел я додумать свою мысль до конца, а правильный вопрос уже задан.

– Товарищи начальники, я хочу, чтобы вы чётко понимали, что я не выкобениваюсь из вредности, а нацелен на достижение конечного результата наилучшим образом и как можно скорее. Без КБ и опытного производства я бессилен. Любой современный сложный механизм, будь то, мотор, автомобиль или самолёт, крайне трудно создать в одиночку. Чтобы сотрудники КБ хорошо работали, они должны быть правильно мотивированы. Весной КБ работало в таком режиме, что лесоповал моих конструкторов перестал пугать совершенно, скорее они о нём мечтали. А последние приключения должны их привести к мысли, что работать в КБ Любимова, и вообще, находиться рядом с этим человеком, просто-напросто, опасно для жизни. Можно от них ждать хорошей работы? Нет! Короче, кнут исчерпал себя, нужны пряники. Людям нужно дать хоть какую-то уверенность в собственной безопасности и в том, что их работа будет должным образом оценена. Хотя бы в виде послаблений режима или сокращения сроков заключения. Первым делом, надо им объяснить, что произошла ошибка, виновные, её совершившие будут наказаны. Это раз. Направить весь состав КБ в санаторий на месяц, где подлечить их после «следственных мероприятий» и дать хорошо отдохнуть. Причём, я знаю, что жёны моих конструкторов, перебравшиеся поближе к мужьям, тоже были арестованы. Таким надо дать отдых в составе семьи. То же самое касается и вольнонаёмных, которые были арестованы по моему делу. Это два. Наградить за уже проделанную работу. Это три. Вот только после этого можно приступать к решению поставленных партией задач.

– Рациональное зерно в ваших рассуждениях есть, – сказал Берия, постукивая карандашом по столешнице. – Но отпуск в санатории для врагов народа, да ещё и семьями? Это уж слишком. К тому же, мы не можем ронять авторитет органов, оправдываясь перед заключёнными...

– Товарищ нарком, давайте смотреть правде в глаза, – сказал я устало. – НКВД расценивается сейчас вовсе не как правоохранительная организация, оплот правды и справедливости, чего мне очень бы хотелось, а как организация карательная, имеющая власть и силу и применяющая её, зачастую, произвольно. Мы ведём себя как в завоёванной стране, население которой надо скрутить в бараний рог, называя это борьбой с пережитками прошлого. Пора бы уж понять, что это наш народ, наша страна. Сильный, уверенный в себе человек, может признать свои ошибки и исправить их. Только ущербные люди упорствуют в заблуждениях, думая, что признание неправоты уронит их в глазах окружающих. Давайте уже добиваться, чтобы наш народ любил и уважал органы, видя в них своих защитников, а не боялся их. Сила в правде, а не наоборот.

Лаврентий Павлович встал, подошёл к окну, чуть отодвинув штору глянул на улицу и сказал.

– Хорошо. Сотрудники вашего КБ получают необходимый отдых. Надеюсь, и они и вы нас не подведёте.

– Товарищ Берия, это должно распространяться на всех людей, арестованных по моему делу. На того же военпреда капитана Бойко, например.

– Существует определённый порядок, заведённое дело должно быть расследовано. В отношении ваших конструкторов, ради решения поставленных партией задач, мы готовы сделать исключение. Но не более того. Считаю излишним.

– А я, наоборот, считаю необходимым, – твёрдо стоял я на своём.

– Почему?

– Потому, что не только мои конструкторы должны быть правильно мотивированы, но и я сам. Пора бы уж вам определиться, кто я, в конце концов, честный человек, или гондурасский шпион. Если мои знакомые будут оставаться под арестом, значит, верно второе и мне нет никакого резона изобретать дизель для «Фрунзе». Конец-то всё равно один. Верю, что вы сделаете правильный выбор и компенсируете невинно пострадавшим неудобства, связанные с арестом.

– Вы свободны, товарищ лейтенант, – не ответив ни «да», ни «нет», закончил разговор нарком. – Текущие вопросы по работе решите с майором Меркуловым.

Мне не оставалось ничего, кроме как удалиться, но первый эффект от этого памятного разговора одиннадцатого сентября обнаружился уже на следующий день к обеду. Одна за другой к моему старому дому в Нагатино подъехали две легковые машины. Первая привезла семью Миловых, причём, в полном составе, с детьми. На второй приехала Акимова, тоже с потомством.

Больше всего меня поразило то, как они отнеслись к произошедшему. Измождённые, побитые, что можно было понять по осторожным движениям и бросающейся в глаза заботе друг о друге, люди не потеряли веру в советскую власть. Да, произошла ошибка, да обошлось плохо. Но ведь разобрались же? Есть правда на белом свете! Потому, что есть партия и власть народная!

Другое дело, что то, что в больших масштабах оценивалось, в общем, благоприятно, применительно к конкретным людям не работало. В общении со мной все, кроме малышей, вели себя крайне настороженно, осознанно или нет, но считая источником своих прошедших бед, а возможно, и новой опасности.

Со вторым следствием беседы с наркомом я столкнулся через четыре дня, когда заезжал в наркомат к Меркулову за техническими заданиями, среди которых, кроме всего прочего, оказался заказ на комплексную установку вооружения для катера, подразумевающую подключение шестистволок Таубина к системам питания, охлаждения и выхлопа ходовых дизелей.

На стене висела свежая стенгазета, посреди которой, огромных размеров, чтобы всем было хорошо видно, красовался герб. Привычный «щит и меч». Только на малиновой ленте аббревиатура ведомства потеснилась, перекочевав в левую вертикальную часть, составив сим-

метричную пару названию государства справа. В центре же красовался девиз: «Сила в Правде». Оба слова с большой буквы. Как говорится, хотелось бы надеяться. И заранее жаль остряков, которые решат обыграть дефицит, вернее полное отсутствие, туалетной бумаги.

Эпизод 2.

Какой народ самый коварный? Конечно же мингрелы! Сомнения в данном факте у меня полностью рассеялись, когда я бегло ознакомился с делами непрошенного пополнения, которое двадцать шестого сентября доставил в Нагатинский лагерь единственный автозак. Пятнадцать инженеров с ещё дореволюционным стажем, один из них, Василий Васильевич Киреев не просто был хорошо знаком с конструкцией двигателей внутреннего сгорания, но являлся конструктором мотора РБВЗ-6 – сердца легендарного «Ильи Муромца». Вот только все они были «отказниками», выбравшими север и ни под каким предлогом не желавшими работать в тюремных КБ. Арестованные ещё по «делу промпартии», они наотрез отказывались считать себя виновными в чём либо и не признавали справедливость вынесенных приговоров, а следовательно, не шли на контакт с НКВД. «Инженеры в законе», вдоль их и поперёк! Люди с характером, готовые за правду скорее сдохнуть на лесоповале, чем потерять лицо и честное имя, хотя бы в своих собственных глазах.

Приказ о направлении этого «спецконтингента» в моё КБ подписал Меркулов, но за ним отчётливо поблёскивали очки Берии. Это же надо заранее знать, что у чекистов есть такие резервы! Видимо, ещё по работе в ГУБД, когда мы впервые привлекали зеков к нашей работе, Берии с Меркуловым пришлось с ними столкнуться. Вот теперь они не смогли отказать себе в удовольствии сделать мне такой подарок, приложив к нему приказ приступить к работе немедленно. Нечего сказать, выкрутились. Пусть основной состав КБ гуляет, вот тебе, товарищ Любимов, люди, специально обученные. Заодно и задницу себе прикрыли – помогают, чем могут только. Дерзай, дорогой, ты теперь целый капитан госбезопасности, звание досрочно! Просил же наградить людей за проделанную работу? Вот и сам получи. А то как-то некрасиво, начальник лагеря и вдруг старлей.

– Работать будем? – каждое утро я задавал простой вопрос шеренге хмурых мужиков и, не дожидаясь ответа шёл по своим делам. Мой заместитель Косов, хоть и попавший под раздачу, как мой приближённый, но отказавшийся от отпуска, получил строгий приказ ограничить перемещение новичков столовой, сортиром и баракком отдела «общих видов», где пропал я сам, и так и сяк прикидывая, как буду ставить целый линкор на ход. Там же на стенах были развешены чертежи моторов, которые вышли на стадию постройки и испытаний опытных образцов.

«Отказники» избегали заходить внутрь, видимо, опасаясь увидеть лишнего и стать секретносителями. Придя к такому выводу, я тут же проинформировал упрямец, что это им не поможет, ибо никто не будет выяснять, интересовались они или нет, если записано, что доступ был предоставлен.

– Что, даже из любопытства не хотите посмотреть? – спросил я через неделю «осады». – Ну и подышайте со скуки во дворе. Погода как раз подходящая – дождичек на целый день, наверное, зарядил.

Не помогло. Мужики упорно пытались мне своим упрямством что-то доказать, а я делал вид, что мне на это плевать с высоты птичьего полёта. Вот ещё, буду я ради них тут агитацию устраивать! Через неделю «мои» приедут и завертятся тогда, а эти пусть как хотят.

– Во вред советской власти работать будем? Коли уж на пользу ей потрудиться не хотите? – следующим утром вопрос был задан именно так. Дураков, понятно, не нашлось, но в глазах тёртых жизнью зеков, совсем уже растерявших свой былой интеллигентный облик, промелькнул интерес. – Ну, существуют дальше. Ибо это не жизнь. Как скот в хлеву. Поспал-

пожрал-оправился. Тьфу. Будет хоть за что вас расстрелять, а так никому вы не нужны, плевать всем. Правду они высидивают... Это курица яйца высидеть может, а за правду бороться надо!

С этим я удалился собирать макет «звезды» – одного из вариантов компоновки «большого» дизеля.

Вообще-то их было, скажем, два с половиной, потому что второй и третий, предполагаемые мною варианты, опирающиеся на отработанный рабочий процесс «шестнадцатого» цилиндра, были вариациями на одну и ту же тему – прототипом служил будущий Непир «Дельтик». Их я условно назвал, за конечную форму мотора, «коробочками». Первая копировала суть «Дельтика» полностью, были исключены внешние шатуны, упрощены коленчатые валы, которых, однако, требовалось не менее трёх. В такой конфигурации, имея не более восьми цилиндров в одном блоке из-за опасения за прочность слишком длинного коленвала, работающего в таком же режиме, как и валы моторов традиционной схемы, при разумных общих габаритах двигателя, в «пятигранник» удавалось засунуть сорок котлов. Второй подвариант был модифицированным «Дельтиком», у которого на каждой грани располагалось сразу два блока цилиндров с коленчатым валом между ними. Коленчатые валы, на которые работали «внешние» поршни блоков, как и у «англичанина», находились в вершинах многогранника. Соответственно потоки мощности от «вершинных» и «центральных» коленчатых валов на главный вал мотора передавались через два комплекта шестерён, разного размера, но с одинаковым передаточным соотношением. Тут уже в четырёхгранник, со стороны чуть менее двух метров, получилось запихнуть целых шестьдесят четыре котла, работающие на восемь коленчатых валов.

К «коробочкам» сердце откровенно не лежало. Бросалась в глаза сложность двигателей, огромное количество деталей, большие потери на трение, которые, по предварительным прикидкам, при минимально разумном для корабля ресурсе, не дали бы снять больше ста сил с каждого цилиндра, что ограничивало мощность самого многокотлового мотора цифрой 6400. К этому всему добавлялась неизбывная проблема охлаждения выпускных поршней, которые теперь уже крайне затруднительно было бы просто проливать маслом. К тому же, в моей реальности я не помнил сверхмощных моторов построенных по такой схеме.

Гораздо больше оптимизма внушала звездообразная компоновка, которую я имел в виду, говоря четыре года назад о двигателях в несколько тысяч лошадиных сил. Пример в лице дизелей завода «Звезда» был налицо, а применение «схемы Любимова» обещало ещё лучшие результаты. Но и здесь были свои сложности. Дело в том, что без прицепных шатунов было никак не обойтись, а, как известно, ход поршня, работающего на главный шатун, всегда больше чем ход остальных поршней, что для «схемы Любимова» было абсолютно неприемлемо. Это как минимум означало совершенно новый цилиндр увеличенного рабочего объёма без всякой надежды его уравновесить. Вкупе с проблемой прочности внешних шатунов, работающих на растяжение, всё выглядело совсем грустно.

Не найдя никакого разумного выхода, я решил разрубить Гордиев узел одним ударом и вообще избавиться от ведущего цилиндра, оставив в конструкции лишь его шатун, связанный с прицепными шатунами внутренних, впускных поршней. Это был необходимый минимум, так как внешние шатуны, «вытягивая» на себя колено вала через одетую на шейку шайбу, сами, по идее, должны были принимать правильное положение.

Компьютерное моделирование мне было заказано, за полным отсутствием в текущей реальности вычислительных мощностей, если, конечно, исключить «трансфактор», которому эта задача тоже была недоступна. За неимением гербовой пишем на простой. Выручили по старой памяти краснодеревщики ЗИЛа, несмотря на большую загрузку по «Турам», оперативно выполнившие заказ на комплект деревянных деталей, выполненных по чертежам цилиндра и шатунно-поршневой группы «сотого» мотора. Мне пришлось снабдить их только чертежами корпуса, коленвала с удлинёнными шейками, подобного валу Х-образников, и «паразитного» главного шатуна. Модель нужна была для проверки кинематики «звезды», нет ли существен-

ных отличий от таковой же обычного оппозита. Об уравниваемости речь пока не шла. Вот сборкой такой шестицилиндровой, минимально допустимой звезды я и занимался в гордом одиночестве.

– Кхм... – раздалось с порога осторожное покашливание. Я ещё раньше услышал, как кто-то вошёл, но сделал вид, что увлечён работой и ничего вокруг себя не замечаю, чтобы не спугнуть давшего слабину «отказника». Пусть осмотрится, привыкнет, захочет поговорить – сам даст знать.

– А, гражданин Киреев, Василий Васильевич, проходите. Что ж вы в дверях мнётесь? – бросив мимолётный взгляд на бывшего инженера, я вновь сосредоточился на работе, прикручивая шурупами очередную щёку коленвала к шейке. Зек молча прошёл через помещение и остановился у меня за спиной, лишь изредка простужено покашливая. Вот ненавижу, когда так поступают! А ну он от избытка добрых чувств мне сейчас киянкой по темечку двинет? А что? Тоже выход. Бунт, нападение, а тем паче убийство сотрудника органов – конец тому самому тоскливому существованию, которое недавно я сам им расписал.

– Слушай, Киреев, либо помогай, либо вали отсюда! Не люблю, когда за спиной люди стоят, от которых чего ждать не знаешь, – сказал я не оборачиваясь.

Обойдя большой стол, бывший инженер вошёл в поле моего зрения и просто спросил.

– Чего делать надо?

– Вот тебе половина коленвала, вот тебе недостающие детали. Не дурак, разберёшься, а я пока котлы к половинкам картера прикручу и главный шатун сразу поставлю.

Дурной пример заразителен, уже к вечеру «отказники», поучаствовав в сборке макета и прощупав схему, в буквальном смысле руками, высказывали мнения о её перспективах в виде звезды. Мне только оставалось похвалить себя за точный расчёт, ведь для уважающего себя человека нет худшей пытки, чем то, когда окружающие тебя просто в упор не замечают и не ценят. Зато теперь их будто прорвало, спор шёл до ругани на тему будет или не будет «зависать» мотор с чётным количеством цилиндров. Опасность такая теоретически имела из-за раннего впрыска топлива в котёл, когда он поначалу работает «на торможение», например при резкой даче газа с самых малых оборотов, когда предшествующим цилиндрам могло не хватить мощности преодолеть этот негативный фактор, усугублённый смещением точки приложения силы в сочленении прицепного и главного шатунов. Беспокойство же за рабочий процесс в котле оказался напрасным, отклонения незначительными, а некоторое торможение поршней в крайних нижних точках из-за того же сочленения, только способствовало лучшей продувке цилиндра. А вот с маслом, охлаждающим выпускные поршни, проблемы были неминуемы, о чём я и рассказал, сославшись на опыт Чаромского с всего лишь четырёхцилиндровыми, применительно к одному ряду, моторами. Мы же уже прикинули, просчитали и собрались воткнуть в каждую звезду целых десять цилиндров, максимально возможное количество. При этом диаметр мотора по внешним картерам получался не слишком большим – около 1950 миллиметров.

– Гражданин начальник, вы про Уфимцева что-нибудь слышали? – присел со мной рядом на лавочку у крыльца, куда я вышел покурить и привести мысли в порядок, Киреев.

– Уфимцев? Нет, не слышал, – соврал я, хотя сталкивался, в общеобразовательных целях и по работе в прошлой жизни, с литературой, автором которой был автор с такой же фамилией. «Легендарные маятниковые движения», мимо книги с таким названием человек, работающий коротким стволом, не пройдёт. Ещё что-то вспоминалось из научно-популярной литературы в связи с технологией «стелс». Но – всё мимо кассы, из времён «до войны» Уфимцевых я не припоминал.

– Да не может быть! Как же вы, строите моторы в России и не слышали про Уфимцева!? – искренне изумился Киреев. – А ведь он за свой АДУ-4 Большую серебряную медаль получил на Международной выставке воздухоплавания в 1911 году!

– Не бывал, – ответил я сдержанно, – сам из лесу только в двадцать девятом вышел.

Если бы я нарочно хотел чем-нибудь удивить собеседника, то лучшего придумать бы, наверное, не смог, но эффекта хватило ненадолго. Округлив глаза, Василий Васильевич уже через секунду махнул рукой и вернулся к теме, которая, видимо, полностью занимала сейчас его мысли.

– Так я про АДУ-4 что говорю? Замечательный мотор! Пусть, не мощью, не какими-то выдающимися характеристиками, но конструкцией! Биротативный двигатель с внешней несущей рамой! Понимаете? – Киреев даже невольно наклонился в мою сторону и попытался заглянуть в глаза, ища там ответ на свой вопрос. Увы, ухватить его мысль сразу у меня не получилось.

– У АДУ-4 картера как такового вообще нет! – очередное пояснение опять мне ничего не дало и я даже стал опасаться появления комплекса неполноценности из-за осознания собственной тупости.

– Гражданин Киреев! Говорите уж прямо, что вы там хотите сказать! Что вы мне загадки загадываете?!

– Так я и говорю прямее некуда! Мы макет как собирали? Вы сами сказали, что серийные заводы за такой «геморройный» процесс нас каждый Божий день материть будут, чтоб нам до самой смерти икалось! А всё из-за картера будь он неладен. Да он и не нужен вовсе, если главному «паразитному» шатуну впускных поршней добавить пару лёгких «паразитных» шатунов для выпускных, то они друг друга уравновесят. Будет, как и в случае с оппозитом, полностью сбалансированная система. Заодно переход к жёсткой кинематике внешних шатунов вместо, пусть теоретически, но «плавающей», добавит надёжности.

– Зато систему усложнит на двадцать пять деталей вместо одного противовеса...

– Зато какой-нибудь внешний поршень на «стопе» не уползёт и на внутренний не ляжет...

– Допустим, а без картера как? – тут я брякнул то, что действительно имело место. – Знаешь, у меня воображения не хватает, представить, что ты хочешь.

– Внешняя несущая рама! Вот краеугольный, в буквальном смысле элемент! – с пафосом, подняв указательный палец в чёрное вечернее небо, приподняв брови и чуть выкатив от возбуждения глаза, изрёк Киреев, оставшись так какое-то время стоять с приоткрытым ртом.

– Ты б хоть чертёж какой изобразил что ли... – я с досады даже плюнул.

– Вот времена! Кому дипломы инженеров дают? Кого главными конструкторами назначают? Из каких соображений? Кто первый на дороге попадётся что ли? – забывшись, рассердился на меня, как на нерадивого ученика Василий Васильевич. – Любой гимназист давно бы всё уже понял!

– Мне непонятливым быть не возбраняется, я недоучка, – усмехнулся я, вспомнив условие получения звания инженера, поставленное самим Сталиным. – Этот дизель – как раз моя дипломная работа.

Зек-конструктор тяжело вздохнул и покачал головой.

– Ладно, гляди сюда, – Киреев отломил от высаженного летом для красоты и разнообразия куста сирени веточку и, сместившись к пятну света, люющегося из окна, стал чертить на утоптанной возле крыльца земле. – Впредь звезду будем собирать так...

Глядя на вырисовывающуюся схему и слушая пояснения Василия Васильевича я, мысленно взвешивал «за» и «против» его нового подхода. Киреев представил мотор в виде кольца идентичных открытых рам-секторов, внутри которых помещалось всё «хозяйство» отдельного цилиндра – контур охлаждения, арматура подвода горючего, внешние шатуны и система масляного охлаждения выпускных поршней. На стыках рам предусматривались ниши под втулки «паразитных» шатунов так, что разместить главные шатуны можно было между любыми двумя рамами на выбор. Коленвал отдельной звезды опирался на глухую «первую» торцевую крышку и составленную из двух половин «вторую», имея, таким образом, две опоры. Собираться двигатель должен был при вертикальном положении коленвала, который первым делом монтиро-

вали в опору торцевой крышки, далее шёл монтаж шатунов звезды с внутренними поршнями. Потом, на торцевой крышке, как на столе, на шатуны надевались по очереди рамы цилиндров, далее – внешние поршни. Всё это скреплялось между собой болтовыми соединениями и накрывалось задней крышкой, или промежуточной, если звезда двух- и более рядная. Второй и последующий ряды монтировались из тех же деталей в таком же порядке. Получившаяся каркасная конструкция закрывалась торцевыми и боковыми панелями из листовой стали, образуя один огромный внутренний объём, и внешне двигатель должен был напоминать бочку. Если конечно не обращать внимания на выводимые наружу выхлопные коллекторы и часть трубопроводов.

Преимуществами схемы, несомненно, была простота сборки. Каждая отдельная деталь была довольно простой и имела относительно небольшой размер, что позволяло обрабатывать их на универсальном оборудовании заводов. Самой большой виделась «первая» торцевая крышка, диаметр которой не мог быть меньше 650 миллиметров, но, скорее больше, около метра, так как необходимо было сделать её жёсткой, хорошо связанной с внутренним каркасом, добавив радиальных рёбер. Но в сравнении с чугунными отливками картера первоначального проекта, внутренним диаметром 640 миллиметров, длиной в полметра, с окнами цилиндров и внешних шатунов, эта крышка казалась сущей мелочью в плане сложности изготовления. Каркасная рама с цилиндром выходила радиальным размером около 650—660 миллиметров, а внешний дуговой зависел от того, шесть, восемь или десять котлов мы хотим иметь. Чем больше цилиндров в моторе, тем меньше размер детали. Вал, поршни и шатуны для обеих схем были идентичные. Самым же большим соблазном заняться именно скелетным мотором было то, что мы разом избавлялись от проблем с отводом охлаждающего масла от выпускных поршней. Чаромский не смог с ними справиться, имея всего четыре цилиндра в ряду, что уж говорить о десяти? Но в таком объёмном бочонке масло просто самотёком будет свободно стекать вниз, туда, где и будет установлена помпа.

Недостатки же были обратной стороной достоинств. Множество деталей, которые надо было собрать с высокой точностью относительно друг друга, не вдохновляли. Не ясно было, что произойдёт при нагреве каркаса. Вдруг его «поведёт»? К тому же, даже «на глаз», предполагался повышенный вес, что, впрочем, для мощного судового дизеля не особо важно.

– Ну, что ж. Благословляю. Быть вам, Василь Василич, ведущим конструктором по «звезде», а бригаду вашу вы лучше меня знаете. Спецов, кое-какой опыт по компрессорам и ТНВД добавлю и дерзайте! Для проверки схемы, чтоб не слишком накладно вышло, забабхаем шестицилиндровую звезду на базе сотого мотора с максимальным использованием серийных деталей. Если непреодолимых подводных камней не окажется, следующим уже сорокацилиндровый судовой мотор будет, четыре звезды по десять. Больше не впихнуть.

Эпизод 3.

– Как дела? – вопросом встретила меня Полина после возвращения с работы. Едва дождавшись моего обычного «всё хорошо», она вывалила на меня все подробности очередного дня, хозяйство-соседи-новости-сплетни, вполне удовлетворившись «да, не может быть, неужели», которыми я обозначил своё участие в разговоре. Дождавшись, пока я разделся и умылся, жена позвала за стол.

– Пойдём покормлю, я уже собрала. Сами-то мы давно поели... – в последних словах содержался толстый намёк. Время было уже позднее, дети спали, но всё бы ничего, если бы такое не происходило ежедневно. Да, как говорится, проблема имела место быть.

– Хочу в детский сад воспитательницей устроиться, как считаешь? – затронула Поля очередной больной вопрос. Свято место пусто не бывает. Полина вернулась из Севастополя только в середине октября, одновременно с основным составом КБ, проведя за счёт РККФ недурной

почти двухмесячный, без недели, отпуск. Библиотека же должна была работать, как минимум с начала учебного года и туда взяли другого человека. Ругаться и качать права было не к лицу, да и правда, по совести сказать, была не на нашей стороне, поэтому пришлось оставить всё как есть. Другое дело, что теперь Поля маялась от безделья, «на раз» управляясь с домашним хозяйством. Развлекательные мероприятия в виде театров и кино не могли здесь помочь потому, что ходить туда без меня моя дорогая супруга считала категорически неправильным и, хотя всячески пыталась поднять мой «культурный уровень», это шло в разрез с работой КБ, которая была для меня на первом месте. Спа-салонов ещё, слава Богу, не придумали, да и в обычную парикмахерскую Поля ходила только по очень важному поводу, вроде какого-нибудь официального мероприятия. Привыкнув с детства трудиться от зари до зари, она нуждалась именно в работе, каком-нибудь полезном деле. И эта проблема тоже имела место быть.

– Солнышко, это терпение ангельское надо иметь, – высказал я своё мнение относительно садика. – Если считаешь, что оно у тебя есть, попробуй.

– Думаешь, не справлюсь? – жене что-то в тоне ответа явно не понравилось.

– С детьми? Не сомневаюсь, – я набрался духу и постарался быть максимально тактичным и мягким, но при этом честным. – Взрослые постараются тебя выжить. И родители и работники. С твоей то репутацией. Предвижу склоки, придирки и скандалы без конца и края.

– Ну, да. Ведьма ведь! Куда ж мне тогда?

– Не знаю, поищи ещё что-нибудь.

– Помочь не хочешь? Может, у тебя для меня работа какая есть?

– Говорили же уже! Чертёжницей пойдёшь? Да ты от скуки заплесневешь! Нет, я верю, что с этой кропотливой работой ты справишься. Но всё равно языки будут чесать, будто ты ничего не умеешь и не делаешь, за тебя работают зеки, а я жёнушку в тёплое место пристроил.

– Что же делать?

– Говорю, не знаю! Думай сама, – я откровенно отмахнулся от Полиных проблем, своих более чем. – Пойду поработаю, Кожанов письмо прислал, ответить надо.

Жена только тяжело вздохнула. Вздохнул и я, прочитав ответ и очередные замечания к своим «Соображениям по морской пехоте». Месяц ушёл на то, чтобы уломать «специалистов», каких я и сам не знаю, но скорее всего Кожанов консультировался, кроме своих родных морпехов ещё и с обычными сухопутчиками, чтобы даже не доказать необходимость, а уговорить попробовать вооружить штурмовые подразделения автоматическим оружием, как основным. Ближний бой, даже теми, кто только что «сломал» очередную войну, виделся исключительно как штыковой. К тому же – штыку патроны не нужны. Дёшево и сердито. Если солдатских жизней не считать. На вооружении МП уже стоит самозарядная винтовка Шпагина, плотность огня столько-то пуль в минуту, не менее чем в два раза больше равного по численности батальона любой иностранной армии. Какие ещё автоматы нужны? Тем более конкурсы на вспомогательное оружие для комсостава, пистолеты-пулемёты, регулярно заканчивались безрезультатно.

Автоматы, натуральные, за отсутствием боеприпаса заглохли, но со скрипом согласились объявить очередной конкурс на ПП. Раз такое дело, то я не упустил шанса добавить в требования к оружию возможность бесшумной стрельбы. Видел я, в своё время, пару таких китайских поделок, использующих тот же самый патрон ТТ, но с удлинённой и утяжелённой пулей. При этом необходимо было обеспечить стрельбу и обычными массовыми патронами, как более высокоскоростными, что помогало точнее попадать в цель, и дешёвыми.

Предложение, разумеется, было встречено «в штыки». Вооружать всех автоматчиков бесшумным оружием посчитали расточительным. Мне, в ответ на приведённый пример с захватом бронепоезда, тактично указали, что в том случае можно было обойтись и БраМитами на наган или винтовку Мосина, которые уже приняты на вооружение. Вот теперь мне предстояло пробивать головой очередную стену, доказывая, что копеечные изменения конструкции ПП, сво-

дящиеся к увеличению хода затвора и одного из габаритов магазина, зато позволяющие комплектовать БраМитом, как здесь называли глушитель, любой из стволов, нужны. А для тех, кто пользуется бесшумным оружием сейчас, вообще требуется не навинтной, а эффективный интегрированный глушитель. Впрочем, и здесь конструкция не слишком далеко убежала от серийной.

– Ты скоро?

– Ну что ещё? – от внезапности потеряв над собой контроль я выплеснул на жену накопившееся за день раздражение на работу по дурацкому заданию, на всё новые «вводные», разгresti которые не хватало рук, на трудноосуществимые собственные «хотелки», на этих вот крохоборов, упирающихся, словно назло, по любому поводу.

– Раньше ты таким не был... – отчуждённым голосом сказала Полина, выходя босиком по деревянному полу из-за плеча, одетая в украшенную кружевами длинную белую ночную рубашку, которую я ещё не видел и ставя на стол два бокала с красным крымским вином. Пока я смотрел на неё широко открытыми глазами, жена развернулась и, совершенно бесшумно, словно привидение, вышла.

Капля чернил, сорвавшись с кончика пера, превратилась в жирную кляксу, обесценив труды последних двадцати минут. Ну и шут с ними! Завтра будет ещё один день, а семья у меня одна. Да, раньше я таким не был. Раньше я делал мотор ради жены, чтобы быть к ней ближе. Теперь же работа всё больше и больше отрывала меня от Поли, заполняя все мои мысли. Чего ради я надрываюсь? Ради бесполезного «утюга» «Фрунзе»? Ради малого флота? Чтоб было и хотя бы годом раньше? Зачем? Война будет на суше и мы её, уверен, выиграем. Сейчас совсем другие люди работают на победу напрямую, тот же Гинзбург с Чаромским, а меня куда-то в сторону повело. От других сейчас зависит и то, какой кровью нам победа обойдётся.

Я мысленно вошёл в поток чистой, чуть тёплой, прозрачной воды, уносящий далеко-далеко всё дурное и вышел на противоположный берег другим человеком. Работа, железки-шестерёнки, административные неувязки, сверхцели и сверхзадачи – всё осталось на исходном. Есть только я и самые близкие мне люди. Остальное второстепенно.

– Прости, – прошептал я чтобы не разбудить детей, войдя в спальню и сев на высокую перину простой железной кровати. Поля, отвернувшись к стене только всхлипнула в ответ. Я положил ей руку на плечо и стал ласково поглаживать, если не словами, то прикосновениями стремясь преодолеть ту обиду, которая вдруг встала между нами.

– Тебя люди боятся... и от страха ненавидят.

– Догадываюсь, – ответил я, припоминая пойманные на работе взгляды вернувшихся с отдыха инженеров.

– И я тоже боюсь, – вдруг призналась жена. Вот от неё, с таким то характером, никак не ожидал. Жила в деревне, где каждая собака считала её ведьмой, одна! И это её ничуть не беспокоило! А тут на тебе!

– От тебя не знаешь, чего ждать! – истолковала Полина моё молчание по-своему. – То чуть ли не безработный, то Сталин к тебе в гости ходит, деньги то есть, то нет, и вообще ты с огнём играешь и я не пойму зачем! Любому десятой доли твоих приключений хватило бы, чтобы испугаться и замереть, а ты всё куда-то лезешь! То всё войны боялся, каждый день про неё твердил, а сейчас вдруг успокоился, даже не вспоминаешь, сказал раз, что точно теперь победим и всё! Что изменилось то? Лучше б ты по бабам гулял или пил, чем гадать, что у тебя в голове происходит!

– Зачем гадать? Ты же кино прямо в бобине смотришь! – подколот я жену, стараясь перевести разговор именно «на баб», поскольку водка однозначно идёт мимо, а потом, за отсутствием состава преступления, и вовсе закруглить.

– Я мысли не читаю, я их чувствую. У тебя одни железки на уме. Не человек, а счётно-решающий прибор без всяких переживаний, вот! – выдала она сгоряча.

– А вместо сердца – пламенный мотор, ага. Ты про счётно-решающие приборы откуда знаешь? – на сей раз я не стремился увести разговор в сторону, мне действительно было интересно и... страшно. За жену. Не дай Боже ей до моей памяти докопаться!

– Сам о нём думал, понять можно только так. Когда с расчётами сидел. Думал, что будь у тебя большой прибор, которого ни у кого нет, ты бы ему расчёты скормил, а он бы тебе готовый результат выдал. Жутко и представить такое.

– А ещё?

– Ещё о чём я думал? Давай, признавайся, что ты там подсматривала?

– Думаешь всё просто так? Залезла, покопалась, достала что искала? Даже у обычного человека не понять, куда он следующий шаг ступит, направо или налево, если только он не будет очень сильно хотеть. Ты как бумаги открыл да посмотрел, что внутри, так тебе твой прибор очень сильно захотелось. А ещё ты хочешь, чтоб мы победили, но уже не так сильно, редко об этом думаешь, чаще – чтобы крови поменьше было. А я хочу, чтобы ты обо мне и детях также сильно думал!

– Сидел на попе ровно и не дёргался... – закончил я по-своему мысль жены. Та недовольно дёрнула плечом, стряхивая мою руку.

– Значит так. Со своей жизнью и работой я ничего не могу сделать, влез уже по самые уши, – терпеть «наезды» от кого бы то ни было, пусть даже от любимой женщины, я, в силу склада характера, просто не мог, поэтому сейчас говорил жёстко. – Если это тебя так пугает, подавай на развод. Я всё понимаю и зла держать не буду. К тому же, если со мной что-то случится, ты с малышами не пострадаешь. Или лучше мне с тобой развестись?

– С ума сошёл? – Поля резко перевернулась на спину и посмотрела на меня сердитым взглядом. – Я тебе что, мешаю? Или я тебе надоела и ты просто избавиться от меня решил?

– Вижу, что вариант с разводом не устраивает нас обоих, уже хорошо, – сказал я, не отвечая на вопросы. – Тогда предлагаю жёсткое разделение по времени. Я не тащу работу домой, а ты не бегаешь в КБ. А то неудобно, право слово! Мамки детей зовут, и ты тут же: «Сёма, пойдём обедать»!

– Тогда ты есть совсем забудешь! Ни разу сам домой не пришёл и не спросил! Телефон домой прикажи провести, звонить тебе буду, – ну вот и ладненько, лучше обсуждение условий перемирия, чем эскалация конфликта.

– Но только по очень важному делу и не каждые пять минут, а то провода обрежу самолично.

– Хорошо, – согласилась Поля, не забыв обиженно надуть губки. Но ура, согласие, хоть в чём-то, достигнуто!

– Обещать твёрдо не могу, но буду стараться, в первую очередь, заниматься нашими делами, а потом уже всем остальным, – тут я, можно сказать, совсем капитулировал, пусть Полина считает, что добилась своего. Жаль, что всё это лишь намерения, жизнь не даст отгородиться в маленьком мирке. Но никто же не может запретить желать семейного счастья, покоя и уюта?

Моё солнышко обхватило мне шею руками, притянуло к себе и чмокнуло в губы.

– На работу устроиться поможешь? – взгляд вплотную заставил меня ловить фокус то на одном, то на другом глазу. Я освободился и выпрямился потому, что человек с бегающими глазками вызывает подозрение во лжи, после чего зашёл с другой стороны.

– А ты сама, чем хотела бы заниматься?

– Что?

– Ну, ты ищешь что поближе, что попало, короче. А к чему душа лежит?

Немного подумав, Поля меня огорошила.

– К химии.

– Что? – пришла моя очередь переспрашивать и удивляться.

– Понимаешь, в моём ремесле травки, корешки, ещё кое-что используется. Всё это смешивается или приготавливается другим способом для достижения нужного результата. Вот я и подумала, что химия что-то очень похожее. Я уже и книг много прочла. Да, мне это нравится и легко даётся.

– Задумала, значит, повышение квалификации? Оно и верно, что химики из алхимиков выросли, а те, в свою очередь, из шаманов каких-нибудь. Тогда тебе не работать, а учиться надо! Готовься и со следующего года поступай в институт.

– Да я уже старая, что я там делать среди комсомольцев буду? И что, получается, до лета без дела сидеть?

– Глупостей не говори. Старая она чтобы учиться... Я, студент, то ли недоучка, то ли переучка, сразу не понять, а тебя старше. И до лета полгода всего, переживём.

– Ты лучше с дядей Исидором поговорил бы, – пропустив мимо ушей мой ответ, сказала Поля. Палец на отсечение, что у неё был план, а я попался!

– Можно. Но он ткачихами заведует, а мы вроде как по твоему призванию хотели...

– Ткани красить надо и не только. Вот взяли бы меня хоть кем в лабораторию, где они краски изобретают, мне было бы довольно. И перед институтом какая-никакая практика с приработком.

– Какими словами заговорила, – заметил я. – Пять лет назад всего прачкой подрабатывала, а тут только дивись!

– Так я и в библиотеке работала. Или ты думаешь, что у тебя жена – дура? – с наигранным подозрением спросила Полина.

– Напротив, я всегда думал, что ты у меня умница, – сделал я комплимент, без которого невозможно было обойтись. – Скажи, а ты всё прямо от моего прихода домой спланировала? Жена тихо рассмеялась и сказала начистоту.

– Можно и так сказать, но план, как ты говоришь, был немного другой. Без обид, ссор и прочих глупостей. Даже совсем-совсем наоборот, – она сладко потянулась. – И не всё ещё потеряно, если, конечно, ты одобряешь и поддерживаешь.

– Конечно, одобряю и поддерживаю, – поддакнул я, за что был тут же раздет и затащен в постель.

Эпизод 4

Седьмое ноября – красный день календаря. Обязательный выходной и необязательный «нагрузочный». А выпить не с кем! Полина была права полностью, говоря, что меня все боятся, а поэтому ненавидят. Может быть, только сгустила краски, но отчуждение у всех людей, с которыми я общался, присутствовало. Их можно понять, моей роли в истории с их арестом они не знали, но то, что я в этом деле замазан по самую макушку, были уверены. А то, что всё обошлось благополучно и в конце их даже обласкали, так это надо нового наркома внудел благодарить, товарища Берию и, конечно же, лично товарища Сталина. А Любимова, кстати, не обласкали. Присвоили капитана, который ему и так по должности был положен, и на этом всё. Что-то с ним не так, лучше подальше держаться.

Да, шарахались от меня все. Все, кроме капитана Бойко. Этот, как я понял, вообще ничего не боялся, ни Бога, ни чёрта, ни начальства сверху, ни кляузников снизу. А чтобы делать какие-то выводы о человеке ему нужны были веские основания, а не измышления и сплетни. К тому же Бойко со своей деревянной ногой и воинским званием не мог идти в общей колонне ЗИЛа, а побывать на Красной Площади и посмотреть парад ему хотелось.

Я тоже мог участвовать в мероприятии только в качестве зрителя, взяв с собой жену и старшего сына. Поэтому я заранее навестил капитана на заводе, чтобы договориться о совместных действиях, где встретил ещё одного старого знакомого.

– Любимов! Чертяка, живой! – шлепок по плечу сзади во время разговора с Бойко заставил меня вбитым на тренировках ещё в далёком будущем движением уйти по непрогнозируемой траектории и обернуться в сторону опасности.

– Простите, товарищ капитан госбезопасности, обознался, – загорелый дочерна, наверное прожаренный насквозь, раз загар не сошёл до ноября, полковник погранвойск смутился и хотел было ретироваться.

– Седых, стой! Здорово, командир!

– А я-то голос слышу... – вглядываясь в меня пограничник забыл, что хотел сказать и ляпнул. – Эх, тебя приложило. Горел? У нас одна «БАбушка» сгорела, так никто не выскочил.

– Это где? – тут же задал важный для себя вопрос Бойко. Горелые танки и БА – его оружие в борьбе с управлением механизации РККА.

– Капитан Бойко, военпред на заводе ЗИЛ, был командиром танковой роты на Кавказе. Полковник погранвойск Седых, был моим командиром в Грузии, командовал бронепоездом, защищавшим Батум, – представив их друг другу, я коротко обрисовал и боевой путь каждого.

– Это в совсем Средней Азии. Прибыл сюда вслед за Фриновским, который там у нас командовал, новую матчасть получать, – как можно более обтекаемо, поняв видно что ляпнул что-то лишнее, очертил весьма широкие географические пределы Седых.

– И как оно случилось? – не отставал Бойко.

– Ки... Басмачи, заразы, пушку в дом затащили, как раз напротив въезда в цитадель. А там машина через ворота впритирочку проходит, дверей не открыть. Ну и жахнули. А потом сразу сбежали, гады, так мы их и не нашли. Нашим хана, у «БАбушки» бензобак как раз над головой водителя и стрелка. Туда и попало.

– Бронеавтомобили – вообще вредительство! – в сердцах брякнул Бойко, одержимый своей «идеей фикс». – Их толком не бронируешь, шасси не позволяет. А наши то, в УММ, специально всё танковое производство в Подольск перенесли, чтоб я им мозг не клевал.

– Постой, что ЗИЛ танки больше выпускать не будет? – я напрягся, огорчённый новостями. Московский Т-26, несмотря на паршивую бронезащиту, для 41-го года, а тем паче для более поздних времён, был неплохой машиной с мощным вооружением и хорошими механизмами, установленными на надёжную ходовую часть.

– Точно так. Чувствую, убрать меня отсюда у УММ руки коротки, так они танки подальше от меня убрали. Теперь в Подольск будут уходить только агрегаты, а взамен они нам корпуса БАТов присылать будут. Это заводское название, в армию они как БА-11 пойдут. С БАСом пока неясно, примут ли на вооружение. Недалеко он от машин на шасси ГАЗ ушёл. Что, посмотреть хотите? – поймал наши заинтересованные взгляды Бойко.

– Конечно! – возбуждённо согласился Седых.

– Могу посодействовать. Хоть и не положено, – набивал себе цену военпред. – Только, БАС здесь, а все БАТы, и опытные, и первые серийные забрали на парад, там посмотрим.

– Да веди уже скорее! Показывай, что там Гинзбург наваял! – я тоже поддался настроению пограничника.

– Так это не он, а Важинский. У нас так: всё, что на гусеницах – то Гинзбург. А колёса – Важинский.

При первом взгляде на машину, спрятанную в том самом ангаре, где собирали теплопаровоз, сомнения в авторстве, если и были, то отпали. Две броневые радиаторные решётки в вертикальном кормовом бронелисте, столько же глушителей на нём же, давали понять, что двигатель установлен недалеко. Сразу вспомнился разговор после стычки с Дыренковым, когда я ещё Лихачёву рассказывал свой замысел броневика. Ну-ка, посмотрим. Точно, рессоры обоих мостов опираются на броню, значит корпус несущий. А вообще наиболее точно и ёмко внешний облик бронеавтомобиля описал Седых, едва увидев его.

– Экий крокодил в цилиндре!

Действительно, зауженный, с большими углами наклона бронелистов нос, опирающийся на переднюю балку-балансир, к которой были выведены передние концы полуэллиптических рессор моста, задними своими концами опирающихся на приваренные к броне уголки, производил именно такое впечатление. Я б его даже гавиалом назвал, очень хорошо.

А вот остальной корпус, начиная со средней части, имел простые вертикальные борта, без расчёта на рикошет, но в целом, размеры его были минимальны. Опыт войны в Грузии был явно учтён, водитель, размещённый по центру, из своей гранёной рубки, должен был иметь хороший обзор как вперёд, так и в стороны через три окна, прикрываемых в бою броневыми крышками со смотровыми приборами.

Квадратное в плане подбашенное отделение было размещено строго в центре, его борт простирался от переднего до заднего колеса и был дополнительно прикрыт колесом-запаской с возможностью вращения. Это должно было, по идее, предохранить от посадки днищем на грунт, но мне показалось лишним. Короткой базы и большого дорожного просвета было вполне достаточно, чтобы ничего не опасаться.

Завершала конструкцию корпуса короткая корма, которая чуть была чуть уже боевого отделения, чтобы разместить двускатные колёса заднего моста, прикрытые сварными коробчатыми крыльями. Её верхний лист имел наклон от башни назад, что было очень похоже на корму Т-26, а вертикальная стенка была отнесена назад ровно на длину рессор, поэтому задний свес был минимальным.

Всё это венчалось башней БТ-5 с кормовой нишей, той самой «шляпой-цилиндром», вносящей дисгармонию во внешний облик броневедомобиля. Коническая была бы здесь куда более к месту.

– Вот такой он, наш БАС. Броневедомобиль средний, экипаж три человека. Полноприводный, проходимый, используются агрегаты серийных ЗИЛов, двигатель, коробки, раздаточная и передач, мосты. Всё портит башня из которой ни черта не видно. И, конечно, броня.

– Не грехи напрасно, товарищ Бойко, – подошёл главный конструктор общеавтомобильного КБ ЗИЛ Важинский, которому, видимо, кто-то сообщил, что его бывший приятель-соперник Любимов заявился на завод. – Сам знаешь, этот броневик по защите все наши танки превосходит. Кроме Т-28 может быть. Корпус сварной, до тридцати миллиметров брони нос борта и корма, круговая защита от противотанковых ружей, а лоб корпуса и пушка противотанковая не берёт!

– Зато во всё остальное берёт! – не сдавался Бойко. – Зачем он вообще такой нужен? Как ни изощрайся, а всё равно все резервы по грузоподъёмности шасси вы исчерпали и усилить броню невозможно!

– Положим, не все. Чуток осталось, – Важинскому тоже не хотелось уступать. – Вот поставим на него башню с Т-26М, тогда точно всё. Даже пушку на сорокапятку сменить придётся, чтоб полегче был. Защита больше не станет, зато обзор уллучшим. Что для разведчика и требуется, а броня толстая ему ни к чему, подвижность важнее.

– Тогда уж лучше защиту полегче, но чтоб плавать мог, – вставил я свои пять копеек, после чего Бойко посмотрел на меня как на предателя.

– Тебе не угодишь, товарищ Любимов, – мои слова возмутили и Важинского, – или ты шутишь так неудачно?

Вот у кого претензий к броневеику не было, так это у пограничника. Седых обежал машину кругом и только переспросил.

– Дизель ведь? ЗИЛ-5 в броне? Ай, молодцы! Давно пора. Да на нём, наверное, в тысячу километров переходы делать можно! У нас только бензиновые были, хотя мы просили дизельных.

– До тысячи не дотянули, но восемьсот гарантируем, – ответил Важинский.

– Значит, такие машины нам дадут? Замечательно!

– БАТы вам дадут, побольше. Вообще не понимаю, чему вы, товарищ полковник, радуетесь, – недоумевал Бойко, – это ж гробы!

– А мне главное, чтоб ехать могли на одной заправке как можно дальше и не ломались. Были у нас в отряде грузовики ЗИЛ-5, так мы к ним «БАбушек» на переходах цепляли и так на буксире тащили. Чтоб топливо и ресурс мотора сберечь. А тут два удовольствия в одном!

– Вы ещё БАТов не видели, там ещё и вооружение огого! – Важинский был явно доволен такой лестной оценкой своей машины.

– Ага, и дорогие огого! – продолжал портить настроение конструктора военпред. – Для армии полноприводные грузовики стали делать – все двухосные. На трёхосные карданных шарниров жалко. А на эти гробы, выходит, не жалко? Лучше бы вместо одного БАТа два ЗИЛ-5В выпускали.

– Нечего спорить, о том, чего не видим. Приглашаю присутствующих составить мне и моей супруге компанию на параде. Там я своё мнение и скажу. А потом к нам домой, отмечать праздник! – остановил я бесполезные пререкания, которые могли бы затянуться не на один час, дай спорщикам волю.

...

Вот, примерно, в таком составе мы и поехали на Красную площадь. Не было Важинского, который сказался больным, зато добавился Гинзбург с супругой. Причём последний вымотал нам все нервы, пропав на заводе и вынырнув из проходной в последний момент, когда мы все, включая его дражайшую половину, уже готовы были ехать, боясь опоздать к началу.

– Ну, где ты там пропал!?

– Прости, дорогая, на вахте сказали почту фельдегерь доставил. Я не удержался и посмотрел, – ответил довольный, как обожравшийся сметаны кот, Гинзбург. – Пляши, товарищ Бойко, сломали мы их! Подумать только, целый год прошёл!

Тут Гинзбург вздохнул полной грудью, расправил плечи, посмотрел в осеннее небо и, словно делаясь с ним своей радостью, сказал понятные только ему и военпреду слова.

– Сорок пять по новому ТЗ. Сорок пять! Если сварщики не подведут, то первыми будем, у нас всё готово считай.

С этим он полез в багажник к полковнику Седых, благо кузов ГАЗ-А позволял устраивать там дополнительные места, иначе всемером мы в машину бы не влезли. В принципе, я догадался о чём идёт речь. Это не могла быть масса танка, больно большой и неоправданный по сравнению с Т-26М перебор. Калибр орудия. Возможно, но такой радости бы это не вызвало. Скорее огорчение, ибо было шагом назад. Оставалась только толщина бронезащиты. Совсем недавно, три года назад, начали строить большими сериями танки с противоположной бронёй. Только-только сделали второй шаг, перешли на тридцатимиллиметровую противоосколочную, а тут сразу третий! Сорок пять миллиметров. Как на легендарной тридцатьчетвёрке. Такую броню мелкокалиберные противотанковые пушки, по идее, не пробивали. И это было несомненным шагом вперёд, дающим новое качество. Бронирование становилось противоснарядным.

– А что в праздник то? – вместо того, чтобы обрадоваться, недовольно буркнул военпред. – Рабочих дней мало?

– Постановление подписано вчера. Вопрос разбирали на самом верху. Видимо, вставили «управленцам» хорошего фитиля и они засуетились, стремясь скорее отчитаться.

Я не стал влезать в это дело. Мужики двигаются в правильном направлении и им можно пожелать только успеха. Сейчас конец 34-го года, пусть уйдёт год на разработку и испытания танка, плюс зазор на освоение в серии. Получается, что с 36-го в войска пойдут средние танки, приблизительно равные тем, что были у нас в 41-м году моей прошлой жизни. Будет время выявить все детские болезни и освоить технику в войсках. И «ушатать» машины до полного

исчерпания ресурса времени не так уж и много, хотя, дурацкое дело не хитрое. В целом, очень и очень хорошо.

Недавно я из тех же соображений облегчил своё КБ на группу вольняшек-артиллеристов, попросив Меркулова выделить их в отдельное бюро и пристроить на какой-нибудь маломальски приспособленный завод. Заниматься миномётами самому у меня не осталось никакой возможности, время на проверку не резиновое, его не растянешь. Я только дождался, когда у меня появится полная уверенность, что люди всерьёз заинтересованы и 160-миллиметровый миномёт не бросят. К этому моменту у нас уже был готов основной боеприпас, теоретический чертёж ствола и общая схема системы. Напортачить там теперь очень и очень затруднительно. Один-два года максимум и оружие пойдёт в войска, а там и до следующего, 240-миллиметрового калибра недалеко. Если, конечно, «теоретики» палки в колёса вставлять не будут. Конструкторы-артиллеристы, в свою очередь, взаимно были рады-радёшеньки от меня избавиться. Получилось, что и волки сыты, и овцы целы.

На Красной площади наша компания, построившись клином во главе с полковником погранвойск Седых, у кого орденов-вездеходов было больше всех, спрятав Гинзбурга и женщин в задние ряды, продвинулись до самого края толпы зрителей, обеспечив себе наилучший обзор. Не подумайте ничего плохого, никакого насилия, достаточно было вежливо попросить. Орденосцев уважали и, как бы ни было тесно, но люди расступались, давая нам дорогу.

Пропустив мимо ушей речи вождей, без особого интереса посмотрев начало действия с рапортами и громогласными «ЗдравЖлав!!!» выстроенных спинами к нам корбочек, я едва дождался начала прохождения техники.

– Вот они! – толкнул меня под локоть Бойко, обращая внимание на вырывающиеся вслед за лёгкими БАИ-Д, бронемашины. Да, родовое сходство, безусловно, есть, но масштаб! Если БАТ можно было бы назвать колёсным вариантом БТ, то БА-11 был явной попыткой создать аналог Т-28. До трёх башен не дошло, но в удлинённых боковых гранях подобной БАСу водительской рубки, позади окон, симметрично разместились две шаровые пулемётные установки. Стрелки, их обслуживающие, явно сидели по бортам, уступами за местом водителя. Из-за этого корпус броневика удлинился и башня, которая, кстати, была заимствована с Т-26М и вооружена штатной КТ, сдвинулась назад. Моторный отсек остался таким же коротким, но теперь он едва дотягивал по длине до шин задних колёс, свес, таким образом, полностью отсутствовал, а законцовки крыльев были сделаны шарнирными, чтобы не оторвать их при преодолении препятствий. Вот это всё опиралось на три ведущих моста, каждый из которых, включая передний, имел двускатную ошиновку. В целом машина производила внушительное впечатление массивностью и «свирепым внешним видом», легко при этом двигаясь и хорошо поворачивая, видимо, благодаря короткой базе и сдвинутому к передней оси центру тяжести. Её экипаж должны были составлять не менее шести человек.

– Нравится? – хмуро спросил военпред у погранца, буквально, захваченного зрелищем.

– Ещё как! С такой пушкой можно и артиллерию с собой не брать. Только возиться с ней, загружая-выгружая в машину и обратно.

Как бы подтверждая слова полковника, вслед за танками, прошли ЗИЛ-5 со 122-миллиметровыми гаубицами в кузовах. Всё как обычно, но на этот раз грузовики были не простые, а с полным приводом. Можно поставить себе плюстик.

– Вот так и мучаемся, – кивнул на колонны техники Седых.

– Погоди, лиха беда начало. Будут новые пушки, тогда будете их просто к машине цеплять.

Как бы подтверждая мои слова, на площадь вышли ярославские грузовики. Тоже вездеходы и тоже двухосные. За собой они тащили гаубицы-пушки МЛ-20, которых я тут раньше не видел, или что-то на них крайне похожее.

– Как тебе такой вариант? – шутливо пихнул я полковника в бок кулаком.

– Ки... – опять запнулся Седых, – как бишь их, басмачи от одного вида обгадятся. Нам такие не положены, у нас трёхдоймовка за счастье. А то всех соседей перепугаем.

– Боятся, значит любят, – вывел я новое правило большой политики.

– Ага, дожидайся, – не поддержал меня полковник.

А потом, после кавалерии, пошли корбочки и последней, перед самым оркестром, шла пехота. Морская. Батумский батальон, который так и не добрался пока до Балтики, зато разжился новой парадной формой, в «сочинении» которой я принимал самое деятельное участие. Как и раньше, на зимнюю парадку у «сочинителей» ума не хватило и brave морпехи чекали шаг в беретах и кителях «родного» чёрного цвета, сверкая полосатыми пятнами тельников на груди. Такого зрелища я не видел, можно сказать, с самого детства, и сердце ёкнуло. Да, были парады в прошлой жизни, да красиво, но под конец там шли солдаты совсем не той армии и совсем не того государства. Не было ощущения стоящей за ними всепокрушающей мощи, готовой в любой момент уничтожить любого, абсолютно любого, кто дерзнул бы лезть к нам «с мечом». Не было этого ощущения раньше и здесь, холодный рассудок, реально оценивая силу РККА начала 30-х, всегда расставлял всё по своим местам. А тут! Вроде ничего не изменилось, всего-то один батальон, но ощущение победителей, почти религиозное, как будто прикоснулся к святыне, возродилось именно сейчас.

С комбатом батумцев, майором Касатоновым, я был немного знаком, приходилось вместе работать, утрясая штаты и прорабатывая схемы действий, на основе которых, в том числе, должен был родиться боевой устав МП. Так уж получилось, что батальон, будучи предпоследним, прошёл мимо нас дважды. Один раз поближе к зрителям, а потом, возвращаясь, ближе к мавзолею. Вот, когда строй был к нам ближе всего, Касатов позволил себе вольность, посмотрев в мою сторону и отдав воинское приветствие. Я, захваченный чувствами, чуть замешкался, а Седых, чуть толкнув меня в тесноте локтем, вскинул ладонь к виску и довольно сказал.

– Узнал, чертяка. С этими ребятами мы не одно ведро крови пролили, и чужой, и, что поделать, своей. Да... Надо бы повидать товарища.

– Зачем же дело стало? Заглянем после парада в наркомат ВМФ, они прямо там временно квартируют.

Так мы и поступили, поскольку смотреть на колонны пролетариата было не так интересно. Седых пришлось выкручиваться, его «пленили» морпехи и не хотели отпускать, но и мне он тоже, вроде как, обещал. Сошлись на том, что сначала поедем ко мне, а потом пограничник с десанниками продолжат по собственной программе. План был хорош, но в мой «Газик» мог влезть от силы ещё один большой человек или полтора маленьких. Взяли, понятно, Касатонova с гитарой.

Забросив тёплую компанию домой, я смотался за детьми к Миловым. Маша после ежовской «гостиницы», несмотря на лечение, никак не могла оправиться и чувствовала себя неважно, поэтому на демонстрацию не пошла, согласившись приглядеть за малышами. А вот Петра пришлось дожидаться, не пригласить своих друзей и бывших соседей было бы просто некрасиво.

Наконец, компания была в сборе и мы сели за стол. Сам себе я при этом дал слово не говорить и не думать о работе ни при каких обстоятельствах. В конце концов, я этот сабантуй устроил именно для того, чтобы чуть-чуть расслабиться. К счастью, Касатов, заряженный агитацией «морская пехота – острие штыка пролетариата» на полную катушку, спровоцировал спор какой род войск круче. Седых, признавая достоинства морпехов, настаивал, что пограничники не хуже. И уж совсем не согласился с майором капитан Бойко. Весь разговор закрутился вокруг наглядных примеров из недавнего героического прошлого, размеры осетров при этом неумолимо росли. Женщины, Гинзбург и Милов, слушая поначалу с интересом и восхищаясь, откровенно заскучали и только сын, Петя-младший по-прежнему внимал рассказам с широко открытыми глазами.

– Да хватит вам уже спорить, всё равно друг другу ничего не докажете, – махнул я рукой.
– А ты, Семён, рассуди нас, – попытался меня втянуть Бойко. – Ты-то представление обо всех имеешь, всех знаешь. Кто из нас прав?

– На этот счёт песня хорошая есть. Если ты с майором мне её сыграете, то я попробую спеть.

– Давай, давай! Помню, как ты в санатории вечерами пел! А песни какие, заслушаешься! – подбодрил меня Седых.

– Насвисти мотивчик что ли, – видя настроение собеседников и опасаясь урона репутации морпехов, которых я приравнял ко всем остальным, что для Касатонова было ересью, он, тем не менее, взял гитару в руки. Отступить было бы не к лицу.

Я «налялякал» один куплет без слов, помогая себе ритмом, который отбивал прямо по столу. Мотив совсем простой, Касатов справится точно, Бойко с баяном будет труднее, но без него можно обойтись.

– Ну что готовы? – посмотрел я поочерёдно на музыкантов, а потом на всех остальных. – Про кого поём, за тех и пьём. Последние строчки куплетов помогайте все. Поехали!

В нас нету ни злобы, ни страха к врагу,
Ему не оставим мы шансов в бою.
Мы парни в беретах черного цвета,
Мы грозные силы *Советской* России!

Касатов гордо приподнял голову, а присутствующие подняли стаканы.

И нету усталости в нашем строю,
Границу мы держим надежно свою.
Мы парни в беретах зеленого цвета,
Мы грозные силы *Советской* России!

– Стоп, стоп! Какие береты? У нас фуражки же! – придрался к словам Седых.

– Поменяйте! Дёшево, красиво и удобно. Не песню же из-за вас переписывать! Из неё слова не выкинешь, – мой шуточный «отлуп» вызвал на лице полковника возмущённое выражение, а все остальные рассмеялись.

И нет бездорожья повсюду везде,
Огнём мы проложим дорогу себе.
Мы парни танкисты и артиллеристы,
Мы грозные силы *Советской* России!

Бойко, несмотря на деревянную ногу, даже встал и так, стоя, выпил. Тем более, что в третий раз последнюю строчку куплета все подхватили дружно. И Седых с Касатовым в том числе.

И нет больше в мире таких молодцов,
Как бравые дети наших отцов.
Во всех точках света знают об этом,
Мы грозные силы *Советской* России!
И нет нам завета вернее, чем этот,
Мы верные силы любимой России!

Коркин Алексей, написавший песню в далёком будущем, молодец. Три аккорда, простые слова, но как заряжена! Аж до мурашек пробирает. Вот и сидящие за столом заметно воодушевились.

– А про себя чего не спел, скромник? – спросил Петя Милов.
А что? Штирлиц я или нет?

И нет нам покоя и в мирные дни,
Пока кто-то хочет России беды.
Мы парни в гражданском – разведчики в штатском,
Мы грозные силы *Советской* России!

Все, включая мою собственную жену, уставились на меня. Полина, конечно, имела какие-то подозрения, но чтобы так в лоб!

– Ну, я немного, конечно, преувеличил, – оправдался я, понимая, что «Остапа понесло». – Вы пить будете или не заслужил? А лучше, давайте за взаимодействие родов войск и видов вооружённых сил!

Как говорится, за это нельзя не выпить. Потом было ещё много хороших песен и военных, и революционных, но больше всего, конечно, народных. Вечер удался на славу, а Бойко, утащив с собой полный текст «Сил России», за исключением куплетов про ракетчиков, десантников и спецназ, запустил «новый хит» в массы. Он стал, чуть ли не гимном, для всех защитников Родины, где бы они не служили, чем бы не занимались, и его обязательно крутили на радио каждый год двадцать третьего февраля.

Эпизод 5.

Ковыряться с железом, обсчитывать, искать решения возникающих проблем – одно удовольствие. Во всяком случае, для меня. Беда в том, что я внезапно сделал для себя открытие на практике, что перерос уровень обычного инженера-конструктора и стал руководителем коллектива, движущегося по разным, хоть и параллельным, направлениям. Это значило, что административные вопросы стали отнимать всё больше и больше времени, которое на конструкторскую деятельность приходилось буквально выкраивать. Хорошо хоть зам толковый. Косов избавил меня от всей «низовой» текучки, но распределять работу между конструкторами и координировать её, кроме меня было некому. То же самое ожидалось и потом, когда дойдёт дело до изготовления и испытаний опытных образцов, когда надо будет хорошо подумать, определяя время использования немногочисленных измерительных приборов и стендов.

Пока что КБ было разделено по направлениям и «резервным» отделам, сочетая в себе, таким образом, «бригадную» структуру, когда группа конструкторов занималась исключительно, например, компрессорами, с персональной ответственностью, когда группа конструкторов под руководством конкретного человека занималась мотором целиком. Последний по порядку принцип, в действительности стоял на первом месте, поэтому основным было разделение по отделам. Отдел 130-х моторов, отдел 160-х моторов, отдел «звёзд» и так далее. В узкоспециализированные же «резервные» бригады зачислялись несколько, но самых лучших специалистов, которые придавались отделам в усиление по мере необходимости. За исключением бригады топливной аппаратуры, которая занималась целиком по своему заданию, проектируя «коммон рейл».

Отделы, в зависимости от сложности работы и её первостепенности тоже были далеко не равны по составу. Где-то людей было меньше, где-то больше, а топливная бригада могла

смело соперничать по численности с иными отделами. Дело в том, что единственная внешняя информация по подобным системам подачи топлива пришла почему-то из Харькова, хотя там были чертежи и описание опытного французского дизеля «Котален». На мой взгляд, этот мотор был очень и очень похож на несостоявшееся здесь семейство В-2, что наводило на интересные размышления. Собственно, главное отличие было именно в топливной аппаратуре. Развединформация имела, главным образом, моральное значение. Сомнения подчинённых в том, что схема работает, отпали, не надо было тратить время и нервы на убеждения их в правильности выбранного курса. Другое дело, что французский «коммон рейл» был чисто механический, а то, что терпимо для 12-ти или даже 16-ти цилиндрического мотора, никак не подходило для 40-ка цилиндрического. Поэтому, решив сделать ставку на электричество, я пополнил бригаду, с оперативной помощью Меркулова, кроме механиков и гидравликов ещё и электромеханиками.

Расставляя приоритеты в работе я руководствовался сразу несколькими соображениями, принимая в расчёт своё мнение о первостепенности того или иного изделия и соотнося его с пожеланиями «заказчиков». Таким образом, самым мощным оказался 160-й отдел, который занимался исключительно двигателем 16—16 в «морской» конфигурации, с временным обычным четырёхходовым ТНВД, но уже с внешним наддувом от вспомогательного двигателя, чтобы не «красть» мощность с гребного вала. Заказанный же ВМФ двигатель 16—12 я заручился своим произволом с самого начала. Дело в том, что после предварительных проработок мы сообщили в наркомат ВМФ примерные мощности и массогабариты создаваемых по его заданию и в инициативном порядке моторов. Ленинградский НИИ военного кораблестроения на основании этих данных сделал заключение, что наиболее перспективной для «Фрунзе» будет схема дизель-электрохода с моторами 16—16, а чисто механический вариант с единичными сверхмощными двигателями на вал, следует считать резервным. Такое положение вещей меня устраивало как нельзя больше и я, оставив на «звезде» исключительно «киреевцев», которые сейчас занимались проверкой общей работоспособности схемы, бросил основные силы на 160-го «большого». Этот дизель, при расчётных 4250 лошадиных силах, даже в случае, если он не пригодится для линкора, обязательно пойдёт на корабли малого флота – большие охотники, тральщики и прочие. С другой стороны, высокооборотные генераторы для тепловозов под дизель 13—16 мы до сих пор не получили, прислали с большим опозданием пока только один генератор под 13—8Р, что вызывало некоторые опасения за «Фрунзе». Но, как говорится, это уже были не мои проблемы, так как от меня требовались только сами дизеля. Вот если бы выбор пал на 16—40, тогда отвечать за силовую установку линкора пришлось бы полностью.

Вторым по значению был дизель 13—8Р для подводных лодок типа М. Тут работа уже близилась к завершению и был смысл напрячься, чтобы впоследствии высвободить «рабочие головы» для других задач. Сам мотор на конец ноября 1934 года находился в стадии изготовления второго опытного образца по откорректированным чертежам. Потребовалось внести, по сравнению с первым вариантом изменения в конфигурацию выхлопного коллектора и трубопроводов от компрессора к цилиндрам. Оба опытных мотора должны были быть установлены прямо у нас на островах в комплекте с генераторами, батареей, электродвигателями и подключены к гидронасосам, имитирующим реальную нагрузку. Всё это должно было быть размещено в деревянных срубках, которые были уже готовы, приблизительно соответствующих по внутренним габаритам отсекам подводной лодки. Испытать всё это на натурном макете и закрыть вопрос надо было не позже, чем до конца февраля. На весну планировалась закладка очередной серии «Малюток».

Ещё одно направление работы, четвертое по значимости, я нашёл себе сам. Очень уж не хотелось отказываться от 160-х авиамоторов. Через Яковлева и Туполева, которых мне удалось каждого по-своему заинтересовать, я вышел на руководство ГВФ, которое имело свои не только авиационные мастерские, но и небольшой моторный завод в Филях, выпускающий на данный момент вариант 13—2 в 300 лошадиных сил. Резон у меня был простой. Два 16-х,

дефорсированного варианта в 650 сил, на АНТ-9 легко заменят три 13-х. Это в полтора раза выгоднее в плане изготовления и эксплуатации и требуется 2 дефицитных ТНВД, а не три. В ГВФ пересчитали всё в рублях, получили менее выгодную мне пропорцию, но всё равно польза от принятия моего предложения была налицо и заказ я получил. Через недовольного таким оборотом дела Меркулова. Мало того, что я отвлекаюсь от решения основной задачи, так ещё и действую в обход начальства. В итоге – выговор.

Вот такие у меня складываются дела. Дела, которые я вынужден бросить и лететь в Ленинград. Берия не зря говорил, что поиск места развёртывания массового производства – не моя проблема. За моим КБ в середине ноября закрепили серийный завод. Им оказался «Русский дизель» в северной столице. Старейшее предприятие в России, выпускавшее двигатели такого типа с 1899 года. Доверием можно было гордиться, да и название было с намёком. До меня уже доходили слухи, что именно так, с лёгкой руки итальянцев, «за бугром» называют мои оппозиты.

В настоящий момент ленинградский завод имел мощность в 600 лицензионных дизелей «Зульцер» в год, правда, при этом систематически не выполнял план. Разбираться в чём там дело и налаживать серию уже принятых флотом 13-х моторов было попросту некому, так как «вольных» в моём КБ не осталось, а конвоировать в Питер зеков и держать их там, обеспечив при этом нормальные условия для жизни и работы, я посчитал рискованным. Оставалось только ехать разбираться самому, надеясь найти на месте какое-никакое СКБ – серийно-конструкторское бюро. Впрочем, в последнее время, после первых массовых выпусков советских вузов, положение с инженерными кадрами стало полегче. На бумаге. Опыта они ещё набраться не успели.

Эпизод 6.

Конец ноября 1934 года выдался довольно тёплым, температура крутилась вокруг нуля, снег то выпадал, то таял, к вечеру всё замерзало, а небо очень часто было затянуто серой хмарью, но самолёты аэрофлота летали регулярно. Вообще, на советскую гражданскую авиацию я не мог нарадоваться, полюбовавшись в здании аэровокзала на большой плакат с картой-схемой рейсов ГВФ, дотянувшегося своими регулярными трассами не только до крупных промышленных центров и столиц союзных республик, но и, например, до таких городов, как Архангельск и Мурманск.

До того, чтобы обыскивать пассажиров перед посадкой в самолёт, слава Богу, ещё никто не додумался и я вылетел, помня старые свои приключения, во всеоружии, прихватив с собой не только табельный ТТ, но и «парадно-выходной» меч, который нагло цеплял к чекистской форме в особо торжественных случаях. Не забыл я прихватить с собой и свой единственный орден. Представляться новому коллективу, по моим соображениям, следовало во всей красе, сразу обеспечив себе какую-никакую фору в деле завоевания авторитета у новых сотрудников. В общем, только шпор не хватало для полного счастья.

Полёт был совершенно рядовой и занял меньше четырёх часов, поэтому, вылетев утром во вторник 27 ноября, к обеду я был уже в Ленинграде, на Комендантском аэродроме. Автобус, совсем не похожий на новые московские, а натуральный «скотовоз» на удлинённом шасси ЗИЛ-5, видимо, местная поделка какого-нибудь авторемонтного завода, доставил меня в центр города и я опять поселился в гостинице «Англетер», где для меня был заранее забронирован номер.

Вторая половина дня была выделена мной на избавление от лишнего багажа в виде посылок и писем, которые, воспользовавшись оказией, передали со мной подчинённые Гинзбурга, бывшие ленинградцы. Чтобы не заставлять меня разносить «почту» по разным концам города на Неве, мы заранее договорились проверить «окончательную» доставку через третьи руки,

а именно, через друзей-коллег из КБ завода имени Ворошилова. Тут наши интересы полностью совпадали, так как мне тоже было чрезвычайно интересно их посетить и «подсмотреть» серийное производство моторов 13-го семейства, чтобы как можно быстрее организовать их выпуск на новой площадке.

Решение высших инстанций о выделении под морские моторы нового завода, по зрелому размышлению, показалось мне полностью оправданным. Танковые движки, которые собирались на 174-м заводе, равно как и их двухцилиндровые младшие братья для «Кировцев», не были форсированы на полную катушку, имея всего 600 и 300 лошадиных сил соответственно. Хотя танковый 13—4 можно было разогнать и до 700. Эти моторы не имели тех многочисленных изменений, направленных на увеличение ресурса, характерных для морских 13—16, зато производились серийно. Внедрение 13-х морских неизбежно привело бы к компромиссам между новой и серийной конструкцией и мы рисковали получить в итоге нечто нежизнеспособное и в мизерных количествах. В общем, 174-й завод работает и лучше ему не мешать. Там есть своё хорошее СКБ, которое уже внесло свои коррективы в мотор, направленные на приспособление к имеющимся технологиям, упрощение и удешевление серийных изделий при сохранении исходных характеристик.

Договориться о передаче технологических карт, которые могли пригодиться при освоении серии на заводе «Русский Дизель», не составило особого труда. Цеха 174-го завода, где делали сами двигатели, тоже показали без проблем. А вот само танковое производство, тем паче, опытное, согласились продемонстрировать только с личного согласия Сиркена и Барыкова. «Невская битва», в ходе которой, я попортил немало крови местным танкостроителям, давно отгремела, ГУБД кануло в лету, после многих реорганизаций танковый дизель 13-го калибра стал совсем своим, отвечало за него КБ 174-го завода полностью, а вот, поди же ты, осадочек остался.

Серийные танки Т-28 практически не отличались от того, что я виде в Кремле. Разве что тяжёлое 12,7 миллиметровое противотанковое ружьё Шпагина научилось стрелять очередями и было названо танковым крупнокалиберным пулемётом. Магазин его, правда, так и остался пятизарядным, поэтому, фактически, прогресс свёлся к более звучному имени. Более интересной была огнемётная модификация машины, оружие к которой перешло «по наследству» от ленинградских Т-26, которым не хватало артвооружения. В ОТ-28 башен было только две, а вместо третьей пулемётной, которая располагалась левее мевода, стоял макет. Место стрелка под ней занимал объёмный бак для огнесмеси.

Огромный Т-35 стоял в сборочном цеху как «линкор» среди десятка «крейсеров» Т-28. В него как раз подвали краном и монтировали коробку передач, которая на глаз, была даже больше и явно массивнее самого двигателя. Проектировали её, судя по всему, «по подобию» и «чтоб работало». Всего три передачи и большие размеры валов и шестерён обязаны были обеспечить надёжную работу табуна в тысячу двести коней в одной упряжке. Пятидесятитонная машина при таких механизмах могла разогнаться всего до тридцати пяти километров в час, зато держала эту скорость в любых условиях, лишь бы не развалилась подвеска и не порвались траки.

Вот ленинградские самоходки стали для меня сюрпризом из-за которого я опять поспори́л с конструкторами заводского танкового КБ. Их было всего две опытных машины. Одна на шасси Т-28 называлась СУ-18, вторая на шасси Т-35, СУ-19 соответственно. Конструкция их была, в целом, подобна. Танковые шасси были развёрнуты кормой вперёд, так что трансмиссия и двигатель теперь находились в носу. Место мехвода было в обоих случаях оборудовано слева от коробки передач. Сказать, что оно было слишком тесным – приукрасить действительность. Вряд ли там мог разместиться человек даже среднего роста. Зато у мехвода был хороший обзор в 180 градусов, так как его голова прикрывалась маленькой башенкой с тремя смотровыми щелями. Так как габарит движков в длину и высоту был невелик, боевое отделе-

ние разместилось в низком корпусе строго по центру, представляя собой коробку, защищавшую расчёт от пуль спереди и с боков. Сзади же располагался объёмный бронированный ящик, соперничавший размерами с БО. Там размещался боекомплект. Причём у СУ-19 отсек БК оборудовался электрическим мостовым краном для подачи снарядов к орудию. СУ-18 была вооружена гаубицей-пушкой МЛ-20, которую здесь почему-то называли 152-мм пушкой образца 1934 года, а СУ-19 могла похвастаться гораздо более мощной Б-4. В целом от СУ-14 «из прошлой жизни» машины отличались компактностью в высоту, которая лимитировалась необходимостью обеспечения отката орудия при максимальном угле возвышения, который в обоих случаях был ограничен 45-ю градусами.

– Зря вы это, ребята, затеяли, – сказал я откровенно. – Чтобы эти колесницы использовать как надо, нашей армии ещё расти и расти. Да и другим армиям тоже. И начинать надо с приборов управления огнём и обучения артиллеристов, а не с самих самоходок. А пока обычные гаубицы с тягачами рациональнее. Вот штурмовая САУ, стреляющая прямой наводкой, с хорошей бронёй и 152-х миллиметровой пушкой была бы кстати. В комплекте с таким же танком и штурмовым транспортёром пехоты на одном шасси. Этой троице по зубам прогрызть любую линию обороны, только хруст стоять будет.

– Опять вы со своей критикой, товарищ Любимов, – поморщился руководитель ОКБ-174 Барыков. – Что нам УММ РККА заказывает, то мы и строим. Если вам что-то не нравится – обращайтесь туда. К тому же, в Москве СУ-5 как выпускались, так и выпускаются. В своём глазу соринки не видите, а в чужом... Не хорошо.

– Хорошо-нехорошо, а всё же слова мои в виду имейте. Чтобы потом с голым задом не оказаться, когда УММ затребует, причём срочно, то, о чём говорил. В Москве, слышал, начали работу над новым танком с бронёй 45 миллиметров. Вам тоже такое задание спустили?

– Да. Но мы старым обойдёмся. У Т-28 уже сейчас во лбу башен 30 миллиметров основной брони и 15 миллиметров экран. А если его в круговую 45-миллиметровой бронёй защитить, то вес до тридцати двух тонн вырастет. Для механизмов и подвески допустимо. Вот с Т-35, конечно, сложнее, но придумаем что-нибудь.

– Конечно, придумаете. Больше полусотни тонн танк делать нельзя – стандартная железнодорожная платформа не позволит. Толще броня – меньше башен. Пока одна-единственная не останется. Иного пути нет.

– Ты ещё скажи, что с самого начала предвидел... – буркнул Барыков.

– Конечно. Только нет пророка в своём отечестве. Скажи я сейчас, что тяжёлый танк из Т-28 растить надо, вы меня от души пошлёте, угробите кучу денег на разработку нежизнеспособных монстров, а будет в конце концов по-моему.

– Я тебя услышал, – подвёл итог бесполезному спору Барыков, – только мы не свободные художники, мы технические задания выполняем...

– Учитесь у Гинзбурга. Вы с ним в равном положении. Однако, протолкнул толстую броню именно он, – оставил я за собой последнее слово.

Эпизод 7.

Чем заняться командированному свободным вечером в городе, претендующем на звание культурной столицы? Конечно пойти в кино! Ведь, как сказал Ленин, оно является для большевиков важнейшим из искусств! Но не сразу. Сперва я попросил водителя дежурной машины завода №174, которого Сиркен, стремясь избавиться от моей назойливости, выделил в моё распоряжение, высадить меня у ближайшего к «Англетеру» отделения милиции. К блюстителям порядка у меня было важное дело. Ведь когда по вечернему мирному городу расхаживает человек вооружённый мечом, пусть и в форме капитана НКВД, – это непорядок. А в гостинице оставлять клинок я просто побоялся.

Немало подивившись моей просьбе, милиционеры меч на ответственное хранение приняли и выдали мне соответствующую расписку, за что я им мысленно поставил «плюсик». В моё время стражи порядка из меня бы всю душу вынули, докапываясь что, почему, зачем, согласовывая «наверху, а на самом деле, боясь принять решение. Зато теперь я мог спокойно идти в ближайший кинотеатр, чтобы получить удовольствие от просмотра новинки советского кинематографа – фильма «Чапаев». Видел я его, конечно, уже много раз. Но вот на большом экране, совсем «свежего», да ещё и в подходящей по духу обстановке – никогда. Это вам не на диване с пивом сидеть! И вообще, здесь я ещё ни разу в кино не был, надо хоть на разведку сходить. А то Полина и так уже толсто намекает, что пора её культурным развитием всерьёз заняться.

Что такое советский кинотеатр образца 1934 года? Пусть даже и в самом центре второго по значению города в стране? Невеликих размеров зал с установленными в нём простыми неокрашенными деревянными скамьями, центральным проходом и установленным в нём проектором. Окинув взглядом помещение, я понял то, что постеснялся спросить в кассе. В приобретённом билете был указан лишь ряд, а место каждый мог выбирать себе сам. Закономерно, что первые пришедшие находились в заведомо более выгодном положении, а опаздывающие, в числе которых оказался и я, довольствовались тем, что осталось. Причём, зачастую получалось так, что лавка была уже занята во всю ширину, и вновь подошедшим приходилось просить соседей потесниться.

В силу своей неопытности в приобретении билетов, я оказался на краю скамьи на «галёрке» почти перед самым началом просмотра. Молоденький киномеханик с важным видом закончил последние приготовления, застрекотал аппарат и в этот момент в зале погас свет. Сеанс начался. Зрители затихли.

– Можно пройти? – резкий шёпот у самого уха заставил поёжиться, но, захваченный зрелищем, я не думая потеснился и пропустил мимо себя не слишком вежливого жителя культурной столицы. Маленькому человеку с непропорционально большой головой, живо мне напомнившему своим силуэтом одного из политиков будущего, удалось довольно легко и он принялся втискивать своё седалище между мной и ближайшим соседом, так как тот оказался гораздо более опытным в вопросах удержания занятого плацдарма, чем я, и не пропустил хитреца. Тут то я и осознал свою ошибку, ибо треть моей собственной задницы оказалась в подвешенном состоянии.

Мало того, реакция зрителей на разворачивающиеся в фильме события была довольно бурной, но мой новый сосед-карлик вообще похоже перепутал кинотеатр со стадионом и вёл себя так, что самые отпетые футбольные фанаты 21-го века, посмотрев на него, удавились бы от зависти. Вскочить с места, помахать руками, потрясти соседей, чтобы разделить с ними свои чувства и впечатления, было для малыша в порядке вещей. Вместо речёвок, правда, из него сыпались цитаты классиков марксизма и лозунги.

– Чёрный ворон, чёрный ворон, что ж ты вьёшься надо мной, – поддавшись общему настроению сопричастности, вслед за киношным Чапаем, я тихо затянул одну из самых любимых моих песен.

– Тише ты! И так ничего не слышно! – шикнул на меня сосед и попутно слегка пихнул локтем. Я лишь тяжело вздохнул, подумав, что в кино больше ходить не буду. Чего я здесь не видел на полсотни лет вперёд? Лучше б в Мариинку на разведку заглянул. Всё-таки театр. Культурная атмосфера.

Фильм, между тем, шёл своим чередом, уже уехал Фурманов, Чапай вволю настрелялся из Максима с чердака, а Петька героически подорвал гранатами броневик. Пришла очередь храброму комдиву переплыть Урал.

– Ну же, держись! Давай, давай, плыви! – карлик болел за Чапаева как-то по-детски непосредственно, до глубины души. – Второй, второй рукой греби!

– Он не может, у него в другой руке чемодан с планом кампании! – брякнул я в сердцах, вспомнив бородатый анекдот.

– Какой ещё чемодан! – даже в отблесках света с экрана, казалось, глаза соседа блестят как-то нездорово. – Ах, гады!

Это он киношным белым пулемётчикам. Пара минут и драматический заплыв окончен. Сосед от горя уткнулся лицом в шапку-ушанку и даже успешная контратака красных не изменила ему настроения. Фильм кончился, зажёгся свет.

– Товарищ, а что за чемодан? Вы там были? – карлик вцепился мне в рукав и, видимо, отпустить без ответа не собирался.

– Не был. Один хороший товарищ рассказывал.

– Что рассказывал то?

– Выплыл Чапаев из Урала, высыпал из чемодана картошку и говорит Петьке: «Здесь белые. Здесь наши. А впереди я. На лихом коне!»

– Так убили ж Петьку...

– Это военная хитрость была! Ты что, шуток вообще не понимаешь?

Буйный сосед нахмурился, посерел лицом и вперёд меня выскочил из зала, а я лишь усмехнулся ему вслед. Вроде взрослый мужик, а эмоции скачут, как у подростка.

– Товарищ, стойте! – выйдя из здания кинотеатра, я не успел дойти даже до ближайшего перекрёстка, как меня со спины окликнули. – Предъявите ваши документы!

– Знакомые всё лица! – обернувшись я увидел спешащего ко мне милиционера, одного из тех, кому я всего около часа назад сдавал на хранение меч, за которым как раз намеревался вернуться. – Я что-нибудь нарушил?

– Предъявите документы! – настойчиво повторил страж порядка.

– Он это! Точно! Это я его выявил! Так и запишите! Николаев моя фамилия! – из-за спины милиционера выглянула несуразная голова соседа по скамейке, которому захотелось от души отвесить подзатыльник. К сожалению, моя форма НКВД и присутствие постового начисто лишали меня этого удовольствия, поэтому я только в сердцах плюнул.

– Товарищ Николаев утверждает, что вы издевались над памятью комдива Чапаева, – пояснил мне причину задержания милиционер. – Придётся дать объяснения. Пройдёмте в отделение.

– Туда и шёл. Забрать кое-что, – буркнул я недовольно, но документы предъявлять не стал, а милиционер же, в свою очередь не рискнул настаивать и бодаться с целым капитаном НКВД.

– Так значит, – хмуро сказал дежурный по отделу, который, из-за малочисленности личного состава исполнял одновременно и обязанности дознавателя. – Значит, вовсе вы не насмехались над памятью героя Гражданской войны, как утверждает товарищ Николаев? Значит, вы просто не можете поверить, что такой человек, как товарищ Чапаев, мог утонуть?

Дядька с пышными седыми усами и спрятанными под густыми бровями колючими глазками отложил лист бумаги, на котором были записаны мои показания и посмотрел на меня очень внимательно и сурово.

– Вот именно, – не моргнув глазом ответил я. – Великие люди просто так не уходят. Да и в фильме показали, что Фурманов уехал, а сценарий-то именно он писал. Значит не мог он видеть, как Чапаева убили. И вообще никто не мог видеть, раз Чапай один в конце остался. Так-то. А раз убитым не видели его, так он и живым может оказаться. Мы-то с вами прекрасно знаем, что раз нет тела, то и дела об убийстве тоже нет. Может Чапай ещё живой объявится.

– Ладно вы, товарищ капитан госбезопасности, в... объясняете, – усмехнулся старый милиционер. – И упрекнуть-то не в чем. Забирайте свою железку и ступайте. А о происшедшем мы в вашу парторганизацию сообщим, пусть там разбираются.

Последние слова он выговаривал очень жёстко, можно сказать, зло. Дал понять, что ни на грамм мне не поверил, просто связываться недосуг. Был бы я простым пролетарием, хрен бы я просто так ушёл.

Эпизод 8.

Первого декабря 1934 года, наевшись бессовестных «завтраков», я решил плюнуть на формальности и заявился в Смольный, в обком партии. Бюрократические проволочки могут вывести из себя кого угодно, поэтому, после двух неудачных попыток попасть на приём к Кирову, который, по словам секретаря, либо ещё не вернулся из Москвы, либо был занят, решил просто устроить на Сергея Мироновича «засаду», дожидаясь его лично у кабинета. Должен же он хоть когда-нибудь явиться на работу?

Дело же к «пламенному трибуну» у меня было архиважное. Завод «Русский дизель», не слишком большой, пожалуй, даже меньше МССЗ, выпускал исключительно двигатели. И это было хорошо. А вот то, что он имел полный набор особенностей старого, дореволюционного производства, мне не нравилось. Как и следовало ожидать, в техническом плане, ни о каком конвейере речи не шло. При этом, коллектив, в основном, был старый, с большим стажем и сложившимися традициями. Техническая интеллигенция была представлена главным инженером и двумя его помощниками-заместителями. Правда, до начала 34-го года здесь работали немцы, помогавшие освоить выпуск лицензионных дизелей для подлодок, но в марте они уехали. В настоящий момент, завод ритмично строил эти моторы и имел на удивление малый процент брака, что объяснялось наличием очень и очень грамотных мастеров, на которых и лежала основная нагрузка. Меня поразило, что когда я, осматривая цеха, пришёл на участок коленчатых валов и меня представили, мастер, покопавшись в лежащих на отдельном верстаке бумагах, достал чертежи вала 13—16, высланные сюда заранее, и сходу ткнул меня носом в ошибки и пробелы. Видимо, схалтурили мои подопечные при копировании. Но, палец на отсечение, на МССЗ, да и на любом другом заводе, сначала сделали бы по тем бумагам, что есть, убедились, что детали невозможно состыковать без «обработки по месту напильником», и только потом забили в колокола. Здесь же всё всплыло в момент, без лишней практики. Это какое пространственное воображение надо иметь, чтобы просто заподозрить неладное?! Признаюсь, у меня самого представить всё «в объёме», хотя двигатель был мой и все детали я знал, буквально, на ощупь, получилось не сразу. В общем, сел я в лужу. И орден с мечом не помогли.

Зато здесь всё делалось точно по чертежу и строго соблюдалась технология. Даже в ущерб темпам производства. Никакой подгонки «по месту», как на иных старых заводах, не допускалось. Сказывались «скандинавские традиции», да и сама специализация предприятия. Но, при этом, производственные циклы не были согласованы и, например, литейка, выдавала больше продукции, чем токарное производство, получался «задел», ставший моей головной болью. Токари же, перфекционисты, чтоб их, не спешили его ликвидировать, так как брак приходилось оплачивать из собственного кармана. Здесь же крылась разгадка того, почему завод не выполняет план. Наверху ориентировались «по передовикам», считая, что остальные должны, кровь из носа, «подтянуться».

«Русский дизель» с весны легко перешёл на продвигаемую партией параллельную систему оплаты труда, поэтому все заготовки и полуфабрикаты, которые уже выпущены, но не будут востребованы при переориентации на выпуск других дизелей, были так или иначе оплачены из кармана пролетариев. Государство при смене продукции в этом случае потерь не несло, а вот рабочие... В общем, вопрос, кто будет платить неустойку и упущенную выгоду, повис в воздухе. Вернее, полетел в поднебесные выси, сначала в главк, потом в НКТП, который обратился с ним в НК ВМФ и так далее. Чувствую, пока не дойдёт до Самого, не решится. А на «Русском дизеле» будут выпускать «Зульцер» пока не израсходуют весь задел по нему, это

ещё месяца два-три как минимум. Так решил трудовой коллектив, зная, что готовые двигатели оплатят всё равно. Больно уж дефицитный товар. Признаюсь, такая оригинальная и неочевидная форма забастовки, поставила меня в тупик, и я решил, что раз всё пошло наверх, двинуться коротким путём прямо из Ленинграда, минуя наркоматовскую бюрократию, выйдя на Сталина через Кирова, который, вроде как, неплохо ко мне относится. А попутно надавить через партию на 174-й завод, который наотрез отказал мне в просьбе прикомандировать на время освоения на «Русском дизеле» моторов 13—16 и 13—8Р часть своих инженеров.

Плотно пообедав в обкомовской столовой я принялся расхаживать по коридору возле кабинета Кирова, опасаясь просто-напросто уснуть на сытый желудок если где-нибудь присяду. Кроме того, на ходу я успокаивался и мне хорошо думалось, что давало возможность правильно подготовиться к разговору и найти нужные слова.

Гулял я так из стороны в сторону, будто тигр в клетке, уже более получаса, как вдруг из-за поворота коридора прямо на меня вышла долгожданная цель моей засады – Сергей Миронович собственной персоной. Киров узнал меня сразу и, подходя, широко улыбнулся, протягивая руку для пожатия.

– Товарищ Любимов! Какими судьбами?

Ответить я не успел, так как в этот момент из-за того же угла выскочила ещё одна фигура, которую я узнал сразу. Киров был невысок сам собою и «стукачок» Николаев, хоть и был тщедушен, спрятаться за ним не мог. Встретившись со мной глазами, он запнулся и дёрнулся, чтобы развернуться и убраться восвояси, но вдруг его лицо скривилось в истерической гримасе и он дёрнул из кармана пальто правую руку, выхватывая револьвер.

В «прошлой жизни» мне довелось некоторое время поработать телохранителем и рефлексы, вбитые на тренировках, на которых я лил пот и за совесть, и, в особенности, за страх, чтобы не пролить своей крови, оказались как нельзя кстати. Вырвав Кирова на себя и вправо за протянутую для рукопожатия руку, я заставил его «провалиться» и тем самым убрал с линии огня. Сам же, приседая и смещаясь в ту же сторону, чуть замешкался и когда щёлкнул первый выстрел, пуля оцарапала мне левое плечо, порвав гимнастёрку. Мелькнули изумлённые глаза Мироныча, а я уже, как в танце развернув его на сто восемьдесят, прижал правой рукой к плечу и всей массой своего тела, оттолкнувшись от пола, направил наше общее движение в обратную сторону – вниз и влево. Николаев, промахнувшись первый раз, дёрнул оружием вслед за ускользящей целью и, нажимая курок, пронёс ствол слишком далеко в сторону, отчего вторая пуля прошла правее нас. Уворачиваясь от смерти, мы сблизилась с новым киллером всего на три шага и я, направив движение Кирова под стреляющую руку и оттолкнувшись от него, дёрнулся в другом направлении, что заставило Николаева чуть промедлить, выбирая кого из нас отправить к праотцам в первую очередь, поэтому в третий раз выстрелить в цель он просто не успел. Захватив вооружённую кисть его руки, я резко, разрывая связки, вывернул её наружу, заставляя злобного гномика споткнуться об упавшего на четыре точки Кирова и влететь головой в стену. Разоружить и заломать руки поплывшему убийце-неудачнику, растянувшемуся на полу, было уже делом техники.

– Ах, ты ж сука! – как-то растерянно выдавил из себя поднявшийся на ноги Киров. Его бледное лицо в первую секунду выразило растерянность, но потом стало очень жёстким.

– Сильно зацепило? – спросил у меня Сергей Миронович, некультурно показывая пальцем на почерневшую от крови гимнастёрку.

– Царапина. Повезло. Дай чем связать, – отрывисто ответил я, чувствуя, как меня начинает потряхивать. Вообще, то что я начинаю пугаться, когда всё уже закончилось, в критический момент действуя трезво и расчётливо, я считал одним из главных своих достоинств, но в этот раз отходняк пришёл как-то рано. Давненько у меня такой практики не было. Считай с самой Грузии.

В коридоре послышался топот и из-за поворота выбежал чекист.

– Где тебя носит!? – Вспылил Киров. – Забери этого! И врача сюда!! Живо!!!

Ага, полезли из всех щелей на крик. Что-то когда стреляли никто носа не высовывал. Я отрешённо, стараясь успокоиться, смотрел как коридор заполняется народом.

– Пойдём ко мне, там доктора подождёшь, – приобняв за поясницу, подтолкнул меня Киров к своему кабинету.

– Садись, – сказал он, закрывая дверь. Я не заметил, как на столе образовалась бутылка водки и пара стаканов.

– Спасибо, обязан, – ровным голосом сказал Сергей Миронович, налив по половинке, но когда он поднимал стакан, я заметил, что его рука подрагивает.

– Сочтёмся, – мы выпили не закусывая и посидели молча с минуту, пока Киров не спросил.

– И чего он в меня стрелял?

– Мне показалось, что он в меня стрелял... – хмуро буркнул я.

– Что, повод есть?

– Да, как сказать... Я тут не совсем удачно пошутил, он на меня в милицию донёс, а та отпустила.

– Глупости какие.

– Тоже верно. Да и шёл-то он за тобой, Сергей Миронович, – я поднял глаза и встретился с Кировым взглядом. – А на меня случайно наткнулся, не ожидал он такого поворота. Охрана твоя, надо сказать, никуда не годится.

– Сам не понимаю, как такое произошло! Всегда со мной, пока в кабинет не войду...

– А именно сегодня, стало быть, накладка?

– Что ты имеешь в виду?

– Бережёного Бог бережёт. Надо связаться с Москвой, с наркомвнуделом Берией. Что-то перестал я местным чекистам доверять.

С разрешения Кирова в кабинет вошёл доктор и наложил мне повязку. Всё это время хозяин сидел молча, а когда эскулап вышел, позвонил напрямую Сталину и коротко изложил обстоятельства дела. Что ответил вождь, мне было неведомо, но спустя пять минут раздался звонок. По мою душу. Берия приказал мне лично обеспечить безопасность секретаря ленинградского обкома до прибытия из центра оперативной группы. О полученном распоряжении я известил Кирова, который занервничал.

– Мне что, под замком сидеть и дрожать?! У меня в шесть собрание партактива! Мне доклад делать надо!

– Может, оно и к лучшему. Если мы имеем дело не с одиночкой, а с чем-то более серьёзным, лучше находиться на виду. Чтобы не сказали потом, что Сергей Миронович Киров так распереживался, что заперся в кабинете, напился и умер. На людях по-тихому доработать очень и очень трудно, а шуметь – выдать себя, показав, что был заговор.

– Слушай, такое дело. Считай, что личная просьба. Давай во время разбирательства будем придерживаться версии, что стреляли всё-таки в тебя, – осторожно попросил Киров.

– Что, скелеты в шкафу? – я усмехнулся. – Будешь должен. Заодно с последствиями моей шутки, из-за которой Николаев распереживался, разобраться сможешь.

– А что там? – встрепенулся Киров. Я коротко рассказал историю своего похода в кино.

– Дурак ты, – упрекнул меня Сергей Миронович, – Языком мелешь что попало. Но это пережить можно. Поручусь за тебя, что делать.

– Ага, поручисься. И дело быстро решишь, с которым я к тебе пришёл, – с момента покушения прошло уже больше получаса и первый шок прошёл, теперь фамильярное обращение «на ты», казалось мне неуместным, но именно сейчас надо было ковать железо, пока оно горячо.

– Давай после партактива? Времени в обрез. Мне доклад в памяти освежить, тебе переодеться. Сейчас всё организую, – Сергей Миронович поднял телефонную трубку.

Мда, пока оно горячо. Не успел.

Эпизод 9.

Во дворец имени Урицкого, ранее называвшийся Таврическим, мы с секретарём областной парторганизации едва не опоздали. Поспорили из-за водителя, от которого я предпочёл на всякий пожарный случай избавиться, рулить пришлось самому. На партактиве я уверенно, можно сказать даже нагло, занял место в президиуме, слева от Кирова, наплевав на глухое возмущение ленинградских коммунистов. Здесь за позицией своего тела по отношению к «первым лицам» следили не менее ревниво, чем в Москве. Пусть говорят и думают, что хотят, мне главное не заснуть.

Впрочем, собрание оказалось не таким уж и скучным. Линия партии в связи с последним пленумом практически не изменилась, а вот то, как её собирались проводить на Северо-Западе, мне было по-настоящему интересно. Фактически речь зашла о промышленной аварии района, наиболее рациональном использовании его ресурсов. Киров, ратовавший за всемерное увеличение добычи торфа, отчитался, что в сезон 1934 года его заготовили фрезерным способом с использованием мощных челябинских и харьковских тракторов, а также торфяных комбайнов «Красного Путиловца», чуть ли не в двести раз больше, чем ранее в лучшие годы. На повестку дня был поставлен вопрос о переводе всего коммунального хозяйства с дров и угля на это топливо. Соответственно, лесозаготовительные организации в зимний сезон 34—35 годов следовало полностью переориентировать на экспортную и деловую древесину и увеличить объёмы её добычи, направив туда технику с торфоразработок. Вырученные же от экономии и незапланированных изначально доходов средства, обком намеревался направить на опережающее развитие энергетики района, построив несколько ГРЭС, сжигающих в топках котлов всё тот же торф. Кроме того, в связи с намеченным на будущий год началом разработки карьерным способом железорудных месторождений Карелии и успехами в поисках способа прямого восстановления железа из руды с использованием торфяного синтез-газа, строилась опытно-промышленная установка. Ленинградцы намеревались, в конечном итоге, перевести чёрную металлургию Северо-Запада на местные ресурсы, сделав упор на выплавку качественных электросталей.

Не припомню, чтобы в эталонной истории что-то подобное было в Ленинграде в таких масштабах. Насколько мне известно, под карельскую руду был выстроен Череповецкий комбинат много позже войны. Впрочем, не зря на последнем съезде каждый, кто касался вопросов чёрной металлургии, говорил о её отставании от машиностроения. Видимо, ленинградцы решили приложить все усилия и использовать неожиданные резервы для ликвидации перекоса, что, несомненно было хорошей новостью.

А вот ориентирование местных автопредприятий, по возможности, на машины Горьковского завода, не обрадовало. Причины этого казуса лежали на поверхности. Дизтопливо было нужно критически важным тракторам и карьерным самосвалам, а своей нефти не было. Выход видели всё в том же торфе и, отчасти, дровах, под которые можно было переделать бензиновые двигатели «полуторок», сделав их газогенераторными. Об этом я и решил поговорить с секретарём обкома по пути на квартиру Кирова на Каменноостровском проспекте, когда собрание закончилось.

– Сергей Миронович, я, конечно, человек посторонний, московский, но в автотранспорте кое-чего понимаю. Если перевести полуторки на газогенераторное топливо, то мощность их двигателя неминуемо упадёт. И намного. Сам газогенератор надо где-то размещать, поэтому объём кузова уменьшится. Всё это приведёт к снижению реальной грузоподъёмности машин,

которая и без того мизерная. Применительно к автохозяйству в целом, это будет означать крайне низкую эффективность работы по сравнению с машинами ЗИЛ. Много маленьких грузовичков, много водителей, увеличение времени погрузки-разгрузки в пересчёте на тонну перемещаемого груза, которое потребует дополнительного увеличения количества машин и грузчиков. Не очень-то хорошо получается.

– Ай, да всё мы понимаем, не дети малые, – сказал Киров с досадой. – Но вы же свои московские дизельные грузовики на синтез-газ перевести не можете? А помнишь, о чём на съезде говорили? Зачем хотели всемерно добычу торфа на Северо-Западе увеличить? Транспорт у нас хромает, а мы донецкий уголёк и бакинскую нефть через всю страну возим. А перейдём на торф, сразу нагрузка на железные дороги упадёт. Руда тоже будет полностью своя, три месторождения в Карелии открыты. Близко к границе, правда. Но не беда. Мы ещё и на торфяной кокс перейдём. В Гражданскую в центральном районе только так сталь и варили, Донбасс-то под белыми был. Про электростанции и электропечи я уж и не говорю. Честно признаться, не ожидал, что столько местного топлива заготовим. А хранить его долго хлопотно, надо использовать. А на будущий год торфа ещё больше заготовим, раза в два, наверное. Вот под это и строим электростанции в соответствии с курсом партии на опережающее развитие энергетики. Лишь бы «Электросила» справилась с объёмами.

– Хорошо, что напомнили, – когда речь зашла о делах, без преувеличения, государственных, я невольно перешёл на «вы», – мне как раз ещё ленинградских электротехников проведать надо. Посмотреть, как у них дела с генераторами и гребными электродвигателями для «Фрунзе». Мы им наши предварительные расчёты послали, а в ответ ни слуху, ни духу. А с торфом, кажется мне, вы увлеклись. Не вышло бы, как с кукурузой.

– Какими генераторами для «Фрунзе»? – забеспокоился Киров, пропустив мои последние слова мимо ушей. – Почему ленинградцы? Я об этом в первый раз слышу!

– Ну как же. Московский завод «Динамо» взял на себя всю электротехническую часть для подводных лодок и тепловозов. А «Фрунзе» поручили «Электросиле», коль скоро он у вас модернизироваться будет. По крайней мере, я информирован именно так.

– Серго мне ничего не говорил, – озадаченно сказал Сергей Миронович. – И из наркомата ВМФ вестей не было. Генераторы для «Фрунзе»! Да у «Электросилы» план такой, что туда лишнего рубильника не впихнуть! Буду разбираться. Срыва строительства электростанций на Северо-Западе не потерплю! У нас же на них всё завязано! Нам что, из-за этого старого корыта всю пятилетку псу под хвост!? Насколько я помню, на политбюро речь шла об установке дизелей, а про электричество речи не было. Дизеля – пожалуйста! Ставьте на здоровье! Корпусные работы и прочее – тоже! Но «Электросилу» не трожь! Завтра же с товарищем Сталиным говорить буду!

Чёрный «Тур» летел по набережной Невы, каждый из нас был занят своими мыслями. Не знаю, что сейчас происходит в голове у Кирова, насупившегося рядом на переднем сидении, наверное обижается, что в его хозяйстве кто-то решает вопросы в обход секретаря обкома. А мне, пожалуй, пора начинать паниковать. Очевидно, что «Фрунзе» как дизель-электроход не состоится. На повестке дня электрификация всей страны и индустриализация. Строится множество новых электростанций и заводов, которым нужны станки. Это всё – генераторы и электродвигатели, арматура. Заводов, выпускающих всё это, три. В Москве, Ленинграде и в Харькове. Мощностей не хватает, чтобы удовлетворить все потребности. Про дефицит электротехнической меди и алюминия и говорить не приходится.

Об этом мне явно следовало подумать раньше и не питать напрасных иллюзий. Ведь перед глазами был живой пример с тепловозами, генераторы для которых так и «подвисли» где-то на заводе «Динамо». И это при том, что для подводных лодок генераторы и электродвигатели прислали, лодкам без них никуда. СССР мог позволить себе только то, что абсолютно необходимо.

В складывающейся ситуации у меня было всего три варианта действий. Первый – сыграть под дурачка. Построить 16—16, который нужен в любом случае, и сделать круглые глаза, когда окажется, что электрической части под них нет. Вины моей в том не будет, но колоссальные средства, затраченные на перестройку «Фрунзе» пропадут зря. Безопасно, но не совсем честно. Второй вариант – настаивать на чистом теплоходе. Велик риск и в любом случае, нужно дополнительное время, так как работы по «бочонку» у меня на стадии экспериментов. И последний, третий вариант – попытаться вообще купировать эту затратную и бестолковую затею с линкором. Этот трюк, думаю, вообще смертельный. Товарищ Сталин любит большие корабли.

Так мы и ехали молча до самого дома Кирова, когда я, заметив необычное скопление людей и машин, выругался и, прибавив газу, пролетел мимо по Каменноостровскому. Бережёного Бог бережёт.

– Не дури, товарищ Любимов, возвращайся, – поморщился Сергей Миронович. – «Туров» в Ленинграде всего два. Один у меня, второй у товарища Медведя. Если и его подозревать, то не знаю, кому вообще-то верить можно...

Когда мы подъехали, между начальником местных чекистов и секретарём обкома произошёл короткий разговор, в ходе которого Медведь поделился последними новостями насчёт Николаева. Несостоявшегося убийцу пытались допросить, но с ним случился нервный припадок и им сейчас занимались медики, получить сколько-нибудь связную информацию не удалось. В связи с неясностью ситуации Медведь убедительно просил не только вернуть на место личную охрану Кирова, но и усилить её.

– Могли бы в таком случае ещё у дворца Урицкого встретить, – недовольно буркнул Киров, которого явно стесняла такая суета вокруг его персоны. – Из Москвы вам подмога едет, а пока у меня товарищ Любимов погостит. Завтра же с утра жду машину и охрану в обычном порядке. Всё, что могло случиться, уже случилось, нечего после драки кулаками махать. Мы с Любимовым первые что ли? Вон, даже в товарища Сталина стрелять пытались, да не вышло.

– Как хотите, товарищ Киров, но наружную охрану вашего дома я всё-таки приказал выставить, – Медведю как-то надо было реагировать на ситуацию и такой ход, которому Киров не мог противиться, был, пожалуй, единственным.

– Как знаете, это ваше дело, – подвёл итог Киров и распрощался.

Эпизод 10.

Ночевать пришлось на раскладушке в кабинете. Киров откомендовал мне это ложе, сказав, что все его друзья, в том числе и Серго Орджоникидзе, оставаясь у него на ночь, не жаловались. Но мне на новом месте после бурного дня не спалось, не давал покоя треклятый линкор, ситуацию с которым я обдумывал с разных сторон, решая, к кому следует обращаться с этой проблемой в первую очередь. Налицо были ведомственные неувязки, а наркома ВМФ Кожанова, который был мне искренне симпатичен, подставлять не хотелось. С другой стороны, действовать в обход своего начальства, обостряя с ним и без того непростые отношения, не хотелось. В общем, уснул я только к утру.

– Всё равно проспал, товарищ Любимов! – издевательски сказал Берия, нюхая кончик клинка, когда я, почувствовав во сне прямой взгляд, сорвался с кровати и, ещё не проснувшись, но уже стоя на ногах, готов был драться. – И чего это вы постоянно за меч хватаетесь? Пистолет же есть! Ладно, так как вчера молодцом себя показал, сегодня ругать не будем. Протрясите, приводите себя в порядок и срочно выезжайте в Москву. У вас ЧП. Вчера вечером, перед самым моим отъездом сюда, Меркулов доложил, что в вашем лагере случился пожар, сгорела опытная силовая установка для подводных лодок, погиб человек. Разберитесь в кратчайшие сроки! Думаю, вам не надо напоминать, что закладка лодок запланирована на март месяц следующего года?

– И вам, товарищи, доброе утро, – хмуро брякнул я, глядя на Берию и стоящего за ним, улыбающегося Кирова, после чего убрал оружие. – Как вы так быстро здесь оказались-то? Шесть часов утра!

– На поезде, товарищ Любимов, на поезде! А вам надо на самолёт! И как можно скорее! Рапорт по вчерашнему случаю напишете и немедленно отправляйтесь! – продолжал наседать на меня Лаврентий Павлович.

– А здесь всё бросить!? Ну, уж нет! Я что, зря приезжал? В Москве всё равно уже ничего не поправить, а здесь серия под угрозой! Я, кстати, к вам, товарищ Киров, с этим вопросом и шёл вчера!

– А в чём дело то? Завод вам выделили. Какие могут быть проблемы? – нахмурился Киров.

Я коротко изложил суть моих затруднений и был неприятно удивлён той легкомысленностью, с которой к ним отнёсся секретарь обкома.

– Всего то? – усмехнулся он. – Собирайтесь, заедем с вами на «Русский Дизель», на 174-й завод, а потом вас отвезут сразу на аэродром.

К моему удивлению, всё произошло именно так, как говорил Сергей Миронович. Ему стоило только дважды произнести зажигательные речи о том, как космические корабли бороздят просторы вселенной, в смысле, пролетариат всего мира с надеждой смотрит на СССР, которому срочно необходимы новые мощные моторы, как трудовые коллективы обоих заводов добровольно взяли на себя обязательства освоить в серии моторы 13—16 досрочно. Рабочие Кирова любили. Мне даже стало как-то неудобно и я спросил секретаря обкома.

– А деньги как же?

– А что деньги? Их при коммунизме вообще не будет! – подмигнул мне Сергей Миронович. – Поговорю с Серго, передадим задел на Коломзавод и всё. Никого не обидим. А ты думал, только крикни «даёшь», так сразу все и побежали? Нет, чтобы иметь авторитет в пролетарской среде, необходимо о простом рабочем человеке заботиться. Тогда и люди горы свернут, если потребуется.

Кстати, я зря подозревал руководство и коллектив «Русского Дизеля» в обычном нежелании что-то менять в налаженном серийном производстве. В ходе экстренного совещания, собранного тут же, главный инженер доложил, что по его предварительным расчётам завод способен выпускать порядка девятисот новых моторов ежегодно, независимо от конкретной модели. 13—16, 13—8 или 16-я серия с обычным топливным насосом – без разницы, ибо технология производства практически одна и та же. Кроме того, возможен выпуск вдвое большего количества комплектов деталей, таких как поршневые кольца и внешние шатуны, подлежащих замене при капремонте. Узкими же местами, лимитирующими выпуск дизелей, являлись коленчатые валы и топливная аппаратура, что было заранее ожидаемо.

Прикинув в уме цифры, я с удивлением пришёл к выводу, что либо в штабе ВМФ сидят провидцы, либо я чего-то не знаю. Во всяком случае, программа строительства ста больших четырёхмоторных торпедных катеров, двухсот малых и пятидесяти подводных лодок типа «М», оказывается, имела реальную основу и могла быть выполнена по моторам за два года с учётом необходимости второго комплекта двигателей для поддержания полной боеготовности. Хотя, в случае с Балтфлотом этим можно было пренебречь, всё равно Финский залив замерзает и времени на ремонт более чем достаточно.

Эпизод 11.

Завершив в форсированном режиме все свои ленинградские дела и удовлетворившись обещанием секретаря обкома проследить за организацией на «Русском Дизеле» полноценного серийно-конструкторского бюро, которое возьмёт на себя всю нагрузку по серии, я едва

успел на Комендантский аэродром. Кирову даже пришлось специально звонить туда и просить задержать рейс Ленинград-Москва-Харьков, который обслуживался АНТ-14. Этот самолёт, построенный, как писали газеты, всего в трёх экземплярах, первый из которых получил собственное имя «Правда» в честь центральной газеты и был зачислен в агитэскадрилью, побывавшую, наверное уже во всех уголках Союза ССР, был, по сути, пассажирским вариантом ТБ-3. Такая «родословная» определила и силовую установку аэроплана, в которой, вместо изначально предполагавшихся пяти 480-сильных М-22, применили четыре 700-сильных дизеля АЧ-130-8, как и на бомбардировщиках.

Это обстоятельство стоило мне полкило нервов, так как на подлёте к Москве характерный гул двухтактников был разорван натуральным выстрелом. Лайнер вздрогнул и его затрясло, но спустя секунд десять тряска прекратилась, а самолёт слегка качнуло влево. Как раз в ту сторону, где и находилось моё место. Не удержавшись от тревожного любопытства я выглянул в окно и увидел, что капот крайнего левого мотора буквально разворочен и дюралевые ошмётки полоскаются по ветру, а деревянный винт этого двигателя лениво вращается только под напором встречного потока воздуха.

– Не беспокойтесь, – вышел в салон бортпроводник, – ничего страшного не произошло. Сломался один мотор, но у нас есть запас мощности и беспокоиться не стоит. Прошу занять всех свои места и не скапливаться на левом борту.

Свежо предание, да верится с трудом. Бледноватый вид стюарда только подтверждал опасения, что не всё то так радужно. Однако, пассажиры, которых, к счастью, было не слишком много, бурча, расселись по креслам. После этого проводник попросил занять свободные места правого борта, чтобы разгрузить аварийную левую часть самолёта. Прилегающие к крылу кресла он попросил освободить особо.

Как только с перемещением «грузов» было покончено, в салоне нарисовался бортмеханик, который сняв деревянные панели внутренней отделки у самого пола, принялся что-то откручивать ключом «на девятнадцать». Заинтересовавшись его действиями, я выглянул наружу ещё раз, чтобы понять, какие детали в конструкции самолёта экипаж посчитал на данный момент лишними.

Увиденное, надо сказать, меня не вдохновило. АНТ-14, по случаю зимнего времени, был переставлен на лыжи. И вот теперь, левая, обрубленная спереди, без носка, к которому крепилась расчалка, под действием встречного потока наклонилась вниз и повисла почти вертикально, став воздушным тормозом. Лететь в таком положении явно не просто, а сесть так и вовсе невозможно. Решение экипажа, вовсе избавиться от одной ноги шасси, начав с фюзеляжного подкоса, я внутренне полностью одобрил и попытался расслабиться, положившись на их профессионализм.

Глядя на себя со стороны, я удивился собственному отношению к складывающейся ситуации. Намечается натуральная авиакатастрофа, а мне всё равно! А что делать? Паниковать? Или предложить механику помочь? Да и остальные пассажиры, хоть и обсуждают между собой приключение, но ведут себя более-менее спокойно. Вот что значит отсутствие телевидения и вбитых в голову стереотипов. Вернее, стереотипы присутствуют, но совсем не те. Авиации всего-то двадцать-тридцать лет и аварии, скорее, считаются нормой. А раз самолёт летит, а не падает, то и вовсе всё хорошо.

А может, оно и к лучшему? Вот гробануть сейчас, некому будет ставить на ход «Фрунзе». СССР экономит драгоценные ресурсы вместо того, чтобы вбухивать их в безнадёжное и бесполезное дело. Сказано же, если хочешь разорить развивающуюся страну – подари ей крейсер. Надо бы этот афоризм запомнить, чтобы сказать в нужный момент кому надо «наверху».

Пока я был занят своими мыслями, механик, закончив свои дела в салоне, отчего самолёт стало потряхивать, видимо освобождённая нога шасси стала болтаться под действием потока, слазил в крыло и, повозившись там минут десять с гайками, ножовкой и зубилом, избавил

АНТ-14 от одной «лапы». Лайнер вильнул в сторону, приподняв левое крыло, но выправился и встал в вираж в сторону аварийного двигателя. Время шло, а мы продолжали кружить, вырабатывая топливо.

– Долго нам ещё так вертеться? – тихо спросил я проходящего мимо проводника.

– Ещё часа четыре. Мы в Харьков без дозаправки в Москве летаем. А может и больше, моторов-то меньше на один стало.

– Тогда я посплю, – ответил я, опять удивившись своей беспечности.

– Одеяло принести?

В ответ я утвердительно кивнул и стал устраиваться поудобнее.

Эпизод 12.

Садись мы уже в сумерках. Когда самолёт стал снижаться, я замандражировал, как и перед любым опасным предприятием, на исход которого я никак повлиять не мог. Но мои опасения оказались напрасными, пробежав большую часть лётного поля на одной лыже, в конце АНТ-14 мягко лёг на крыло, чуть развернулся и встал. Пассажиров пригласили на выход. Всё бы хорошо, но уже первые вышедшие на лёгкий мороз, стали возмущаться, почему их не посадили на Центральный аэродром. Наверное, москвичи, или уже летали этим маршрутом.

– А где это мы? – задал я волнующий всех вопрос, глядя на собравшихся вокруг самолёта людей, машины, в том числе «скорые» и «пожарную».

– Аэродром Раменское. Товарищи, не переживайте, тут недалеко железнодорожная платформа, откуда поездом можно добраться до города.

– Тьфу, блин, завезли! – плюнул я в сердцах себе под ноги.

– Как всегда шумишь, Семён Петрович? – похлопала сади по плечу чья-то рука, а смутно знакомый голос заявил. – Радоваться должен, что всё обошлось!

– Андрей Николаевич! Какими судьбами? – обернувшись я увидел прямо перед собой Туполева.

– О, узнал! А я думал, в этой шубе меня от медведя не отличить! А я, брат, тебя сразу заметил! Смотрю – меч, значит, товарищ Любимов! Больше таких оригиналов в СССР не водится! – балагурил Туполев, видимо маскируя истинные чувства, глаза его были грустными. – А мы тут с Александром Александровичем за пробежками СБ приехали понаблюдать. Знакомьтесь товарищи! Товарищ Архангельский, товарищ Любимов. А тут радио! Авария АНТ-14! Вот мы и остались посмотреть, в чём дело. А то что вас на Центральном не посадили... Сам посуди, что бы было если вы у всех на глазах гробанулись? Пойдём, глянем, ты же по моторам дока, а до Чаромского теперь далеко.

Смотреть было, в общем-то, не на что. Суть происшествия была ясна с первого взгляда. Нижний правый поршень АЧ-130-4, оборвав внешние шатуны, вылетел из цилиндра как из пушки и, пробив лёгкий дюралевый капот, повредил лыжу, которая теперь валялась где-то на маршруте.

– Опять двигателисты виноваты! Все беды от вас! Такой самолёт чуть не угробили! – разошёлся Туполев не на шутку, выдав свои переживания. «Правда» была, что ни говори, его любимым детищем, а «Максим Горький» Туполева в этом мире не состоялся, это имя было уже присвоено пассажирскому варианту малосерийного бомбардировщика Калинина К-7.

– Товарищ Туполев, ты не прав. Нет, конечно, авария произошла из-за мотора, но вот в причинах надо разбираться. К тому же это АЧ-130-4, боевой двигатель с небольшим ресурсом, а вы его на пассажирский самолёт, – не дал я тружеников своего «цеха» в обиду. – Где бортмеханик? Сколько моточасов отработал этот мотор?

Летун, задвинутый в задние ряды высоким начальством, вышел вперёд и, помявшись, выдал такое, что у меня чуть ноги не подкосились от осознания риска, которому я подвергся во время перелёта.

– Перед вылетом было четыреста тридцать два, да три часа до аварии летели. А что? Вон, соседний мотор четыреста пятьдесят часов, а не ломается!

– Вы с ума сошли!?! – я аж чуть не подпрыгнул от злости. – У этих движков ресурс сто пятьдесят! Вы его втрое уже превысили! Тут удивляться надо, что раньше аварий не было! Вы ж людей возите!

– Так это на полной мощности сто пятьдесят, а здесь она только на взлёте используется, – вступился Туполев за аэрофлотовцев.

– А за моторами мы следим, после каждого рейса полный осмотр и обслуживание. Что изнашивается – сразу меняем, – насупился бортмеханик. – Перед вылетом никаких замечаний по мотору не было!

– Короче, понятно. Буду ездить поездом или летать «девятками», на них гражданские моторы хоть стоят. Неужели не понятно, что раз указан гарантированный ресурс, то после его выработки мотор надо менять, а не гонять до тех пор пока не сломается! Есть же предел прочности, микротрещины образуются, которые простым глазом не углядишь, а потом шатуны обрывает. И вы ещё говорите, что двигателисты во всём виноваты! А сами военные моторы на пассажирские самолёты ставите и гоняете их пока не посыпятся! – возмущению моему не было предела.

– Ну да, ну да, – ввязался в спор Туполев, – а где они, гражданские моторы нужной мощности? Нет их! Вы даже то, что обещаете, выполнить не можете! Одно и то же по десять раз из-за вас переделывать приходится! Алксниса сняли, слышал? А знаешь за что? А за то, что три четверти всех ТБ-3 выше трёх с половиной километров летать не могут! Обещали движки с двухскоростным нагнетателем, а валом гнали с односкоростным! Две скорости, видите ли, сложно и брака много! А с СБ история? Мы на самолёт уже четыре разных мотора ставили! «Райт» отняли для истребителей. Ладно, всё равно «Испано» лучше. АЧ-100-8 был хорош, но тоже отняли. Теперь вся надежда вот, на АМД-37.

– Не знаю, о чём говоришь, товарищ Туполев, – холодно отмёл я обвинения, по крайней мере, в свой адрес.

– А... – Андрей Николаевич махнул рукой, – не о тебе речь. Саша Микулин перемудрил. Хотел Чаромского обставить, да не рассчитал. Вознамерился свой АМД-35 и легче и дешевле и мощнее, чем АЧ сделать, а в итоге вышла хлипкая конструкция. Про 36-й и говорить нечего. А у Чаромского харьковские моторы вышли более-менее надёжными. Пришлось выкручиваться, пытаться гонку заново начать, на трёхходовой насос кивая. С Алексея Дмитриевича всё как с гуся вода. Что ему стоит 12-цилиндровый мотор извять, 8-ми и 16-ти цилиндровые имея? А Микулин ошибки учёл, конструкцию усилил и 6-цилиндровый рядный чемодан АМД-37 выдал. В итоге имеем два авиадизеля с практически одинаковым «лбом», у АЧ гондола диаметром около метра с небольшими уплощениями по бокам, а у АМД шириной шестьдесят и высотой метр сорок. У АЧ мощность 960, у АМД 980. Высотность тоже одинаковая, до пяти на первой передаче нагнетателя и до девяти на второй, но ещё на полкилометра можно за счёт динамического наддува поднять, испытания СБ покажут. Мы самолёт под АЧ делали, но этот мотор приспособлен для установки вооружения в развале верхних блоков, а микулинский чемодан – нет. Вот и забрали АЧ на истребители, а нам всё переделывать, включая шасси.

– Это что, наша тактическая авиация на дизеля пересаживается? – ухватил я главное, пропустив мимо ушей мышиную возню за первенство.

– А ты бы хотел? – усмехнулся Туполев. – Хотеть не вредно. Дизеля получают только истребители сопровождения дальних бомбардировщиков и морская авиация. Сухопутчики на кар-

бюракторных М-25 и М-100 летать будут, им большая дальность не нужна, а топливные насосы – дефицит.

– Ну, хоть так.

– На новый морской бомбардировщик взглянуть не хочешь? Здесь недалеко, вон ангар стоит, – пригласил меня Андрей Николаевич. – Сегодня пробежки нормально прошли, думаем завтра, если погода будет, в воздух поднять.

От таких предложений я не отказываюсь. Пока мы шли до ангара, я обратил внимание на стоящий под брезентом, несуразный из-за короткого носа, самолёт, размахом крыльев не уступавший «Правде».

– Это что ещё такое?

– Это? Это РД, просто с него двигатель демонтировали. Будем на АМД-37 с ВИШ менять, а с ним, чем чёрт не шутит, может, в Америку без посадки махнём. С 35-м опасно было на такое предприятие идти, а теперь будем пробовать.

Осмотрев новенький СБ, я засыпал Туполева вопросами.

– Пикирующий? А дальность? А бомбовая нагрузка? Торпеду поднимет? А шасси не коротковато, хвост торпеды землю не заденет при взлёте?

– Вот пристал! – осерчал Туполев, уже жалея, что решил похвалиться. – Александр Александрович, ты ведущий конструктор, вот и будь добр, отвечай.

Архангельский, был доброжелателен, но очень краток. Самолёт новый и пока главное – достичь на нём максимально возможной скорости, остальное потом. Прочность конструкции допускает бомбометание с пикирования. Нагрузка – тонна. Торпеду пока не планируют подвешивать, ввиду отсутствия этих самых боеприпасов. Когда моряки соизволят дать изделие или хотя-бы массогабариты, тогда и примеривать будут.

– Знаете, я на вашем месте размещение экипажа изменил бы, – сказал я обходя вокруг самолёта, припоминая легендарный Пе-2. – Штурмана-бомбардира надо посадить спиной к лётчику, пусть он обслуживает верхнюю оборонительную точку, а стрелок только нижнюю.

– Глупости, – не согласился Туполев. – У штурмана в полёте и так дел полно, ещё за небом смотреть. А бомбардировщик у нас скоростной, сейчас и истребителей-то таких нет, которые его догнать могут. Если атаки и будут, то только сверху-сзади, разгоняя истребитель в пикировании. Нижняя точка, считай, не нужна. Так, на всякий случай.

– Сейчас, может, нет. А через пару лет появятся. Что тогда?

– Тогда у нас ещё более скоростные бомбардировщики появятся! Что за вопросы?

– Ну, как знаешь.

Может, и не прислушается ко мне Туполев, но есть у меня средство, как на него надавить. Никто Андрея Николаевича за язык не тянул, когда он говорил, что дизельные бомбардировщики предназначаются для моряков. Ещё один повод, чтобы переговорить с глазу на глаз с наркомом ВМФ, флагманом флота первого ранга товарищем Кожановым. А с АНТ хоть шерсти клок, организовал доставку моей персоны домой, в качестве компенсации переживаний, испытанных в полёте на АНТ-14, и ладно.

Эпизод 13.

– Давненько мы так не прогуливались, – сказал нарком ВМФ Кожанов, поглядывая на возвышающуюся по правую руку Кремлёвскую стену. – Что на этот раз? Надеюсь, Советская власть вне опасности?

Да, давно. Полгода как. Вместо жары и пыли мороз и снег. И всё совсем наоборот. Тогда под угрозой был я, а сейчас тучи сгущаются над наркоматом ВМФ. Пора бы отдать должок.

– Смех смехом, товарищ флагман первого ранга, а обсудить наедине есть чего. В ваших же интересах, – не поддержал я шутливого тона.

– Ну, давай, выкладывай, конспиратор, что там стряслось.

Я рассказал о ситуации с «Электросилой». К моему удивлению, Иван Кузьмич отнёсся к сообщению весьма спокойно.

– Да? – переспросил он и, сделав несколько шагов по свежему снегу, сказал. – Может оно и к лучшему.

– Конечно к лучшему! Перестройку «Фрунзе» надо отменить! А средства направить на малый флот!

– Не твоего ума, прости, это дело. Да и не моего уже. Людей надо учить и обкатывать, а как это делать, если «Парижанку» и «Октябрину» с «Маратом» в океан не выпустишь? А топливо они кушают как вся Украина. Учебный линкор нам нужен. А ещё он нужен ЦК, вопрос престижа СССР. Так то! К тому же, работы уже начаты. Сейчас демонтируют котлотурбинную установку, срезают надстройки и переустанавливают башни.

– Значит мне трындец. Надо форсировать работы по «бочонку», а у меня там конь не валялся. Да и вам придётся перестройку останавливать. Новая силовая – новый проект. Как бы наши головы не полетели.

– Нам-то что за беда? Я заказ сделал, Орджоникидзе его принял. Не выполнит – с него спрос. Тебе тоже заказ выдан определённый и ты его исполнишь. Беспокоиться не о чем.

– Как это не о чем? Формально да, мы не причём. Но средства будут истрачены, а корабля не получим!

– И виноват в этом будет Серго! – завершил мою мысль по-своему Иван Кузьмич.

– Что-то я вас, товарищ флагман флота первого ранга не пойму, – такое отношение к делу меня зацепило за живое. У нас нет ни лишнего времени, ни лишних ресурсов, а тут целый линкор, хотя бы не как корабль, а «в эквиваленте» денег, металла, труда людей, намереваются просто профукать. – Вы что же, решили наркома тяжёлой промышленности подсидеть? И ради этого похерить труды целого завода в течение года-двух? Не считая смежников, к которым и я отношусь.

– А что тут такого? Ума вложить никогда не поздно. А то, что именно «Фрунзе» для этого подвернулся – случайность, – снисходительно улыбнулся мне Кожанов. – В сентябре на ципках бегали вокруг меня. Как же! Давайте поднимем флот на должную высоту! Даёшь пятнадцать линкоров за третью пятилетку! Три месяца прошло и всё на круги своя вернулось! Задвинули на заднюю полку, как будто, так и надо! Орджоникидзе, пакостник, даже не известил!

– Знаешь, Иван Кузьмич, в каком там вы порядке будете на мавзолее стоять – меня мало волнует! Я сюда пришёл не для того, чтобы интриги затевать! – раздражению моему не было предела. Только в подковёрной возне мне не хватало поучаствовать! – Если мы в эту сторону уклонимся, так я пошёл своими делами заниматься. НКВД, точнее Берия, несёт ответственность за машины «Фрунзе» и он уже в курсе складывающейся ситуации. Будешь страуса изображать – будешь иметь бледный вид. Точно также как и нарком тяжёлого машиностроения.

– Хорошо, будем считать, что ты меня поставил в известность, хотя и не должен был, – холодно согласился со мной Кожанов. – У тебя всё?

– Что всё!?! – тут я вышел из себя. – Что мне делать то?! Вы ж меня подставили! Был мизерный шанс успеть с «бочонком» если бы с самого начала занялись им вплотную. А сейчас из-за вашей «дезы» и этого нет! Силы брошены на обычные движки!

– Это какой «бочонок»? Десятитысячник? – уточнил нарком. – Его всё равно мало будет. «Фрунзе» необходимо гораздо больше, чтобы иметь скорость на уровне 24–25 узлов и выше. Чтoб не меньше, чем у английских линкоров.

– Что за бред? Вы что, прямо на ходу желаемые ТТХ из пальца высасываете? У англичан, между прочим, кроме линкоров ещё и линейные крейсера есть, которым ваш шедевр на один зуб! Как вы представляете себе «гораздо больше»? Это всё равно получается не меньше

двух моторов на вал! С электрикой не срослось, а таких механических передач никто в мире не делает, это фантастика!

– Немцы сделали. Это раз. Корпус «Фрунзе» быстрее не разогнать, какие машины не ставь, но нам нужна максимально высокая скорость. Это два. Я не инженер-кораблестроитель, а командующий флотом, в технические тонкости вникать не обязан. Решать вопросы будешь с ответственными за это дело товарищами.

– Красиво, нечего сказать! Я не разбираюсь, но дайте мне такую игрушку и не... в общем, всё равно, как вы это сделаете! Потому, как уже заплачено! Так что ли? Будённый, между прочим, в лошадах разбираться не гнушается. Может лучше заняться тем, в чём командующий Красным Флотом хоть что-то понимает? Морской пехотой, например? Танковые роты в штат батальонов ввели, а высаживать их как? Со шлюпок? Давайте уже о десантных баржах, желательно быстроходных, думать, а не об бесполезных утюгах! Им-то работа в войне всегда найдётся. И по прямому назначению и как канлодкам, минзагам. Да мало ли чего! Надо развивать то, в чём мы понимаем, наши сильные стороны! После Мировой войны сколько мин вытралили? А как у нас сейчас с этим делом? Тральщики есть?

– Знаешь, товарищ Любимов, выслушиваю от тебя всё это только потому, что на больных не обижаются, – вот тут и сам Иван Кузьмич не выдержал и, сбросив показное равнодушие, стал сердиться. – Занимайся своим делом, а в чужие не лезь! Что у тебя там по подлодкам? Будут моторы в срок? Причину пожара установили?

Не в бровь, а в глаз! Пожалуй, я действительно перебрал.

– Комиссия решила, что произошёл взрыв гремучего газа из-за выделения водорода из аккумуляторной батареи. Как раз определяли минимальное время зарядки на «стопе» и оба дизеля работали на генераторы на полную мощность. Тут и полыхнуло. Хорошо, что аккумуляторы в отдельном срубе были установлены и внутри в тот момент был только один человек. Вся экспериментальная установка утрачена, но её быстро восстановим. Хорошо, что весь лагерь не сгорел, еле отстояли. Электрики советуют увеличить ёмкость аккумуляторной батареи не менее, чем в двое, и продумать вентиляцию, так как устранить выделение водорода из батареи они не могут.

– Выговаривать он мне тут будет! А мне что теперь делать? Подлодки будут заложены в Сормово в марте, проект переделывать поздно, а принимать в состав флота лодки с такими дефектами нельзя!

– Может, запретить форсированную зарядку? Или, на крайний случай, оставить только один генератор, а на место второго дополнительные аккумуляторы поставить? – спросил я растерянно.

– Горе луковое, – с сожалением отмахнулся от меня нарком. – Смысл был в чём? В дублировании!

– Ну, не знаю...

– Не знает он. Зенитные установки где?

– А вот здесь, Иван Кузьмич, промахнулся. Дизель-гатлинг нам не прислали. На запрос ответили, что автомат переделывают под новый боеприпас. Так что моей вины в том нет.

– Чёрт знает что! – выругался нарком. – От тебя, товарищ Любимов одни неприятности.

– Положим, не от меня. Просто так выходит, что мне выпадает о них сообщать. Видимо, подчинённые не спешат расстраивать высокое начальство.

– Разберёмся.

– Разберитесь уж. Два года, без малого, резину тянем. За это время можно было бы и обычные зенитные автоматы до ума довести.

– А... – Кожанов махнул рукой, – с ними вообще не понятно, что происходит. Завод подтянули, как могли, качества добились. Всё по уму, а пушки всё равно, то работают, то нет. С конструкцией что-то не то. А тут ещё новый патрон. Инженеры разбираются. Хорошо хоть,

после того, как Ленинградские КБ переключили на флот, по остальной артиллерии дела пошли. Выходим на уровень ведущих морских держав! Унивесалки среднего калибра в 100 и 130 миллиметров уже на подходе, через год-два валом будем выпускать. А кое-где и впереди мы уже. Новый наш крейсер будет иметь самый мощный главный калибр в классе! Девять стволов в 180 миллиметров! Вес залпа вдвое больше, чем у одноклассников!

– Это тот, у которого три ствола в башне и все в одной люльке по-итальянски? – переспросил я, припомнив первую серию советских крейсеров.

– А ты откуда знаешь? – насторожился нарком ВМФ.

– Догадался. Итальянцам лицензию на мой мотор явно не за красивые глаза передали, – спохватившись, я начал врать, на ходу придумывая объяснение своей осведомлённости. – Девять 180-миллиметровок в лёгкий крейсер не впихнуть, если только не применить «фишку» с единой люлькой. Правда, «Марина» больше двух пушек в башню не ставит. Но мы же настоящие большевики! Знаете, товарищ флагман флота первого ранга, такое обезьянничание может и позволяет иметь вдвое больший залп, но страдают скорострельность, из-за калибра, и точность, из-за близости траекторий. К тому же исключается рассеивание залпа башни по дальности, а это проблемы с пристрелкой. В результате сильный «на бумаге» крейсер в реальном бою может наполучать от заведомо более слабого, опять таки, «на бумаге» противника.

– Прах тебя раздери, Любимов! Самый умный? Думаешь, в советском ВМФ артиллеристов нет? Этот вопрос обсуждался и решение принято! – взорвался Иван Кузьмич.

– А я чего? Я ничего! – развёл я в ответ руками. – Но мой вам совет. Вы же серию крейсеров наметили? Вот подготовьте резервный вариант, чтобы в случае чего, после испытаний головного корабля, выправить положение.

– Смысла нет, – буркнул задумавшийся нарком. – По первоначальному проекту два ствола было, как ты хочешь. Но тоже оба в одной люльке. Добавив ствол, мы увеличили залп, имея все те же ограничения, которые были. И мы это хорошо осознаём. Не надо нас учить.

– Ну, ну. Однако время у вас на разработку нормальной двухорудийной 180-миллиметровой башни, или каких либо других вариантов вооружения, ещё есть.

– Настаиваешь? Знаешь, товарищ Любимов, тебе чего ни скажи – на всё своя особая точка зрения. И говоришь, вроде, по делу, верю я тебе. Но давай посмотрим, что у нас в итоге получается. Вот перестали мы туполевские глиссера строить, а взамен что? Два года без катеров? Только-только новую серию запустили. А могли бы, пусть на плохих, но настоящих катерах людей учить. С зенитками, торпедами, теперь ещё и с подлодками то же самое – много разговоров, суеты и мало дела. И так во всех делах, куда ты свой нос суёшь.

– Так, значит? – слова наркома заделали меня за живое. – А если чуть шире посмотреть? Флот не получил несколько десятков катеров за два года? А то, что дюраль в гражданскую авиацию ушёл и теперь мы имеем материальную основу для корпуса морской пехоты, пускай до него ещё далеко, который можно быстро перебросить на решающий ТВД? А то, что мы можем содержать и вооружать те батальоны МП, которые уже имеем? Не за счёт ли личного состава и средств, которые флот сэкономил на катерах? И ты, Иван Кузьмич, прекрасно понимаешь, что новые катера, которые поступят на флот уже в 35-м году – реальная боевая сила, в отличие от глиссеров. Лучше уж двумя-тремя годами позже, но реальные боевые единицы, чем сразу барахло. Не знаю, что у тебя там с торпедами не ладится, но после того, как я туда свой нос сунул, упал процент брака. Без меня и того не имел бы, что сейчас имеешь. Зенитные автоматы я видел собственными глазами, могли бы принять их так, как есть. А с подлодками ситуация тоже на благо. В следующих проектах ёмкость аккумуляторной батареи придётся увеличить, фактически вчетверо против первоначальной «М» с «Зульцером». Значит и время пребывания под водой возрастёт, что для малых прибрежных лодок очень важно. И с башнями крейсеров, поверь мне, так же будет! Если им, конечно, не только по берегу стрелять придётся. Я тебе больше скажу! Вы ведь наверняка не одни башни купили, а проект крейсера целиком?

– Ну, положим. Ты это к чему? – насторожился нарком.

– И не только крейсера, но и эсминца?

– Мало, очень мало я о тебе, как вижу, знаю, – мрачно констатировал факт Кожанов. – Скажешь, что догадался? Не верю. Не честно это, товарищ Любимов. Я к тебе со всей душой, а ты? Откуда-то ты информацию получаешь. Не по рангу. И у Сталина бываешь чаще любого другого конструктора. И совсем не по инженерным делам. Ты вообще чей?

– Свой, свой собственный. И заметь, Иван Кузьмич, плохого я тебе никогда не советовал и, тем более, не желал, – немного помолчав, я вернулся к техническим проблемам. – Итальянцы свои корабли для Средиземного моря строят. Такие для Чёрного моря и для Балтики подойдут. Но не для Севера и Тихого океана. Тут уже совсем другая прочность и мореходность нужна. Советские эсминцы обязаны выдержать любой шторм. Итальянские корпуса слабоваты, учти. И расположение котлотурбинной установки надо сразу поменять на эшелонное. Чтобы с затоплением одного отсека корабль не лишался хода. Или это всё равно будет сделано потом. Тем, кто придёт на твоё место.

– Даже так? И через меня перешагнёшь? – в голосе наркома прозвучало не только искреннее удивление, но и обида.

– Да причём здесь я? Про Алксниса слышал?

– Там совсем другое дело! Он по известным тебе материалам проходил!

– Проходил, не проходил, а взяли его за то, что напрямую с политикой не связано. Прецедент, так сказать, создан. При Ягоде военных сажали за происхождение, при Ежове формально за политику, а фактически вообще по первому доносу дело раскручивали. Новый же нарком хитёр, отрабатывает «материалы», но не спеша, не вызывая подозрений в общем провале, выискивая другие причины. И если он эти самые «другие причины» в твоём хозяйстве, Иван Кузьмич, найдёт, придётся тебе сухари сушить.

– Ерунда какая-то... Флот с нуля строим, ясное дело, что не всё гладко будет. Шишек ещё набьём не одну и не две. Но чтобы за это командующих снимать? Кадров не напасёшься...

– Молодым везде у нас дорога, Иван Кузьмич, – процитировал я строку известной песни и, чуть погодя, после взятой на раздумья паузы, предложил. – Хочешь, набросаю тебе перечень направлений по которым могу дать дельные советы? Не детальные, конечно, а так, на познавательном уровне. Тыознакомишь меня по ним с текущим состоянием дел и сразу будет понятно, в каком направлении следует идти.

– Вообще-то, подозреваю, у тебя ко всем гостайнам допуска нет. И если я тебя проинформирую, получится, что разглашу. Лошадка ты, вижу, тёмная.

– Сомневаться и выбирать, Иван Кузьмич – твоё право. Хочешь – молчи и рискуй. Хочешь – шепни по-тихому. Хочешь – оформляй официальный допуск. Но предупреждаю, для меня это только лишняя морока, я по морской пехоте до сих пор твоим отписываюсь. Хотя, конечно, дела можно повернуть хорошие, нужные и всем полезные. Вот и пришли, – сказал я останавливаясь возле своей машины. – Бывай, товарищ нарком! Подумай крепко обо всём, о чём говорили.

– И ты бывай, товарищ конструктор, жди приглашения в межведомственную комиссию по «Фрунзе» и постарайся выполнить всё, что должен.

Эпизод 14.

Вся вторая половина декабря 1934 года и начало января следующего 1935 года прошли в бесконечных заседаниях комиссии с участием представителей Госплана, ГУ морского судостроения НКТП, моряков и нас, чекистов-инженеров. Точнее говоря, инженера и начальника отдела техники, так как компанию мне составил Меркулов. В СССР наступил Новый Год, а мы всё никак не могли согласовать силовую установку линкора.

Рассматривались различные варианты двигателей и трансмиссий, в том числе, чисто механических. Последнее навело меня на мысль об арочных эвольвентных зубчатых передачах, которые были по опыту 21-го века легче, прочнее и тише шевронных. Я подал заявку на авторское свидетельство, но была одна маленькая трудность, за разрешением которой я обратился к своему непосредственному начальнику. Дело в том, что подобные передачи, известные с 50-х годов двадцатого века, никто не мог долгое время изготовить просто и дёшево. Ситуация разрешилась только с применением станков ЧПУ. В общем, ситуация: знаю, что хочу, но как сделать – не знаю.

– А я тебе чем могу помочь? – искренне изумился Меркулов. – Что ты мне эти шестерёнки суёшь, если их сделать нельзя?

– Не совсем так. Можно их делать. И массово. На токарном оборудовании. Но как именно – ума не приложу. У вас же, товарищ майор госбезопасности, и таланты и стимулы найдутся.

– Кстати, если тебе это интересно, станки, которые зарезервированы за патронной промышленностью, предназначены для обточки стальных сердечников, – молча согласившись со мной и приняв бумаги с чертежами зубчатых колёс, как бы между прочим, сказал Меркулов. Я от возмущения чуть на месте не подпрыгнул. Не сказал в ответ ничего, но на следующий день отправил заявку на авторское свидетельство на метод поперечно-винтовой прокатки сердечников пуль и после этого опять обратился к Меркулову.

– Опять сделай так, не знаю как? – возмутился майор. – Ладно один раз! Ты что, хочешь мне всю работу завалить? Или, может, у меня целая академия в загашнике? Я первую-то твою задачку не знаю, кому поручить, а ты уже вторую суёшь!

– Да тут всё элементарно. Но ковыряться с этим просто некогда! Зато, когда это внедрим, получим стальные сердечники для пуль отличного качества в огромных количествах. А токарное оборудование высвободим для обработки плунжерных пар. И выпустим больше моторов. А точить сердечники пуль, по сути – расходный материал, в ручную – дурость. Это ж сколько станков и квалифицированных токарей там без толку зависло?

– Хочешь знать? Не так уж и много. У нас в ЭКУ дело в работе. Ковыряются с 29-го года, а пуль со стальным сердечником, кроме бронебойных, которых кот наплакал, в РККА как не было так и нет. Опыты, исследования, эксперименты, кучу средств израсходовали, а воз и ныне там. И кто-то за это ответит, – поделился Меркулов.

– Товарищ майор госбезопасности, вам сказка про мужика, убравшего камень с дороги, известна? – начал я издалека. – Тягали-тягали тот камень толпой и ничего поделывать не смогли, а мужик пришёл и в яму его в одно лицо зарыл. Вот так и тут. Наточить на всю Красную Армию – циклопический труд. А сделать так, чтобы всё было абсолютно одинаковым по весу и размеру, пожалуй, только автоматика способна. То есть камень нужно было трактором тащить. Или зарыть. Вот я тебе лопату и принёс. А дело закрывайте, за консерватизм не судят. Нет таких статей.

На этом мои потуги на ниве изобретательства закончились, всё время уходило на бесконечные заседания по линкору, на которых всяк норовил переложить самую гиблую работу на других. Я, как мог, отбрыкивался от использования «десятитысячников», которые не мог дать в разумные сроки, следовательно, остался бы виноватым. Всё, что я мог твёрдо обещать – моторы в четыре тысячи сил. Но их, чтобы удовлетворить запросы НК ВМФ, пришлось планировать по четыре на вал! Проектировать такую трансмиссию для неререверсивных движков я категорически отказался, переведя стрелки на судостроительные заводы, которые должны были иметь опыт создания турбозубчатых агрегатов.

Инженеры и руководство ГУ морского судостроения, в свою очередь, осознавая разницу между турбинным и дизельным редуктором в плане обеспечения заднего хода, давили на Госплан, убеждая изыскать резервы и строить электроход. Представители же наркомата ВМФ

нервничали и давили сразу на всех. И их можно было понять. Работы на «Фрунзе» шли, а окончательного проекта всё не было. Близок был тот момент, когда всё лишнее из корпуса будет удалено и встанут во весь рост один за другим два вопроса. «Что дальше?» и «Кто виноват?».

Именно в ведомстве Кожанова родилась идея, оказавшаяся минимально приемлемой для всех. В один прекрасный момент моряки представили отчёт об испытаниях дизеля 13—16, оснащённого гидроредуктором, изготовленным в Ленинграде заводом «Судомех» для верфи погранохраны НКВД, где строились катера МО. О таком решении проблемы малозумности катера-охотника я с наркомом ВМФ говорил ещё весной или в начале лета, но к работам мы не приступали. Что ж, свято место пусто не бывает.

В отчёте было сказано, что хотя редуктор получился без масла даже немного легче механического, который устанавливался на торпедные катера, не требовал глушить двигатель для переключения направления вращения гребного вала и полностью оправдал ожидания в отношении шумности, особенного на малых оборотах. В плюс ему шла простота устройства, которое включало в себя гидронасос дизеля и две закреплённые на гребном валу гидротурбины переднего и заднего хода. В минусе была потеря мощности на перекачивание масла, которая составляла до пяти процентов мощности дизеля. Особо было сказано о комплексных установках нескольких двигателей, работающих на один вал.

ГУ морского судостроения было вынуждено согласиться, что литьё бронзовых колёс центробежных насосов и турбин в принципе не сложнее изготовления гребных винтов, и уж куда проще шевронных шестерён механических редукторов. Моряки смирились с некоторой потерей мощности единичного двигателя. Компенсировав её увеличением числа моторов. Сначала речь шла о четырёх 16—16, скомпонованных на минимальном расстоянии от турбин параллельно гребному валу. В этом случае общая мощность на валу, с учётом вероятных потерь, могла составить четырнадцать с половиной тысяч лошадиных сил. Представители НК ВМФ признали это недостаточным, потребовав ввести пятый мотор, устанавливаемый с торца гребного вала и довести мощность на валу до восемнадцати тысяч. На этом и остановились окончательно в самый канун Рождества, но я попросил зафиксировать моё особое мнение, что подобную силовую установку необходимо всесторонне испытать на опытном судне, прежде, чем ставить на линкор.

Приехав под конец рабочего дня к себе в КБ, которое уже почти два месяца работало фактически самостоятельно, без моего бдительного присмотра, я вознамерился было устроить «начальственный набег» на отделы, чтобы своими глазами посмотреть истинное текущее положение дел, а не отчёты начальников. Но человек предполагает, а выходит всё совсем по-другому, раздался телефонный звонок и Киреев, через конвойного, попросился на приём.

– На ловца и зверь, Василий Васильевич, – приветствовал я начальника отдела, работавшего по «бочонку». – Если что-то важное, можем здесь поговорить. Но если не очень, то пойдём к вам в отдел, обсудим по дороге.

– Хм, гражданин начальник, – замялся конструктор. – Четыре дня не мог вас застать. Так что, получается, подарок аккурат к Рождеству.

– Ты это о чём? – от такого резкого изменения темы разговора я несколько растерялся и, по-своему, отшутился, заставив задуматься уже Киреева, – Я мзды не беру, мне за державу обидно.

– Так я не о том... То есть подарок имеется... Тьфу! Как сказать? Всей державе подарок то есть!

– Ну, раз так, веди, показывай, – слова старого инженера меня не на шутку заинтриговали.

– На завод идти надо. Пока мои все ещё там.

Чтобы не терять времени даром, на МССЗ мы выехали на моей машине и уже через десять минут, миновав проходную подъехали к примыкавшей к механическому цеху лабора-

тории. Войдя внутрь, сопровождаемый Киреевым, я обнаружил прямо посреди помещения блестящую некрашеным металлом бочку и стоящих вокруг неё зеков-инженеров.

– Неужели? Он самый!? А что ж вы там в лагере у себя в отделе собирали?

– Он самый! Мотор «КД»! – с нескрываемой гордостью ответил Василий Васильевич, – А в лагере тренировочный макет на основе «сотки», мы на нём отдельные элементы конструкции отработывали.

– А это? Неужто 130? – сказал я, глядя на диаметр двигателя, значительно превышавший полтора метра.

– Да. Так просто удобнее оказалось. Топливная аппаратура для 13—16 была уже готовая, коленвал, шатуны, поршни, помпы, компрессор тоже из неиспользованного задела по 13—8. Нам оставалось только сам каркас и главные шатуны с нуля изготовить. Такие дела. Зато шестнадцатилиндровая двойная звезда в минимальные сроки.

– И как? Работает? – спросил я о самом важном.

– Вхолостую запускали, а под нагрузкой пока нет. Завтра, с вашего разрешения, установим на стенд и будем испытывать. От результатов будем к КД-16-40 плясать.

– Ну, что ж, граждане инженеры, – обратился я ко всем присутствующим. – Начинается ночь под Рождество, время дарить подарки. Ваш мне понравился. Если такими же темпами будете работать по «десятитысячнику» и дадите рабочий дизель в минимально короткий срок, обещаю приложить все усилия, чтобы ваши дела были пересмотрены. Независимо от результатов пересмотра, ваша работа не останется невознаграждённой. Спасибо.

УК.

Эпизод 1.

Если считать, что новый год начинается не с первого января, а с какого-то заметного события, то 1935-й начал для меня свой отсчёт с двадцать второго числа своего первого месяца. Воспользовавшись тем, что Пётр Милов с семьёй перебрался в отдельную квартиру в Кожухово, получив её от ЦНИИМаш, куда его, после получения диплома, пригласили заведующим лабораторией электрогазосварки, я, прямо скажем, воровски залез в старый дом Полины подчистить тайники с разной мелочью вроде пластиковых карт, думая что там никого нет. Расчёт был верный, жена Акимова должна была быть на заводе, а малыши в детском саду. Но, мы предполагаем, а Господь располагает. Женщина оказалась дома и не одна, а в объятиях своего любимого супруга. Ввалился я, можно сказать, в самый пикантный момент.

Гневу моему не было предела. Арестант, отправленный на МССЗ, по факту, совершил побег, а его конвоир боец Сафонов сидит в полуподвале и решает задачки по физике! Налицо грубейшее нарушение социалистической законности и воинской дисциплины. Да что там УК с уставом! Они меня ни в грош не ставят!

Справедливости ради, следовало признать, что и моя вина в этой ситуации была. Ещё два месяца назад, после того, как на МССЗ доставили не инженера, а однофамильца из лагерной обслуги, приказал закрепить за каждым, кто работает «на выходе», персонального конвойного. Вот они и снюхались.

Короткий допрос выявил, что я не до конца представлял себе глубину задницы, в которую попал. Акимов получал от сотрудничества понятно что, а в замен подрабатывал у Сафонова репетитором, готовя того к поступлению в институт. Мотив понятен, призывали в последнее время в основном пролетариев, людей к железу равнодушных, а уж посмотрев, какие дела в моём КБ творятся, возжелал товарищ Сафонов быть инженером. Беда была в том, что образования было всего пять классов и дембель весной, времени на подготовку катастрофически не хватало, поэтому и был написан неделю назад рапорт на сверхсрочную. Помню, Косов, кото-

рый, между прочим, должен был по негласному договору держать на контроле дисциплину, радовался. Двадцать три рапорта почти разом! А нужно от силы трое-пятеро. Можно привередничать и выбирать лучших! Залётчики, сами полностью раскаявшись, впрямую товарищей не выдали, но сложить два и два ничего не стоило. Это ж выходит, что в моём хозяйстве завёлся пушной зверёк! Косов, зараза, чем занимается?!

Если б свалившаяся на меня проблема имела меньшие масштабы, я бы, пожалуй, мог рубануть сгоряча и наломать дров, но не в этом случае. Шутка ли, я мог разом лишиться всех наиболее продуктивно работающих сотрудников КБ с неминуемым срывом работ по «Фрунзе». Этого одного было более чем достаточно, чтоб получить по совокупности всех прегрешений перед советской властью в целом и отдельными её высокопоставленными представителями в частности высшую меру социальной защиты. А тут ещё и массовый сговор охраны лагеря с заключёнными. Отобрав у конвойного патроны и штык, которые мне, в принципе, не угрожали, но единственно для обозначения моего недоверия, я, тем не менее, заставил его нести свою винтовку самостоятельно, чтоб случайные прохожие не могли подумать, будто у нас что-то неладно. По прибытии в лагерь я сразу за воротами КПП объявил Сафонову трое суток ареста «за уклонение от установленного маршрута». Что было чистой правдой.

Со старшим лейтенантом НКВД Косовым получился исключительно тяжёлый разговор. Вломившись в кабинет политрука, а именно на этой должности официально числился мой зам, ибо натурального заместителя мне по штату не полагалось, я застал его в состоянии, с моей точки зрения, ещё более постыдном, чем Женю Акимова. Весь его стол был завален черновиками, а толстая стопка переписанных набело листов лежала на краю, придавленная (о Боже!) табельным оружием. Сам старлей увлечённо марал очередную страницу.

– Was ist das? – этим вопросом я удивил сам себя, чего уж говорить о моём заместителе, который автоматом начал отвечать, – Das ist...

– Вот ты и попался, шпиён немецкий! Уууу, контра! Донесение резиденту пишешь?! – ничего такого я заранее не планировал, но тут меня просто понесло от всех переживаний.

– Да ты что, Петрович! Вырвалось, вырвалось у меня! – как баба затараторил обычно уверенный в себе старлей, – При главке вечерний факультатив по немецкому языку организовали, там на уроках только шпрехать разрешается, вот и вылетело! А это не донесение вовсе а проект Уголовного кодекса!

– Тааак... – протянул я, бегло глянув на лежащую сверху, страницу, прибрав заодно ствол. А пусть не разбрасывает! А то, что он себя сейчас не в своей тарелке чувствует, мне только на руку. Объяснений, в принципе, не требовалось. Судя по объёму готового чистовика, мой зам мучается законотворчеством с самой публикации для народного обсуждения проекта новой конституции в начале декабря. Картина маслом. Я выше крыши занят железом, мотаюсь по заводам-смежникам, среди которых первое место сейчас уверенно занимает Люберецкий электромеханический, политрук занят писаниной, командиры взводов ходят начкарами через двое суток на третьи с предшествующими подготовками к караулу и последующими выходными, в итоге личный состав предоставлен сам себе. С учётом всех обстоятельств, я, пожалуй, не прав. У меня, наоборот, всё благополучно! А ведь бойцы от упоения свободой могли бы какую-нибудь «Аврору» к Кремлю подкатить и жажнуть!

Это, как говорится, присказка, а вот потом началось. Рассказав Косову о случившемся, но умолчав о женщине, так как хотел разобраться с директором МССЗ Белобородовым, который единственно мог санкционировать её «отгул», келейно, я предложил ему тихо замять дело. Старлей же, не отрицая своей вины за состояние дисциплины и выражая готовность (вот дурак!) понести наказание, настаивал на ограниченном расследовании, только в отношении Акимова. Чтоб другим было неповадно. Вторым не менее важным аргументом было то, что совершенно скрыть произошедшее практически невозможно. С чистой совестью можно лишь стоять на том, что случай единичный, а более не знаем ничего. Тут было о чём задуматься. Если

раньше все выдвигавшиеся обвинения в мой адрес были либо смутными догадками, либо просто притянуты за уши, то в этом случае мы имеем легко доказуемый «залёт». Легко потому, что если оговаривать охотников могло и не найтись, то чистую правду выложить – партия велела! Специфика эпохи, ничего не поделаешь.

Такая концепция меня не устраивала категорически. Во-первых, я лишился ведущего специалиста с той же перспективой срыва сроков работ. Во-вторых, если хотя бы средненький следак начнёт крутить... В общем, сколько верёвочке ни виться, а конец найдётся. Риск в любом случае огромный, но лучше уж не давать формального повода к полномасштабному расследованию, ограничив всё дисциплинарным взысканием Сафонову. Уговоры не дали никакого результата, пришлось приказывать. Косов справедливо возразил, что контрреволюционных приказов выполнять не будет. Пришлось пригрозить сделать его крайним. Сработало! Репутация – великая вещь! Я двух наркомов внудел пережил, а тут какой-то старлей.

Ради примерного наказания виновных, равно как и стремясь помочь им же в благом порыве приобретения знаний, мы свели всех написавших рапорта в первый взвод, добавив туда комсомольский актив во главе с самим комсоргом для полного укомплектования. Было объявлено, что взвод отныне именуется учебным и предназначен для выявления пятерых лучших, которые останутся на сверхсрочную. Для этого была создана специальная система обучения и зачётов, включавшая в себя и полную школьную программу по всем предметам. Ответственными преподавателями были назначены «подозреваемые» с другой стороны колючки. Так сказать, я перевёл стихийное незаконное движение в легальное русло. И сделал его до предела интенсивным. А чтоб жизнь вообще не казалась мёдом, наказал сам себя усиленной физподготовкой с новоявленными «академиками», а Косова – политинформацией, изучением уставов и законов СССР. В общем, к чему ребята стремились, то они и получили, да с разбега! Двум другим взводам тоже хулиганить стало просто некогда, потому, что первый заступал в караул исключительно в субботу.

Эпизод 2.

Двадцать третьего февраля мне представился случай легализовать свою «Сайгу». Ловкость рук и никакого «мошенства». Подобно угонщикам автомобилей более поздних времён, я воспользовался документами на реальную опытную самозарядку, первый образец-макет которой, изготовленный исключительно для проверки работоспособности автоматики, был гладкоствольным. Времени прошло достаточно, чтоб история подзабылась, а бумаги остались. У «Сайги» пришлось заменить пластиковые приклад, цевьё и пистолетную рукоятку на деревянные да изготовить металлический корпус нового магазина, переставив туда «потроха» родного.

Дело оставалось за малым – продемонстрировать «подделку» людям. Шанс выпал в «День Красной Армии и Флота». Накануне дежурный принял телефонограмму из наркомата лёгкой промышленности. Дорогой дядюшка, Исидор Любимов, приглашал меня на охоту и велел прийти к восьми утра к его «пентхаузу» на мясницкой. Без женщин и детей. В принципе, идея встретить праздник в чисто мужской компании за достойным её занятием мне понравилась. Вот только на кого именно охотиться собрался нарком Любимов мне не сообщили, забыв или посчитав несущественным, а перезванивать было как-то неудобно. Пришлось собираться по полной программе. Кроме обычного «бытового» комплекта, тёплой одежды, лыж и «Сайги», к которой у меня была только мелкая дробь, взял «мосинку» валяющегося в санчасти с простудой бойца. И к ней два десятка пулемётных патронов с пулей «Д», списанных на пристрелку оружия. Кто знает, как нынче наркомы развлекаются? Вдруг он за лосятиной собрался, или, того пуще, медведя поднять?

Кроме Исидора Любимова в назначенное время меня прямо на улице и незабвенный Иван Кузьмич Кожанов, при машине, вооружённый и довольный собой.

– Доброго утречка, товарищ флагман первого ранга! Поздравляю с праздником! – поприветствовал я наркома ВМФ «не по уставу», потому, как мы оба не в форме, заглушив двигатель «газика».

– Взаимно! Здорово! – энергия из морячка плескала через край. – Рад видеть тебя, Семён Петрович! Эх бабахнем сегодня! Страшно сказать, на охоте с Гражданской не был! Да и там, больше, поневоле. Готов помочь трудовому крестьянству истреблением волков?

– Волков? – я немного смутился, зверь серьёзный, да и стая – это тебе не шутки.

– Не журишь! Народу много будет, помогут, – заметив мою реакцию ответил нарком. – Вообще, это Орехово-Зуевские текстильщики Исидора пригласили. Стая у них в районе безобразничает, так чего начальству не сделать приятно, а?

– А ваши как же? Сегодня день такой, поздравить всех надо, а нарком в лес сбежал.

– Не дети, перебьются, – нахмурился Иван Кузьмич. – Я телом мелкий и как Ворошилов пить не могу! Здоровье дороже!

– А, все в сборе, как погляжу, – на улицу вышел и пожал нам руки одетый в овчинный тулуп главный организатор мероприятия. – Нечего время терять, давайте грузиться.

Для поездки был изначально запланирован «Тур» наркома ВМФ, так как он имел полный привод и мощный двенадцатицилиндровый мотор, в отличие от лимузина капитана лёгкой промышленности, а на моём «газике», хоть он, наверное, и был здесь лучшим по проходимости, везти двух наркомов было бы непредставительно. Пока складывали пожитки и оружие в салон «флагманского» автомобиля, Исидор Любимов, намеренно выставлял напоказ свою вертикалку, под конец не выдержав и откровенно похваставшись. По нынешним временам комбинированный «Меркель» со стволами 7,92 и 12 был, пожалуй, даже не предметом роскоши, а произведением искусства. Кожанов, отдав должное «немцу», не ударил в грязь лицом, продемонстрировав обычную боевую СВШ, но с подарочной пластиной на прикладе «от рабочих Тулы герою РККФ» и оптическим прицелом, что вызвало мой живейший интерес. Сам я участвовать в соревновании «у кого длиннее» не хотел, но подначки наркомов по поводу «мосинки» и предложения вооружить меня получше за свой счёт, заставили расчехлить «Сайгу», якобы «собственной работы». Судя по реакции наркомов, я их обошёл вчистую. Никакие мои заверения, кто как охотничий этот карабин можно принимать весьма условно, не помогли. Оба захотели точно такие же. Пришлось послать их в Тулу.

Так как хозяин лимузина был небольшого роста, а сидения в машине не регулировались, пришлось мне поработать водителем. Конечно, у Кожанова был персональный шофёр, но именно сегодня нарком предпочёл преодолеть некоторые трудности и приехать на Мясницкую самостоятельно. А кандидатура Исидора Любимова как управляющего транспортным средством, вследствие малой практики и утреннего барского настроения, вообще не рассматривалась. Надо сказать, это меня ничуть не расстроило. Ехать за рулём «Тура» было настоящим удовольствием. Несмотря на вес, машина сидела на дороге, как влитая и легко управлялась на ходу, а табуны под капотом позволяли плавно, но энергично ускоряться и сбрасывать перед поворотами без использования тормозов, которые, из-за пневматической конструкции, были, единственный минус, резковаты. Про комфорт внутри и говорить не стоит, а вот «прибамбасы» я для себя отметил особо. Только мы уселись и тронулись, как Кожанов, сидевший спереди, откинув крышку бардачка и достав оттуда по отдельности огромные наушники и микрофон, щёлкнул тумблером скрывавшегося там же радиопередатчика. Меньше, чем за минуту прибор нагрелся и сигнальная лампа загорелась зелёным светом. Нарком, поставив переключатели на приёмнике и передатчике в одно положение, связался с дежурным по своему наркомату и, обменявшись числовыми паролями, поздравил своих подчинённых.

Меня удивило, что Иван Кузьмич проделал всё лично, без какой-либо помощи специально обученного радиста. На выраженное мной восхищение его способностями он с удивлением ответил.

– А что тут сложного? Пять фиксированных радиоканалов, выбрал нужный и всё, можно говорить. Если, конечно, дальше десяти километров не уехал.

– И частота не плавает? Подстойка не нужна?

– Связисты проверяют каждое утро, пока случаев, чтобы я без радио остался, не было.

– Неужто, наши такие передатчики делают?

– А что тут странного? Машины, трактора, подлодки, эсминцы, торпеды делаем, а радиостанции, выходит нам не по зубам? Недооцениваешь отечественную радиопромышленность, товарищ Любимов. Это в тебе твой «тяжелопромышленный шовинизм» говорит. Вот погоди, пожалуюсь товарищу Артюхиной, она тебя проработает, чтоб не задавался. Достанется не меньше, чем Серго... – на этих словах Кожанов запнулся и резко сменил тему.

– Как у тебя с машинами для «Фрунзе» дела?

– Положа руку на сердце, плохо! – не стал кривить я душой. – С механикой туда-сюда, а с электротехникой вообще затык. Люберецкий электромеханический только-только дал первые образцы электромагнитных клапанов и датчиков оборотов вала. И то, и то ерунда. С клапаном в размер кулака ещё можно смириться, а вот с точностью плюс-минус пару сотен – никак! Я уж про главный прибор не говорю. Для него даже закон изменения подачи топлива, в зависимости от наддува, оборотов и нагрузки не определён! Кручу сейчас десяток двухцилиндровых блоков с ручной регулировкой для определения оптимальных параметров на всех режимах. Но, метод научного тыка требует времени. И не малого. Полагаю, рабочий образец дам к середине весны. 1936 года. Не раньше. Если голову не снимут. Во избежание трагического исхода предлагаю смириться с установкой пяти 16—16 в катерном варианте, с собственными компрессорами и обычными ТНВД, на один вал. Потребуется двадцать штук. Могу дать к концу мая. Если «Русский Дизель» не подведёт.

– Везучий ты человек, Семён, – глядя в окно сказал нарком ВМФ. – В других условиях за такую подделку я б сам первый твоей крови потребовал. Но, к весне корпусные работы по «Фрунзе» закончены не будут. Новаторы-рационализаторы взялись делать були и третье дно сварными, да ещё дополнительное бронирование в подводной части включить в силовой набор. А корпус линкора из трёх разных по составу сталей собран, да ещё мороз, на котором, оказывается, варить вообще нельзя. В итоге работы на восемьдесят процентов выполнили, когда приёмка трещины в швах обнаружила. Всё насмарку. Переделывать будут летом, сейчас эти самые швы протачивают до чистого металла.

Тут я не сдержался и тихонько с облегчением выдохнул. По всему выходило, что судьба подарила мне минимум полгода.

– Радуешься, что грома-молнии не тебе достались? – усмехнулся Иван Кузьмич. – Напрасно. Надоели мне выкрутасы наркомата тяжёлой промышленности. 130-миллиметровые пушки для эсминцев, несмотря на ТТЗ, не универсальные и ресурс 100 выстрелов всего! Два года работы и такую ерунду мне впаривают! Зачем мне новая пушка, которая хуже старой Б-7? К чему оправдания, что из-за высоты линии огня зенитную стрельбу только в башне обеспечить можно? Этого что, сразу понять нельзя было? Теперь обещают башни, не раньше, чем через два года. А эсминцы мне чем вооружать? И так во всём!

Повисла неловкая пауза, которую сам Кожанов, немного успокоившись, прервал.

– Совнарком дал добро на предварительные натурные испытания дизель-гидравлической силовой установки. Как только лёд на Неве сойдёт, поставим на Адмиралтейский завод «Ворошилов». Это старорежимный недострой. Машины у него такие же, как на «Фрунзе». Заменяем на паре валов турбины на дизеля и посмотрим, как это будет на ходу. Так что, будь добр, обес-

печь. На упрощёнку глаза, так и быть, закрою. Всё таки, «Ворошилов» не линкор, на контроле в ЦК его не держат.

Слушая Ивана Кузьмича, я напрягался всё больше. Дело в том, что он говорил именно то, что я хотел бы больше всего услышать. Возможно, за исключением полной отмены этой затеи высшего руководства. Вот только необходимости сообщать мне об этом именно здесь и сейчас, не было никакой. Наоборот, наркому было бы выгодно, чтоб я землю носом рыл, стараясь не прогневить ЦК. А происходящее было больше всего похоже, как на бойне успокаивают быка, прежде чем прирезать.

Я весь внутренне подобрался, ожидая подвоха. Был бы передо мной Берия, о характере и поступках которого я знал что-то заранее, было б легче. Но с наркомом ВМФ всё моё знакомство опиралось исключительно на личный опыт. Без подсказок из несостоявшегося будущего. Хоть и был Кожанов чем-то похож на Ежова, но вот поведение их различалось кардинально. Взлетев высоко, Иван Кузьмич умудрился не оторваться от «земли», или, в его случае, «палубы», оставаясь всё тем же «матросским флагманом», близким и понятным любому военному моряку и пользующимся за это любовью и уважением. Военно-Морской Флот ставил в своей жизни на первое место и искренне старался подготовить его к грядущим испытаниям как можно лучше. Из известных исторических личностей, больше всего он, пожалуй, напоминал мне фельдмаршала Суворова. И при всём при этом, предвоенной чистки, видимо, не пережил. Не помню я его фамилию среди героев войны, да и после неё тоже. А человек такого калибра безвестно затеряться не должен был. Значит убрали недоброжелатели. Вот только кто? Ворошилов? Да, не может он смириться, что моряки от него сбежали, но тогда-то такого не было. Александр Васильевич, коли уж я его вспомнил, с перед самим императором встать за правду не сробел, за что и попал в опалу. Есть над чем подумать, стоит ли к такому человеку приближаться. Впрочем, особого выбора у меня нет, с сухопутными я в контрах, а дело делать надо. Общие противники сближают.

Пока я развлекал себя такими размышлениями, умолкнувший было на несколько минут нарком, видимо, твёрдо решивший не дать нам умереть со скуки, снова подал голос.

– А вот наркомат лёгкой промышленности для меня, как бальзам на душу. Всё что ни попросишь, дорогой Исидор Евстигнеевич предоставит. Если б ты знал, Семён, как Клим ругался, когда мы форму нового образца на две бригады морской пехоты получили. У него заявки годами не отовариваются.

– Уж скажешь, тоже, годами, – насупился дядюшка. – Не больше чем на шесть месяцев. И не от нас это зависит, а от сезона. Если они мне в ноябре заявки присылают на следующий год, а овец стригут в мае? Кстати, Семён, работает твоя идея. В степи дорог нет, но как просохнет, кати куда хочешь! Четыре-пять прицепов к «пятому» ЗИЛу и вперёд! Мы так уже считай, не только наш Туркестан в оборот взяли, но и Монголию, и Сибирь. Но последнее не от автопоездов больше зависело, а от наведения порядка. Молодцы пограничники. Удобно всем получилось. Нам шерсть. А мы туда топливо, стройматериалы, корма какие, ну и так, поторговать мелочь разная. Был бы буржуем, эх я б развернулся там! Рефрижераторов бы! Не даёт ни госплан, ни наркомфин. Говорят, вы уж нас совсем стеклом и химией своей объели, у других наркоматов хлеб отбираете.

– Хоть за дело пеняют-то? – обернулся назад Кожанов. – Успехи есть?

– Не наседай бы ты на меня со стеклотканью, Иван Кузьмич! Одно расстройство от неё! Рассчитывай на ближайшее время на стекломочало. Не так аккуратно выходит, как племянник говорит, но бакелитовый саман неплох. Сам понимаешь, от смолы и все недостатки. Ты бы поискал по заграницам рецепты, а то своя разведка только у тебя.

– Если что будет, сообщу обязательно, – кивнул Кожанов.

Слушая этот разговор, я невольно обращал внимание, что, не имея «забугорных» образцов с готовыми названиями, наши люди вполне успешно подбирали свои, интуитивно понят-

ные. Так, «мочало» не могло относиться ни к чему иному, кроме как к распылению жидкого горячего стекла сжатым воздухом, а «саман», естественно, предтеча всех композитов.

– Ну, а с искусственным волокном... Вискоза и близко не стоит, к тому образцу. Чувствую, спросят меня за такой расход средств на сомнительное дело. Лабораторию по последнему слову химической науки оборудовали, средства только туда вливаем, а толку пока нет. Не могли обмануть нас? Может эти нити как-то естественным образом получаются? Не может такого быть?

– Концов не найти, Исидор Евстигнеевич. Источник, после случая с Ежовым, сами немцы ликвидировали. Пробовали по наработанной им агентуре пройти, так там островитяне нарисовались. Два провала. Такое впечатление, что им известно достаточно много. Пока выжидаем и смотрим. А сомнения насчёт сведений и у меня появились, Семён. Тот фторопласт, по твоей формуле, флотская лаборатория порохов и боевой химии, получила. Оказывается, это порошок! Да, скользкий. Но! Разлагается меньше чем при трёхстах градусах на ядовитые составляющие и при выстреле из пушки сгорит. Чистая деза!

– Пусть дальше работают! Даже порошок – просто отличный результат! Его в трансмиссионную смазку хорошо добавлять! Ресурс в разы! И есть способ его получения в виде покрытий и крупных кусков. Это химическая и электроизоляция, детали трущихся узлов. Пусть ищут! – я испугался, что работы свернут.

– Ты так уверенно говоришь, Семён Петрович, а ведь иных подтверждений этой информации нет. Всё с твоих слов. Разведка ничего не дала. И у меня создаётся нехорошее впечатление, что ты нам не доверяешь и придержишься информацию. При этом хочешь, чтоб мы верили тебе на слово. Или ты думаешь, что мне пороходелов-химиков озадачить нечем? – наехал на меня нарком ВМФ.

– Источник, как вы сами сказали, мёртв, а мне добавить нечего, – уйти «в отказ» было, в данном случае, единственно верным решением, но холодок между нами в этот момент перестал быть красивой фразой, кожа вдоль хребта пошла мурашками.

– Ладно... – сказал Кожанов, всем своим видом показывая, что дела обстоят как раз наоборот, и сменил тему. – Мы тут с твоим дядей посоветались и вот что решили. Семён Петрович, не желаешь ли ты сделать карьеру в наркомате внутренних дел?

– Желаю я или не желаю, в данном случае, не имеет никакого значения, – тут я даже позволил себе от души повеселиться. – Берия не такой дурак, чтоб не только таскать чемодан без ручки, но ещё и набивать его камнями. Думаете, он не понимает, что рано или поздно уронит и отдавит себе ноги?

– Никто и не говорит, что всё будет просто. Но у Лаврентия неустойчивое положение. Ежов, в своё время, провёл переаттестацию, чтоб расставить на ключевых постах своих людей или просто тех, кто был ему обязан всем. Фактически, сейчас Берия свой наркомат контролирует слабо и будет от этой слабости избавляться различными структурными изменениями. Для нас это шанс продвинуть тебя повыше. А точка опоры и влияния в НКВД исключительно важна. Хотя бы, как лишняя гарантия безопасности для нас всех. Позиция товарища Сталина по тебе, с августа не изменилась, хотя то предложение и было жестом отчаяния под прессом кадрового голода. Орджоникидзе и Киров тоже за тебя встанут в случае чего. Смело можем вопрос о твоём назначении хоть в ЦК продавливать. Лаврентий это понимает и артачиться не будет.

Выслушав увещания Кожанова я ответил категорическим отказом. Что значит «точка влияния»? Или в наркомате ввудел от приказов к интригам перешли? Кто поддержит, кто не поддержит, продавить, сесть повыше – от всего этого меня буквально воротило. Как и от того, чтобы кого-то либо что-то контролировать, вместо того, чтобы делать самому.

– Ты, надеюсь, не думаешь, что мы тебя сразу в кресло замнаркома посадим, раз уж от главного портфеля отказался? – в разговор вступил Исидор Любимов, придвинувшись сзади

чуть ли не к моему уху. – Ты сначала до конца выслушай, а потом уж руби. В ближайшее время ваше ЭКУ переформируют в ГЭУ. Главное Экономическое Управление. Меркулов вместо ВРИО станет полновластным хозяином, а управлений станет четыре. Промышленности, Торговли и финансов, Транспорта, Сельского хозяйства. Понимаешь? Берия строит структуру по отраслевому принципу, вместо прежнего, целевого. Так вот, мы тебя продвинем на отдел в первом управлении. Отдел двигателей внутреннего сгорания. Твоё ненаглядное КБ при этом, при тебе же и останется. А возможности, представляешь, как возрастут? Все КБ, все заводы будут у тебя под контролем!

Захваченный нарисованной перспективой, я упустил главное, спустя пять секунд, меня будто прострелило. Откуда они могут знать?! Вопрос, заданный в лоб заставил Кожанова отвернуться и сделать вид, что занят изучением пролетающего мимо подмосковного пейзажа.

– Ты, товарищ флагман, давай, нос не вороти. Как вижу, у тебя он в пуху. Вы что, за Берией шпионите? С ума сошли?! Это ж и под попытку организации контрреволюционного переворота подвести можно!

– Раздражаешь, товарищ Любимов, – в сердцах ответил нарком. – Сидя в мазуте всё нос свой длинный высовываешь, а чуть что, так обратно нырнуть норовишь. Ты уж определись, пойдёшь в люди или нет. Шпионим? Не было б большого греха, если б так. Что Ягода, что Ежов – чекисты были так себе. Третий раз обжечься неохота. Но, всё санкционировано, не переживай. Наблюдали за ежовцами, хозяева кабинетов поменялись, а приказа сворачиваться не было. Забыли, наверное, так мы не напоминаем.

– Берия не простит, – сказал я очевидное.

– Плевать. Не до этого ему сейчас. А года через два мы тебя на первое управление поднимем, если молодцом будешь. Тут уж Исидора вообще не свалить, а об меня Лаврентий и сейчас зубы обломает.

Оптимизма соучастников нашего заговора я отнюдь не разделял. Но уж больно приманка была вкусной. Контроль над всем двигателестроением! Я сам не заметил, как стал составлять планы на ближайшую перспективу. И мне было абсолютно всё равно, что коготок уже увяз. Просто потому, что времени сбыться мечтам «моих» наркомов не хватало. А война сама покажет, кто чего стоит и всех расставит по своим местам.

Получив моё формальное согласие, наркомы-заговорщики успокоились, беседа потекла куда как благодуще. Поговорили о бабах. И вообще и персонально о моей Полине, а потом о товарище Артюхиной.

Жена отличилась тем, что стала козырять родственными связями, заставляя лабораторию работать сверхурочно. К тому же она без зазрения совести вынудила собственного начальника заняться репетиторством. В общем, сплетен до небес. Точнее до самого наркома лёгкой промышленности. Обещал разобраться и надрать задницу. Отговорили.

Александра Фёдоровна же, расстроенная очередным провалом испытаний кислородных торпед, с пожаром ещё на этапе подготовки, решила лично разобраться, в чём причина. Торпеды были первым крупным успехом «шефа» точной промышленности и всё с ними связанное Артюхина принимала особенно близко к сердцу. Кожанов с восхищением рассказывал, как добрая, милая женщина, устроила такой аврал, что от военморов только перья летели. Чистота в торпедном хозяйстве, и не только, стала практически стерильной, а грязь под ногтями матроса становилась чуть ли не поводом к комсомольскому собранию. Инструкции по эксплуатации выполнялись неукоснительно. В итоге, впервые, нормально работающие по отдельности на стендах агрегаты, «спели хором» в стрельбе реальными торпедами. Кислородная, с японскими воздушными хитростями, 533-миллиметровая торпеда с 300-килограммовой инертной боеголовкой и турбинным двигателем, показала дальность в 75 кабельтовых и скорость 45 узлов. Большой шаг вперёд даже по сравнению с «фиумской» торпедой, которая на такой скорости шла только 22 кабельтовых. Работы предстоит ещё много – внести в конструкцию

различные режимы хода на разную дальность, отработать контактный и электромагнитный взрыватели, увеличить мощность боеголовки и, возможно, установить систему маневрирования или самонаведения, но уже в таком, предельно упрощённом виде, торпеда рабочая, в отличие от капризной перекисной «сестры».

Пошутив на тему того, что Александре Фёдоровне надо бы присвоить флагманское звание, раз уж она так хорошо справляется. Посетовав на то, что в Гражданскую могли и из бойцов и в начдивы шагнуть, если талант был, наркомы постепенно съехали на воспоминания. Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы где вместе рубились они. Пусть не вместе, но рядом. Исидор Любимов был начальником тыла фронта у Фрунзе в Туркестане, когда Кожанов десант в Энзели высаживал. Как водится, память сохраняла всё, но говорить хотелось о чём-то весёлом. Поэтому, спустя три часа после выезда из Москвы, вскоре после Полудня, проскочив Орехово-Зуево, мы въехали в большое село Губино и остановились у старообрядческой церкви, которая была открыта как ни в чём ни бывало. Видимо, староверам всё равно, никонианские гонения или большевистские. Жить-то надо.

Тут же перед церковью уже собралась немаленькая толпа как людей, так и машин, и тракторов. Легковые «газики» привезли к месту сбора директоров текстильных фабрик района. А вот «шассики» СТЗ, поставленные передними колёсами на самодельные лыжи, были местными вездеходами. Именно на них, разместившись на грузовых платформах, нам предстояло двигаться дальше. Последние трое суток днём устойчиво держалась плюсовая температура, снег осел и уплотнился, напивавшись водой, поэтому лёгкие СТЗ двигались по целине уверенно, проваливаясь сзади не больше чем на треть колеса и уверенно загребая мощными грунтозацепами стальных колёс.

Выехав за околицу, мы немного спустились на поросшую кое-где чахлыми деревцами равнину, наводящую на мысль о болоте. Но, местные егеря чувствовали себя уверенно и уже вскоре стали руководить расстановкой номеров, не делая различия между наркомом и простым колхозником, принявшим участие в волчьей облаве из-за того, что имел ружьё. Всего стрелков было около тридцати, расположившихся на дистанции от около пятидесяти метров по широкой дуге перед небольшим берёзовым леском. Именно там была замечена стая.

Встав на место, я приготовил «сайгу», снарядив в магазин пять патронов с крупной картечью, выщипанных у родственника, твёрдо решив стрелять только если зверь выйдет прямо на меня. Как-то не нравился мне такой способ охоты. Понимаю, так проще и быстрее всего избавить округу от хищников, но элемент состязания почти полностью отсутствует. Конечно, я не кержак, идущий на медведя с засапожником, но предпочёл бы действовать один или небольшой группой, выслеживать, устраивать засады, пытаться перехитрить зверя. А тут? Мы стоим, считай, в чистом поле. Ветер от нас к лесу, шума до небес. И подавляющее численное и качественное, как говорят военные, превосходство. Этой охоте вполне подходит эпитет «американская».

Улыбнувшись своим рассуждениям, я не заметил, как пролетело время и загонщики, движущиеся через лес частью на лыжах, а то и прямо на тракторах, выгнали стаю на стрелков. Серые тени метнулись туда, где было пониже, стараясь скрыться в низинке, но там и снег был более влажный и тяжёлый, бежать было трудно. К моему удовлетворению, это происходило метрах в трёхстах от меня, за дальностью прицельного выстрела моего дробовика. Зато вокруг поднялась такая стрельба, что мне остро захотелось упасть и окопаться. Кожанов лупил чуть ли не очередями, попал или не попал, но два магазина он отстрелять успел. Дядюшка пальнул разок пулей и, перезаряжаясь, пару раз картечью. Остальные тоже от них не отставали. Подумалось, что шкуры теперь особой ценности представлять не будут.

По итогам охоты, осмотрев туши, единодушно решили, что матёрую волчицу, главу стаи, подстрелил собственной персоной Исидор Евстигнеевич Любимов. Ещё одного крупного волка, «присудили» наркому ВМФ. А остальных троих по справедливости распределили

между иными уважаемыми людьми. Пытались и меня наградить таким образом, но я, улыбувшись про себя таким детским приёмом расположить к себе начальство, честно заявил, что не участвовал.

Всего охота заняла два с половиной часа чистого времени и в животе уже начало урчать, поэтому праздничный обед в столовой Губинской текстильной фабрики был как нельзя кстати. Особым разнообразием меню не отличалось, суп, мясо, рыба, солёные огурцы и грибы, картошка, но было сытным, что по нынешним временам и являлось мерилем богатства стола. Пили много, благо поводов хоть отбавляй. Я, зная, что ещё нужно обратно ехать, воздерживался, чем вызывал нездоровый интерес. В конце концов, под предлогом, что каждый должен произнести тост, меня таки вынудили поднять бокал красного вина. Встав, я замялся, не находя, что сказать. Но вдруг мне на ум пришла интересная мысль и я, прокашлявшись, как мог выразительно, запел.

Если на Родине вместе встречаются
Несколько старых друзей.
Всё что нам дорого припоминается,
Песня бежит веселей.

Встанем и чокнемся рюмками стоя мы,
Выше бокалы с вином!
Выпьем за Родину нашу привольную,
Выпьем и снова нальём!

Выпьем за русскую удаль кипучую,
За богатырский народ.
Выпьем за армию нашу могучую,
Выпьем за доблестный флот!

Последний куплет я просто опустил, не сумев сходу его изменить, чтоб не пугать никого «гвардией», но концовка получилась актуальной и, в целом, песня была принята исключительно хорошо. Немного недовольным был только Иван Кузьмич.

– Почему это сначала армия, а потом только флот? – было видно, что нарком уже слегка набрался.

Праздновали наркомы в Губине, пока не стемнело. Я же, тишком сбежав, завернувшись в неостребованные сейчас тулупы, успел до отъезда выспаться в «Туре». Впрочем, оба моих попутчика прекрасно добрали своё в дороге. На подъезде к Москве, около девяти вечера, я разбудил просившего об этом Кожанова. Нарком связался по радио с дежурным по своему хозяйству и переменялся в лице. Сон и хмель с него как рукой сняло.

– Сам требует немедленно.

– Что, даже не переоденешься?

– Дежурному приказано доложить о передаче вызова. Едем в Кунцево, – принял решение флагман.

– Меня по дороге домой завезите! – засуетился проснувшийся от наших голосов Исидор Любимов, которому совсем не улыбалось, на ночь глядя, в непотребном виде, ехать по чужому вызову к фактическому главе государства.

– Нарком с лимузина – мотору легче! – грустно пошутил Кожанов, – Пять лишних минут нас не устроят.

Проезжая Мясницкую, избавились от балласта и, знакомым с августа прошлого года маршрутом, я летел по ночной Москве, которая и не думала спать. Стоя на одном из перекрёстков, мы с Кожановым слышали, как из открытых окон ресторана неслось.

– Мы парни танкисты и артиллеристы, мы верные силы Советской России! – комсостав гулял, а я удивлялся, как быстро разошлась песня в народе.

В Кунцево вышла заминка. В шлюзе охрана обратила внимание на сложенные в салоне машины длинные стволы. Пришлось ждать Власика, который, увидев меня на месте водителя, поморщился, но дал добро. Одновременно он же и успокоил Кожанова.

– Что там? – кивнул нарком на открывающиеся ворота.

– Гуляют.

Признаюсь, мне было до жути интересно, что происходит внутри. В своё время успел нахвататься рассказов о полуночных пирах вождя со всевозможными излишествами. Однако, после личного общения со Сталиным, мне казалось, что всё изрядно преувеличено. К сожалению, в настоящий момент, я был ни кем иным, кроме как водителем и моё место было в караулке. А ведь я уже придумал, как четвёртый куплет переделать. Вместо «Встанем, товарищи, выпьем за гвардию» следовало пока петь «Вспомним товарищи Красную Гвардию». Ничего, в другой раз, а потом, как пойдёт. Но, я уж постараюсь, чтоб для «Волховской застольной» причин не появилось.

Ближе к пяти часам утра, на наркомовском «Туре», я заявился к родному порогу. Полине, видимо, не спавшей и вышедшей на крыльцо в накинутом прямо на рубашку пальто, я устало сказал словами Маэстро.

– Вот, принимай аппарат. Махнул не глядя.

– Заходи уж, горе луковое. Вернулся сам и то ладно.

Эпизод 3.

Прошло две недели и предсказание о реформе ЭКУ НКВД сбылось. Восьмого марта, прямо в международный женский день, который кроме СССР нигде не праздновали, я был вызван на большое совещание, которое проводил лично товарищ Берия. Большинство участников мне были незнакомы, узнал только три-четыре лица, включая Меркулова.

Лаврентий Павлович открыл совещание вступительной речью, посетовав на отставание роста потенциала ЭКУ по пресечению контрреволюционной деятельности в экономике от роста советского народного хозяйства. Выход он видел в масштабной реорганизации по отраслевому принципу. Теперь, в новом ГЭУ, уже не будет общих оперативного и следственного отделов, которые занимались и финансовыми преступлениями и вредительством на производстве. Наоборот, теперь будет много небольших отделов, «заточенных» на своё направление, а уж в них будут собственные оперативное, следственное и иные отделения, например техническое. Всё это должно было повысить эффективность борьбы с контрреволюцией, в конце концов, совсем её искоренив. Так на бумаге.

Фактически же использовался и экстенсивный путь, чему свидетельством было количество присутствующих, каждый из которых был назначен, минимум, начальником отдела. Увеличение штатов, кроме замены кадров на «своих» людей, давало ещё и увеличение количества рабочих мест, пространство для карьерного роста для них же.

Впрочем, был объявлен трёхмесячный организационный период, в ходе которого нужно было создать костяк ГЭУ НКВД, который наполнится летом, после партмобилизации выпускников советских вузов, партийных и комсомольских органов. Нечто подобное Берия провернул и в эталонной истории, значительно оздоровив наркомат внутренних дел.

Далее нарком официально назначил начальником ГЭУ НКВД старшего майора ГБ Меркулова и предоставил ему слово. Всеволод Николаевич зачитал список назначений рангом

пониже, осчастливив всех присутствующих, и призвал именами Маркса, Энгельса и Ленина, не ударить в грязь лицом, выявлять и душить любую вражескую деятельность в зародыше.

Теперь я стал начальником «отдела двигателей внутреннего сгорания управления промышленности ГЭУ НКВД». Звучит внушительно и привлекательно, если не знать, что я ещё, по совместительству, начальник техотделения моего же отдела и начальник одного из КБ этого же техотделения. «Одного из» потому, что мне всучили ещё станкостроителей, которые пытаются воплотить в металле мои «изобретения». И на всё это хозяйство у меня младший лейтенант НКВД Сотников Сергей Иванович и два сержанта того же ведомства, Федосеенко и Иевлев. Наверняка все трое по гроб жизни обязаны Меркулову или кому-то из его команды. Умещаемся в одном кабинете. Места хватает с запасом. Пару-тройку столов ещё можно поставить смело. Скелетом назвать всё это язык не поворачивался, пожалуй, даже эпитет «зародыш» приукрасит нерадостную действительность. Чувство обманутого ожидания было таким острым, будто в детстве на день рождения, вместо подарка, просто погладили по голове. С другой стороны, того, что будет легко, мне никто не обещал.

Переспав с мыслями о своей новой должности, с самого утра девятого марта побежал напрашиваться на доклад к начальнику управления. Какого чёрта?! Если Берия протаскивает свою команду, то почему мне нельзя поступать точно так же? Косов спит и видит, чтоб вернуться на следствие, а мне как раз нужен начальник этого отделения. Не могут выделить личный состав? Их есть у меня! Взвод академиков будет только рад остаться в кадрах в полном составе. А в моторах каждый из них разбирается получше некоторых старших майоров ГБ. Остальному со временем научатся.

– Представляюсь по случаю назначения на должность начальника отдела ДВС! – влетел я с утра пораньше в кабинет новоиспечённого начальника управления Кобулова через пустую приёмную в которой не было даже секретаря вслед за хозяином, которого я издали увидел в коридоре. – Капитан государственной безопасности Любимов!

– А, товарищ капитан. Здравствуй. Будем знакомы, поработаем, – снимая шинель и не приняв моего официального тона, ответил Богдан Захарович. – Я-то вас хорошо знаю, хоть встречаться нам и не приходилось. С какими бедами ко мне ни свет ни заря?

– У меня на весь отдел один младлей и два сержанта госбезопасности. Такими силами никакие задачи выполнять невозможно! Прошу усиления кадрами и имею кандидатуры, которые прошу рассмотреть.

– Стало быть, хозяйство вчера приняли? – Дружелюбно улыбнулся майор, садясь за стол и жестом предложив мне сделать то же самое.

– Так точно!

– Ну, вот и хорошо. Значит первый шаг, точнее первый пункт плана формирования вы выполнили, – по-доброму спокойно, тихо, но тем самым пробуждая какое-то неуютное чувство, будто находишься на приёме у врача-психиатра, сказал Кобулов. – Будем и дальше вместе выполнять план начальника главка, утверждённый самим наркомом. Уверяю вас, невыполнимых задач перед вами никто ставить не собирается. Вы в отдел к себе заходили?

– Нет ещё, – я невольно смутился, почувствовав, что сделал что-то не совсем правильно. – Вас в коридоре увидел.

– А если б зашли, то знали бы, что через час назначено совещание управления, где я доведу начальникам отделов ближайшие задачи. Там же у вас будет возможность задать интересующие вас вопросы и сделать инициативные предложения. У вас ещё есть время подготовиться.

Намёк был более чем прозрачный и я, спросив разрешения, побежал к себе. Хоть и выпроводил меня начальник прямо сейчас, но надежду оставил. А вот времени нет. Если всё делать по уму, то мне, перво-наперво, нужен свой продуманный план действий. И не просто продуманный, а изложенный на бумаге. И не рукописью, а отпечатанный на машинке. Это раз.

Пополнение личным составом. Расход, сколько и кого на какие должности. Характеристики на всех. Это два.

– Здравствуйте товарищи! – моё приветствие застало подчинённых в самых разных позах, но заставило, в силу своей официальности, вытянуться по стойке смирно. Не обошлось и без накладок, Иевлев уронил от неожиданности шинель, а Сотников, уронивший что-то под стол, пребольно ударился головой и его сморщенная физиономия говорила сейчас гораздо красноречивее всех слов.

– Вольно, слушай приказ! Водители есть? – с ходу взяв быка за рога я ошарашил подчинённых напором, что сыграло со мной злую шутку, так как личный состав зажался и, похоже, даже испугался излишне энергичного командира – Есть водители, спрашиваю? Чего молчим? Или всю оставшуюся жизнь свои таланты скрывать будете?

– Есть. То есть я. В смысле, могу, но не очень чтобы уж, – как-то неуверенно признался сержант ГБ Федосеенко. И тут же получил ключи и приказ совершить на командирском «Газике» вояж до Нагатино и обратно. Привезя в отдел, все до единой, полученные там от Косова бумаги. Последнего я мог и по телефону заранее предупредить, поэтому на записках сэкономили и сержант побежал к не успевшему ещё остыть транспорту.

– Теперь вы, сержант Иевлев. Сколько вам времени необходимо, чтобы добыть пишущую машинку?

– Ну, товарищ капитан государственной безопасности, если заявку прямо сейчас составить и кое-где кое-кого подтолкнуть по-приятельски, так через неделю можно получить.

– Отставить, – буркнул я, поняв свою ошибку. Правильно постановка задачи, дающая подчинённому максимум информации для её выполнения – уже половина успеха. – Машинка нужна временно, до десяти ноль-ноль.

– Разрешите я? – выступил вперёд Сотников. – Сержанта заберу, чтоб донести помог.

– Добро, хоть и рассчитывал на тебя, что ты мне план накидать вчерне поможешь. Даю пятнадцать минут, больше не могу.

– Есть! Есть! – и остатки моего воинства скрылись за дверью, а сам я сел набросать черновик.

Прежде, чем бороться с чем-то или кем-то, надо узнать врага в лицо. В моём случае, это означало необходимость сбора, обработки и анализа информации со всех подконтрольных заводов и учреждений. Включая сюда как выписки из ведущихся местными чекистами дел, так и другие источники, включая рекламации организаций-эксплуататоров двигателей. Большое, как известно, видится издалека, поэтому таким способом можно выявить закономерности, которых не видно на каждом отдельно взятом предприятии. Если повеет чем-то интересным, то для дополнения и уточнения данных, потребуется вербовка агентов или внедрение своих людей в ключевых точках. Вот тут-то, здраво рассуждая, оперативники из пролетарской среды, с опытом общения с инженерами спецКБ, вооружённые дополнительными техническими знаниями, приходятся как нельзя лучше ко двору. Во всяком случае, предпочтительнее вчерашних студентов. На том и будем стоять.

Таким образом, оперативное отделение, фактически – оперативно-аналитическое, в силу изначально ожидаемого большого объёма проходящей информации, спланируем самым многочисленным. Бойцов двадцать, всех кого можно, и Сотникова во главе. Всё равно будут работать под моим присмотром. В смысле не за работой я буду присматривать, а за людьми. Как говорится, ищем таланты. А вот следствие отдадим Косову. И бойцов пять ему в придачу. Пока длится оргпериод, можно затребовать любое, хоть первое попавшееся дело в центр для практики. Моему заму молодость вспомнить и молодых поднатаскать. А остатки «взвода академиков» в техотделение, обеспечивать и координировать работу спецКБ. И пойдут сюда самые-самые головастые, отличники точных наук. Чтоб не мотало их по всей стране и учиться дальше могли без препятствий. В итоге, начеркав едва три-четыре строки, я убедился, что

дельных мыслей, в общем то, больше и нет. Мне б, дураку, не мучить память, вспоминая, какие моторы у нас «пошли», а какие «не пошли», какие «были бы желательны» в эталонной истории и не строить планы ускорить-протолкнуть-зарубить, а с умными людьми о вещах более актуальных посоветоваться. Так нет, вообразил себя уже серым кардиналом. А на проверку выходит, что кардиналить-то и нечем.

– Разрешите? – не дожидаясь ответа младлей Сотников распахнул дверь пошире и, не обращая на меня более никакого внимания, пропустил в кабинет девушку, взглянув на которую, я, признаюсь, расслабил челюсть и едва не пустил слюну. Тем более, что с женой, ввиду её загруженности учёбой, последнее время было как-то нечасто, во-первых, и без огонька, во-вторых. – Проходите, Даша, знакомьтесь, это наш начальник отдела капитан Любимов, кавалер ордена Ленина, всесоюзно известный инженер-конструктор и вообще, человек всяческих положительных качеств, которому категорически требуется твоя срочная помощь. Выручай!

– Очень приятно, – скромно произнесла одетая в строгое синее гражданское платье обладательница потрясающе гармоничной фигуры и волос цвета белого золота, собранных в пучок высоко на затылке, стеснительно опустив голубые глаза. Пока я, молча, ибо на язык пытались выскочить почему-то сплошные глупости, смотрел, как Даша идёт, нет, шествует вслед за приглашающим жестом младлея к свободному столу, в кабинет, пыхтя от натуги, ввалился Иевлев с тяжелой печатной машинкой на руках, разрушив своим потным видом всё очарование. И, слава Богу. Теперь, глядя на окружающих меня людей, я подметил объединяющую всех, да и меня, скорее всего, судя по горящим ушам, тоже, особенность и в шутку обыграл её, обобщив всех одним эпитетом.

– Ну, что, краснокожие, поработаем? – чем загнал девушку и Сотникова в ещё большую краску, а Иевлев, даже обиделся, пробурчав под нос, что ему ни разу не до глупостей, за что был отведён в сторонку и озадачен походом в магазин. Сам признался, что созерцание прекрасного его не интересует.

Как ни странно, эмоциональная встряска не только не отвлекла меня от работы, наоборот, добавила энергии и позитива, благодаря чему, мы, совместными усилиями, с шутками-прибаутками, составили документ в двух экземплярах, которые я тут же и подписал. Тут же и Федосеенко, совершенно вымотавшийся меньше чем за час, привёз характеристики. К сожалению, времени распределять кандидатов уже не было. Да и заниматься этим в спешке – дурной тон. Всё, что я мог, уже сделал и сейчас оставалось только одно – идти отстаивать свою позицию.

Первое совещание «промышленного» управления началось с лекции Кобулова на тему общего состояния отечественной промышленности в разрезе чекистской работы на текущий период.

– Как вы знаете, товарищи, индустриализация, проводимая под чутким руководством партии большевиков и товарища Сталина лично, двинула советскую промышленность вперёд семимильными шагами и нам, работникам наркомата внутренних дел, чрезвычайно важно не отставать. Ведь что означает наше отставание? Это значит, что враги советской власти смогут нанести вред отечественной промышленности. Конечно, это индустриализацию остановить всё равно не сможет, но темпы роста могут упасть. Таким образом, получается, что мы тянем назад. Этого допускать ни в коей мере нельзя, – здесь майор многозначительно помолчал, обведя всех присутствующих глазами, убеждаясь в том, что слушатели прониклись серьёзностью момента. – В настоящее время, благодаря мудрому курсу партии на сплошное внедрение «параллельной» системы, нашим врагам стало трудно вредить непосредственно. Благодаря тому, что сами рабочие коллективы кровно заинтересованы в результате и эффективности работы, резко пошли на спад случаи умышленной порчи станков, умышленного брака, особенно, заведомо негодных инженерных проектов. Оно и понятно, в этом случае, либо вредители расплачиваются за содеянное из собственного кармана, либо рабочие сами находят врагов и своевременно сигнализируют в органы. Такое положение привело к тому, что некоторые

наши товарищи расслабились, решив, что контрреволюция побеждена, другие, что ещё хуже, от безделья стали искать врагов там, где их нет. Сейчас мы разбираемся, товарищи ли они нам вообще, или это такая новая форма вражеской работы – обвинить честного человека и дискредитировать органы. Уже не раз были случаи, когда трудовые коллективы отстаивали таких мнимых «врагов», доказывая их невиновность. Надо ли говорить, какой вред наносят авторитету органов внутренних дел такие случаи? Имейте в виду, и старший майор ГБ Меркулов, и комиссар ГБ первого ранга товарищ Берия, и сам товарищ Сталин требуют от нас не количества разоблаченных врагов, а порядка на вверенном нам участке работы. Все случаи превышения полномочий будут жёстко пресекаться. Историю Фриновского никому напоминать не надо?

Кобулов опять поиграл с нами в гляделки, а, между тем, история вышла некрасивая. Бывший замнаркома НКВД попался на пытках и выбивании показаний в ходе расследования «армейских» дел. Но, от высокопоставленных военных ниточки потянулись в промышленность и тут нашла коса на камень. Хороший, оборотистый директор завода или грамотный главный инженер, да вообще любой «капитан» промышленности, по нынешним временам – великая ценность. Текучка в этом слое страшная и, чтобы усидеть на месте, надо справляться с делами, минимум, на «хорошо». Соответственно, терять такие кадры непонятно из-за чего, трудовые коллективы не захотели. В общем, когда арестованных было директоров выпустили, они первым делом начали писать жалобы в вышестоящие партийные органы и газеты, хай поднялся до небес. В итоге арестовали уже самого замнаркома и всех кто, как говорится, с ним «засветился».

– Вижу, что вы понимаете меня правильно, товарищи. Вернёмся к главному. Хоть и кажется, что контрреволюционная деятельность в промышленности пошла на спад, это всего лишь иллюзия. Враг никуда не делся. Он существует. Пусть он сейчас обескуражен, но он ищет новые формы борьбы. Убедившись, что мы научились бороться с примитивным вредительством и отличать его от обычной глупости и криворукости, он пытается действовать на более высоком уровне. В последние случаи участились попытки разложения трудовых коллективов. Это может выливаться в сопротивление проводимой партией политики сплошной «параллельной системы». Такие случаи особенно характерны для молодых коллективов вновь построенных заводов с неотработанным, неустоявшимся производством. Обращаю особое внимание на нежелание некоторых заводов, занимающих исключительное положение монопольных производителей какого-либо вида продукции, переходить на выпуск новых образцов, вместо уже не нужных, устаревших. Под видом нежелания рабочих терпеть убытки в ходе освоения новых изделий советское правительство фактически шантажируется. Либо довольствуетесь старьём, расходуя народные средства на утиль, либо строите, минимум, ещё один завод в качестве соперника-противовеса, опять-таки разбазаривая ресурсы на излишек мощностей. В этих случаях организованной контрреволюционной работы доказать не удалось, но это совсем не значит, что её нет. Просто недостаточно упорно ищем. Надо либо найти, либо полностью исключить. В первом случае, сам факт разоблачения хоть одной такой организации даст нам могучий аргумент в борьбе за умы работников трудовых коллективов, сведя вражескую работу на этом направлении на нет. Не исключены и иные формы вредительства, с которыми мы ещё не сталкивались, в том числе и в вышестоящих эшелонах – планирующих и управляющих органах. Теперь перейдём к конкретике.

Далее началась раздача ЦУ. Кобулов по отделам, перечислил кому, куда и какие дела с ведущие их следственные группы передаются, обратил внимание на важные направления, где следует развернуть или усилить оперативную работу, поставил или подтвердил задачи входящим в техотделения шарагам, оставив мой «моторный» на закуску. Несомненно, майор сделал это именно потому, что заведомо знал о моих инициативах.

– Капитан государственной безопасности Любимов, в вашем секторе на текущий момент наши товарищи из местных подразделений справляются хорошо. Поэтому, никаких расследо-

ваний в ближайшее время вам вести не придётся, но будьте готовы при нужде дать техническую консультацию. В особо сложном случае, если дело будет требовать большого объёма специфических знаний, тогда заберёте его в центр, а мы выделим вам резервную следственную группу. Будем надеяться, что таких несчастий с нами не случится, – двусмысленно пошутил Кобулов. – Вашей главной заботой должна стать организация эффективной работы всех трёх ваших спецКБ. Кадров для укомплектования техотделения вам выделили, конечно, в обрез, но зато опытных именно в таком деле. В КБ, которое занимается сердечниками для пуль, дела идут хорошо. А вот то, у которого шестерёнки, что-то никак не справляется с заданием. Обратите на него особое внимание. Никакой работы спустя рукава, а тем более, саботажа! О вашем «родном», дизельном КБ, вы лучше меня знаете. Найдите возможность ускориться и уплотниться. От наркомата ВМФ поступил заказ на прежний адрес, нужен особый двигатель для речных катеров и мониторов. Его надо дать в минимально возможные сроки, так как он задерживает проектирование и строительство уже запланированных кораблей.

– У меня складывается впечатление, товарищ майор государственной безопасности, что вы мне не доверяете.

– Напротив! – даже встрепенулся Кобулов. – Мы вам, товарищ капитан, очень, очень доверяем! Мы вам доверяем именно то, в чём вы очень хорошо разбираетесь. Но, к сожалению, в следственной и оперативной работе вашего опыта недостаточно. Вам надо сначала осмотреться, поучиться, а не бежать впереди паровоза. К счастью, сейчас мы можем дать вам такую возможность.

– Как учиться, ничего не делая? Вы что, лекции мне читать будете? К тому же, у меня в поле зрения есть отличный сотрудник с богатым опытом следствия. Это старший лейтенант Косов. Считаю, что он достоин должности начальника отделения. Кроме того, у меня есть целый взвод бойцов, желающих остаться в органах, которых готовлю я лично. Ими можно укомплектовать отдел уже сейчас, приступив к полноценной работе по всем направлениям. В крайнем случае, вы, как было сказано, всегда можете помочь резервной группой.

– Как вы не понимаете, что мы как раз стремимся уйти от зачисления в органы НКВД всех подряд. Подождите лета. Тогда пополним ваш отдел за счёт комсомольского актива выпускников технических вузов, – предпочтя не заметить Косова, повторил Кобулов слова наркома во время вступительной речи.

– Мои бойцы – не «кто попало»! На любом этапе нашей работы они будут находиться в естественной, привычной для них среде. Они могут поддержать разговор и знают подход и к рабочим, и к руководству заводов, и к инженерному составу. А в моторах они, наблюдая за их созданием, подозреваю, разберутся получше студентов-выпускников не имеющих ещё практики. И, повторяю, их можно привлечь немедленно! Вот, я и план работы и укомплектования составил.

– Мне нравится ваша хватка, товарищ Любимов! – похвалил меня хитрый армянин. – Давайте сюда ваш план. Я его рассмотрю, представлю начальнику главка и, если он не будет возражать, согласую с основным планом формирования управления. Всё, товарищи, все свободны, приступайте к работе.

В кабинете раздался звукдвигающихся стульев и даже если бы я что-то хотел сказать, меня бы попросту не услышали. Или сделали вид, что не слышат. Глядя на происходящее, я пришёл к выводу, что меня просто-напросто задвигают. Назначили, несмотря на нежелание прямых руководителей, начальником отдела? Можно попрыгать от радости. Но по факту ничего не изменилось! Как ковырялся в своих любимых железках, так и буду ковыряться. А для гарантии, чтоб мыслей дурных не возникало, нагрузки добавили.

В принципе, если засунуть амбиции подальше, то жить можно и так. До первого крупного ЧП в подконтрольном секторе, после которого крайним, как пить дать, сделают именно меня.

Последствия могут быть самыми плачевными, по минимум – разжалуют обратно в начальники КБ и вся эта история с моим назначением обернётся пшиком.

Эпизод 4.

Время идёт, дело стоит. Две недели прошло с тех пор, как я подал Кобулову свою записку, но воз и ныне там. Большие совещания в управлении проходят еженедельно, в прочих случаях начальник приглашает только тех, кого непосредственно дело касается. Так вот, меня ни разу не пригласил. Он вообще будто делает вид, что меня и моего отдела не существует. Каждые семь дней, когда от моего присутствия не отвертеться, задаю вопрос насчёт укомплектования отдела. Ответ один и тот же – рассматривается наверху, ждите. Обращаться напрямую к начальнику главка субординация не позволяет, а разрешения спрашивать бесполезно.

Не то чтобы я совсем ничего не делал. Попробовал попросить совета у Кожанова, заглянув вечером к нему домой. В конце концов, это он меня в это дело втравил, с дядюшкой на пару. Заодно и от последнего «заказа» попытался отбояриться. Получилось не очень удачно. Чуть не разругался с наркомом ВМФ на почве речных мониторов в пух и прах. А началось всё именно с движков, которые ему хотелось иметь плоскими, чтобы даже в машинном отделении самого мелкосидящего корабля располагались ниже ватерлинии.

В отношении бронекатеров это понять можно, но ведь воевали в «эталонной» истории БКА с ГАМ-34! И совсем неплохо! Терять время на работу, без которой можно обойтись, не хотелось. А уж когда мне Кожанов сказал про мониторы, то я высказал крамольную мысль, что они не стоят тратившихся на них денег. Нужны обычные плавбатарей с возможно более мощными или дальнобойными пушками!

– Товарищ главнокомандующий флагман, – с подначкой, но фактически верно, не придерёшься, начал я высказывать свою точку зрения, – вы, как моряк, представляете себе броненосец в узком проливе с мелями и минами, берега которого утыканы вражескими батареями? Это же кошмар любого адмирала! Вспомните Дарданеллы! Почему для реки, когда ситуация совпадает в точности, критерии другие? А стада танков с пушечным вооружением по берегам? Ваши мониторы получают всего лишь огромной, маломаневренной и легкоуязвимой мишенью. Они обречены погибнуть, не нанеся противнику вреда, потому, что умный враг не даст себя обнаружить и будет бить из-за укрытия или вызовет авиацию. Единственный способ для крупных речных боевых кораблей выжить – это держаться подальше от линии фронта. Река – это вам не море, где с корабля никуда не денешься. Надо решительно отказаться от стереотипа и руководить боем с берега. Корректировать огонь должны группы морской пехоты, оснащённой самыми совершенными приборами артиллерийской разведки и наводки, на бронированной вездеходной амфибийной технике, способной действовать вдоль рек, в том числе и в заболоченной местности. Вот куда надо средства вкладывать, а не в бесполезные утюги вроде «Ударного»! Я это к тому, что плавбатареям ни броня, ни плоские дизеля не нужны. Они вообще самоходные могут быть!

– Складно говоришь, – качнул головой Кожанов, – вот только на КВЖД получилось как раз наоборот. Наши «мишени», как ты их называешь, раскатали всё в пух и прах в пределах видимости. Это настоящий факт, товарищ Любимов, а не теории какие-нибудь. Против него не попрёшь.

– Ёрш вашу медь! А Вещий Олег свои ладьи на катки поставил и ходил «посухо аки по морю». Согласно летописям это тоже настоящий факт! Какие же мы из этого, в разрезе советских речных флотилий, должны выводы сделать?

– Ну, ты и сравнил, Семён, – нарком ВМФ был уязвлён в лучших чувствах. – Это когда было то? А бои за КВЖД – шесть лет назад всего. Для корабля это вообще не возраст.

– А ничего, что против китайцев воевали, которых до сих пор только ленивый не бил? А ничего, что шесть лет назад танки были МС-1 в лучшем случае, а сейчас Т-26М? А какие танки ещё через шесть лет будут? А тягачи? ЗИЛ-6 корпусную пушку тянет только в путь, главное, чтоб гусматики не горели! А пикировщики у китайцев были? А?!

– Чего разошёлся то? – рассмеялся Иван Кузьмич, – За битых китайцев отомстить решил?

– Бесплезную, лишнюю работу делать не хочу! Будто у меня забот других нет! А ты заставляешь!

– Хошь расшибись, но вынь да положь, – добродушно, но непреклонно отрезал нарком. – Планы утверждены и подписаны. Или ты опять работу, минимум, двух наркоматов прахом пустить хочешь?

– Хорошо, зайдём с другой стороны, – тут я набрал в грудь побольше воздуха и, отбросив всякое человеколюбие, спросил. – Какие самые мощные орудия сейчас выпускаются для флота? Нет, если военно-морская тайна, Иван Кузьмич, так ты не говори. По лицу твоему и так всё видно.

Действительно, красный флагман выглядел сейчас так, будто над ним морально надругалась сразу вся мировая буржуазия. Я, признаться, внутренне готовился, но такого эффекта не ожидал. Впрочем, понять Кожанова было можно – под его нужды переориентировали почти все ленинградские артиллерийские производства, а выпускать-то в серии, по большому счёту, и нечего!

– Если гадость хотел сделать, так у тебя получилось, – пробурчал нарком. – Только к чему это?

– Иван Кузьмич, сам давеча проболтался про пушки, не взыщи, – развёл я руками. – Поэтому и спрашиваю, насколько загружены мощности и не прилетит ли тебе по шапке за это. Как видишь, о тебе же беспокоюсь.

– Нормально загружены, – буркнул флагман. – «Большевик» Б-1 гонит да царское наследство модернизирует, а «Путиловец» полковушки, КПТ (Краснопутиловская танковая, КТ-28) и 15/28.

– Короче, либо сырое, либо старое и на флот непригодное.

– Нет, ты скажи, что делать, раз такой умный! Много вас таких! Вот на «Большевике» с 30-го года Б-13 и Б-14 мучили, а результат? Первая неуниверсальная, живучесть ничтожная, клиновой затвор не работает, пневматический досылатель тако же, разве что полегче за счёт 45-калиберного ствола чем старая Б-7 (ттз на Б-13 февраля 1932г). А у второй даже противооткатные устройства нормально не работают. Ничего, самые умные теперь в «Крестах» свой талант покажут, дай срок. Сейчас просто момент такой, на «Большевике» умников бестолковых проредили и разработку больше чем одной пушки они не потянут теперь. Приказал им поэтапно модернизировать Б-7 заделом по Б-13 и далее до универсалки, раз сразу сделать не могут. Знаешь, помогло! На днях представили уже Б-7 с гильзовым заряданием, поршневым затвором, пружинным досылателем вместо пневматического, смещённой назад по люльке линией цапф и уравнивающим механизмом. 45 градусов угол возвышения. Если на испытаниях отстреляются нормально, пойдёт в серию как Б-7М1. Хотя бы для береговых батарей. А эсминцы «сотками» придётся пока вооружать. Отдал эту тему с заделом по Б-14 на «Красный Путиловец». Они опыт в таких делах кое-какой имеют. Л-5 с затвором по типу Лендера и не связанным с ним пружинным досылателем уже стреляет, капризов терпимо, отладят. Неуниверсальная Л-4 для лодок тому порукой, до угла 45 градусов отстрелялась без замечаний. Правда, досылателя на ней не стоит. Теперь очередь за Л-6 в спаренной палубной установке с двумя стволами в одной люльке, там некоторые детали «зеркальные». Если всё нормально пойдёт, то Л-6 вместо «стотридцаток» установим на корабли седьмого проекта. Тришкин кафтан лагаем, но деваться некуда. Хоть «на бумаге» замена равноценная – общий вес залпа примерно такой же получится, а установки даже легче Б-7 и боезапас числом больше.

– Откровенно говоря, думал, что всё гораздо хуже. Но, выходит, на данный момент готовые к серии или уже выпускающиеся пушки от ста и выше по воздуху работать не могут и на корабли по этой причине не годятся?

– На подлодки и береговые батареи пойдут, – возразил, так, что фактически ответил утвердительно, Кожанов.

– То есть туда, где артиллерия крайне малоэффективна, – подвёл я жирную чёрную черту под словами наркома.

– Почему это?! – прямо таки взвился флагман флота, – Одна пушка на берегу стоит трёх-четырёх на кораблях! А на лодках экономится торпедный боезапас для важных целей за счёт уничтожения корыт попроще из пушки.

– Смотри сюда. Война длится некоторый нефиксированный промежуток времени равный для обоих противников. Победа достанется тому, кто, среди прочего, вывалит за это время на врага больше снарядов. В таком разрезе, надо стремиться к тому, чтобы в каждый момент времени по врагу работало максимальное количество стволов, идеально – все. А любая бездействующая пушка – фактически дезертир. Если она не стреляет по врагу – она бесполезна и даже вредна, так как требует иметь при ней боекомплект, который могли бы выстрелить другие орудия и расчёт, который тоже мог бы не просто жрать, а приносить пользу, – тут я перевёл дух и задал вопрос. – Ну, и как после этого относиться к береговым батареям, которые не в силах хоть на миллиметр приблизиться к врагу, чтоб достать его снарядом? Получается, мы ставим свою победу в зависимость от воли или глупости врага. Даст он нам шанс пострелять по нему или нет. Или, в случае с лодками, артиллерия которых, годная только безоружные транспорты расстреливать, сразу станет бесполезным грузом при введении противником системы конвоев.

– Береговые пушки и подвижными можно сделать. Вон, наши тяжёлые транспортёры. Хочешь на Балтику, хочешь на Дальний восток при нужде перебросить за месяц можно.

– Да уж. Тяжеленные четырнадцатидюймовки можно, а «сотки», «стотридцатки» и «сто-восьмидесятки» нет. Странно правда?

Кожанов встал, прошёлся, взъерошил волосы, сел, навалившись грудью на стол и коротко бросил.

– Говори!

– Вот смотри. Это понтон-книжка, – я нарисовал карандашом на листе бумаги звено парка ПМП. – Перевозится, скажем, 9-тонным ЯГ-10В. Грузоподъёмность – двадцать тонн. Состыковываем пару-тройку, или сколько там понадобится, таких понтонов, монтируем на палубе сборную раму-паука, на которую устанавливаем 100-, 130-, или 180-ти миллиметровую пушку с круговым обстрелом. Тут же размещаем боезапас, средства связи и управления, вспомогательную силовую установку, если используем привод, а не работаем вручную, ставим брустеры из мешков с землёй для защиты и втыкаем в мешки зелёные ветки. После этого пришвартовываем 4—6 таких понтонов к речному берегу и тяжёлая дальнобойная батарея к стрельбе готова. Засекли расположение – мотор-вёсла в воду и перешли в другое место. Подходит враг – разобрали всё, погрузили на грузовики и уехали на другую реку воевать. Эти же пушки на этих же разборных основаниях и на береговых батареях монтируются. Флот не воюет – разобрали и уехали на действующий. Не надо вмуровывать пушки в бетон! Лучшее средство защиты – стрельба с закрытых позиций. И никаких вам утыгов-мониторов. Потому, что на «Ударном», если мне память не изменяет, только два орудия ГК. А «Большевик» и «Красный Путиловец» загрузить надо, иначе заберёт Ворошилов обратно за простой. Вот такая моя теория. Специальных дизелей она не предусматривает. А для катеров, если плоский охота, рекомендую танковый мотор от Т-35, выпуска завода имени Ворошилова. 1200 лошадиных сил при высоте от дна картера до верхней точки около восьмидесяти сантиметров. Полмотора уж точно ниже ватерлинии будет. Или ты, Иван Кузьмич, боишься маршала задеть, на его моторы лапу наложив? Это полбеда. Вот если ты из «стовосьмидесяток» с понтонов стрелять

начнёшь, то сам Бог велел у наркомата обороны 12-ти дюймовые гаубицы пятнадцатого года образца отобрать. На реке при перебазировании котлованов рыть не нужно, знай, плыви куда требуется.

– Плавает, сам знаешь что... – думая о своём, по привычке брякнул Кожанов.

– Так я о нём и говорю. Но маршалу всё равно неприятно будет, если твои покажут эффективное применение таких калибров в маневренной войне.

– Подумаю, но ничего не обещаю, – подвёл итог нашему спору флагман. – Ты только за этим пришёл?

– Вообще-то, нет. Понимаешь, какое дело, меня затирают. Причём чуть ли не в открытую, – тут я поведал Ивану Кузьмичу свои горести связанные с должностью начальника моторного отдела, но тот отнёсся к новостям легкомысленно.

– Переживаешь, что работать не дают? Наоборот, радоваться должен! Ты бумагу написал, теперь ход за ними и пока решения не будет, ты ни за что ответственности не несёшь. Только с инициативами ты явно погорячился. Надо было просто зафиксировать в письменном виде состояние вещей, а как решать – сами пусть думают.

– Да придумали уже. Ждать до июля, – тяжело вздохнул я в ответ.

– А у тебя, что, свербит? А дай ход они твоему плану? Кто за всё отвечать будет в случае чего? Ты! Так что сиди и не дёргайся, хватит на твой век ещё приключений, будь уверен.

– Не сможешь, стало быть?

– Чем? – в недоумении Кожанов даже развёл руками.

– Да хоть советом.

– Жди. Вот тебе мой совет. Они на тебя, считай, давят сейчас в открытую. Посмотрим, у кого нервы крепче, хоть ты и уже проигрываешь «по очкам», ко мне прибежал, суетиться начал. Не к лицу. Давай-ка ты орден на грудь, палаш свой на пояс и выше нос! Шпоры можешь не одевать.

С этими словами нарком ВМФ выпроводил меня восвояси, время было уже позднее. Не знаю, что он там насчёт вброшенных мной идей организации речных флотилий решил, но задачу на двигатели с меня не снял. Только сдвинул сроки, аж на конец пятилетки. Как говорится, и на том спасибо.

Эпизод 5.

Не дают навести шороху по всей отрасли? Может оно и к лучшему. Принимая дела, я навестил подчинённые мне два станкостроительных спецКБ. Фактически это были две самостоятельных части одной организации, размещавшейся в областной тюрьме на Таганке, поближе к промышленному югу города и как раз на полпути между Лубянской и Нагатинским лагерем. Уже пять с лишним лет здесь живу, а на Малых Каменщиках бывать не доводилось, поэтому, впервые попав в эти корпуса красного кирпича, я испытал давно забытое чувство. Чувство прикосновения к утраченному прошлому. Именно к утраченному, как в прошлой жизни, ведь «настоящее прошлое» нынче стало суровой действительностью, ничего общего с уже один раз написанной историей не имеющей. Казалось, будто попал в какой-то музей.

СпецКБ занимали две камеры в самом конце коридора одного из корпусов. Условия спартанские и от жизни обычных хат уголовников отличались в лучшую сторону лишь меньшим количеством квартирантов. Всего, судя по пустым по случаю рабочего времени койкам, обитало здесь двадцать восемь человек, причём в первом жилом помещении, которое занимала группа продольно-винтовой прокатки, жило только семеро, остальные числились в группе арочных шестерён.

Рабочий день у зеков-инженеров начинался в восемь утра. Сразу после завтрака их выводили в помещения бывшей слесарной мастерской, которую разделили на сектора, исключая

щее взаимное общение групп. Обедали там же, с часу до двух, после чего продолжали трудиться до семи часов, когда всех возвращали в камеры и кормили ужином. А на следующий день в шесть утра вновь подъём и так без просвета до окончания срока заключения. Без поощрений, выходных и даже прогулок. Зато карцер заработать было легче лёгкого, потому, что начальником обоих спецКБ, по совместительству, числился комендант тюрьмы, который, недвольный темпами выполнения задач, таким методом стимулировал энтузиазм проектировщиков. Неудивительно, что дела и там и там шли, откровенно говоря, из рук вон плохо.

В КБ станков продольно-поперечной прокатки сам станок для изготовления сердечников 7,62-миллиметровых пуль, не представлявший абсолютно ничего сложного и включающий в себя уже выпускающиеся отечественной промышленностью комплектующие, «нарисовали» очень быстро. Уже взялись за большие калибры, составив план до 45-миллиметровых бронбойных включительно. Но, только на бумаге. Как изготовить из твёрдой стали сам формообразующий валец с выемками переменной глубины, важнейшую часть станка, никто ответить не мог. И, кажется, не хотел. Ибо задание было выдано исключительно на проектирование, а как на заводе будут воплощать в металле, никого не волновало.

Ещё меньше надежды у меня было на то, что двинется вперёд дело с арочными эвольвентными шестернями, но ошибся. Когда я оформлял заявку на изобретение, иных способов получить желаемое, кроме как использовать станки ЧПУ я и представить себе не мог. Поэтому, уже «взведённый» в первом КБ, знакомясь с коллективом, первым делом справился о количестве математиков, которые смогут изобрести и построить некий вычислительный механизм, который будет управлять станком. Моё заявление, которое слышал весь состав КБ шестерён, вызвало ступор. Люди растерянно переглядывались, но никто ничего не отвечал.

– Математики, выйти вперёд! – коряво скомандовал я, рассудив, что к неорганизованно стоящей группе следует обращаться именно так. Никакого движения.

– Что, нет среди вас математиков? Электромеханики? Или кто там, чёрт возьми, способен сваять разэтакий управляющий программируемый арифмометр?

– А зачем? – робея, но честно принимая удар на себя, спросил ЗК Перегудов, которого мой сопровождающий представил как старшего инженера группы.

– Я же сказал! Для точного управления станком с четырьмя степенями свободы, на что человек не способен! Или как вы собираетесь арочные зубья нарезать? – даже где-то с издёвкой, свысока спросил я у сжавшегося в ожидании начальственных громов и молний заключённого.

– Позвольте, я вам кое-что покажу, – вдруг как-то сразу воспрянув, ответил Перегудов, – подойдите сюда. Попробуйте обвести по контуру эту фигуру.

Встав у кульмана, и взглянув на закреплённый поверх ватмана, видимо магнитом с обратной стороны, сектор шестерни, вырезанный из тонкого стального листа, рядом с которым уже стоял наготове карандаш, вставленный в систему взаимно пересекающихся тяг, связанный ею с таким же карандашом на другом конце, я догадался.

– Получится этот же сектор? Я его скопирую? – спросил я не сомневаясь в утвердительном ответе.

– Точно так, – не разочаровал меня Перегудов. – Мы создадим металлическую модель готового изделия, с некоторыми припусками, обеспечивающими плавный ввод инструмента, заполним её до формы первоначальной заготовки пластилином и выточим его первичной режущей частью станка. Что бы фрезеровщик ни делал, фальшрезцы по пластилину, ни при каких обстоятельствах не смогут войти в стальную модель. Более того, чтобы начисто удалить заполнение, модель может, по необходимости, не быть закреплённой жёстко, а проворачиваться, либо перемещаться иным образом под воздействием первичного инструмента, к которому такое же правило взаимно применяется. Например, фрезеровщик подаёт головку к детали, а та, не в силах в неё углубиться напрямую, выбирает мягкие участки, либо смещаясь сама, либо смещая заготовку. Это первичная часть будущего фрезерного станка-полуавтомата. Она

жёстко, при необходимости через бустеры-усилители, связана с вторичной частью, где всё уже без детских игрушек. Настоящая заготовка и настоящая фреза, совершающие точно такие же действия, как и первичные. В результате, фрезеровщик по пластилину, имеющий, однако понятие, что на самом деле он работает по стали либо иному металлу и не нарушающий режимов резания, выточит точную копию изначально заданной модели. По этому же принципу, разумно создать иные, например, токарные станки для тиражирования с высокой точностью каких-либо ответственных деталей. Управлять ими, в принципе, может даже выпускник фабзавуча.

После всего услышанного, я стал смотреть на мир широко раскрытыми глазами. Хотелось петь и смеяться. В общем, самообладание от внезапно свалившегося счастья, я потерял. Вот что значит стереотип! А ведь именно из-за него я с самого начала видел только один, долгий и затратный, путь решения проблемы. А люди, не отягощённые багажом готовых решений, нашли иной! Впрочем, смотря глубже, это одно и то же решение. Просто в первом случае модель используется цифровая, а во втором самая натуральная металлически-пластилиновая. Но самое важное в том, что Перегудов упомянул в самом конце. Можно тиражировать с высокой точностью детали любой, самой сложной формы. Игрушечный резец по пластилину никогда не вгрызётся в стальную модель. Даже если станок будет саму человеческую руку копировать и художник, рисуя по вошёной доске, параллельно твердосплавным резцом будет создавать гравюру по стали. Так то. Пожалуй, Шпагин теперь просто «обязан жениться» на этом спецКБ, с его-то затворной рамой СВШ.

Вдохновлённый произведённым впечатлением, Перегудов стал разворачивать свои мысли дальше, предполагая связывать в обрабатывающие комплексы один задающий и несколько исполнительных механизмов, чтобы обрабатывать одновременно две и более заготовки. Либо разместить исполнительные механизмы по окружности заготовки, обрабатывая одновременно два и более зуба будущей шестерни. Однако, когда дошли до реально проделанной работы, всё оказалось далеко не так радужно. Перегудов отчитался, что найдены оптимальные пропорции зуба арочной эвольвентной передачи и спецКБ находится на этапе создания пробной модели для проверки теории практикой. Таким образом, все токарные, фрезерные комплексы сейчас не более чем эскизы, в лучшем случае, чертежи.

– Интересно, а как же вы собрались первоначальную модель создавать без станка?

– Точно так же, гражданин начальник, как великий грек вывел формулу длины окружности, разделив её на бесчисленное количество прямолинейных участков, – «умывать» меня, похоже, входит у Перегудова в привычку. – Делим модель на множество с минимальной толщиной и в каждом сечении работаем как с двумерной деталью, после чего собираем в пакет. Это требует известного времени.

Что ж, на эту работу мне времени не жаль. Если всё получится, производительность, даже при использовании малоквалифицированной рабочей силы, от которой, по большому счёту, требуется только аккуратность, будет бешеная. В свете предстоящей войны, женщин и детей, работающих с подставок, по двенадцать часов в смену, впроголодь, это очень, очень важно! Про чисто технический эффект от более лёгких, компактных, малозумных зубчатых передач я уж не говорю. Но ведь тут не только шестерёнки! Скажем, самая массовая продукция войны – боеприпасы. О тружениках тыла, перевыполняющих план по снарядам в 3—5 и более раз, в те тяжёлые годы писали центральные газеты, их награждали орденами и почётными званиями, не говоря уж о деньгах. А тут каждый работник вместо одной заготовки будет обрабатывать 2—3, а может и пять. Каждый! Значит, наша армия сможет обрушить на головы врага во столько же раз больше металла и взрывчатки, нанося ему потери и сокращая свой путь к победе.

Цыганка с картами, дорога дальняя.

Дорога дальняя, казённый дом.

Быть может старая, тюрьма центральная

Меня, парнишечку, по новой ждёт.

Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Топая в состоянии лёгкой эйфории коридорами тюрьмы по направлению к её коменданту, я неосознанно мурлыкал себе под нос саму собой вспомнившуюся песню. Но, обернувшись на сопровождающего при проходе через очередную отсечную решётку и заметив его взгляд, показавшийся мне излишне задумчивым, осёкся и даже, сам от себя такого не ожидал, смутился и пару раз кашлянул, пытаясь это скрыть. Хотя... Чего мне, бывшему колчаковскому контрразведчику, бояться? Тьфу, как говорится, на всё. Я таких песен могу напеть, что у того, кто будет пытаться анализировать, мозг взорвётся.

Комендант Таганки не разделил моей озабоченности условиями содержания спецконтингента, заявив, что тюрьма переполнена и моих неплохо вообще было бы переселить в одну камеру. Что ж, идея объединить два этих КБ вполне себе дельная. По крайней мере, по методу Перегудова можно изготовить вальцы для прокатки сердечников пуль. Но для этого сперва следует сваять токарный полуавтомат. Вот пусть и помогут друг другу. И, пожалуй, попрошу Кобулова дать разрешение переселить всю эту компанию в Нагатино. Там места хватает, а условия по сравнению с областной тюрьмой – просто курорт. Заодно и под присмотром будут.

Эпизод 6.

Беда прискакала откуда не ждали. Обычно, начиная свой день в Нагатино с «усиленной зарядки» со взводом «академиков», после завтрака я ехал в центр и, если там по прежнему было тихо, возвращался к себе и занимался работой по моторам. Вот по пути с Лубянки, уже почти на подъезде к КПП лагеря, я нагнал старого знакомца – военпреда ЗИЛа Бойко, спешащего на костылях так, что казалось, будто он машет крыльями и пытается взлететь. В ответ на моё приветствие и предложение подвезти бравый капитан матерно меня обругал и в резкой форме поинтересовался, какого, извините, рожна арестовали Гинзбурга.

– Угомонись, во-первых. Откуда я знаю? Я от тебя эту новость впервые услышал! – без ругани, но возмущённый таким к себе обращением, жёстко ответил я вопросом на вопрос.

– Не ври! О твоём назначении в «Заводском листке» писали! А то, что вы с Рожковым вась-вась каждой собаке известно!

– Погоди, так каши не сварим, – поняв, что на дороге с разбегу мы ничего не решим, да и просто не поймём друг друга, остановил я пререкания. – Поехали ко мне, расскажешь за рюмкой чая о ваших приключениях. Посмотрим, чем можно беде помочь.

Ничего не ответив, насупившись, Бойко забрался в «газик» и через две минуты мы уже проезжали через шлюз на остров.

– Ну, давай, сперва ты рассказывай, – проведя капитана в свой кабинет и предложив присесть, начал я беседу.

– Ищи дурака! «Рассказывай!» – Бойко даже состроил гримасу, передразнивая меня. – Знаю я вас! Я ничего не натворил чтобы «рассказывать»! Ты давай рассказывай, я тебе вопрос первому задал.

– Твоё настроение мне не нравится, но коли ты так хочешь, могу и я начать, – выразил я своё согласие. – Сегодня я встретил хорошего человека с которым раньше мы, вроде, неплохо ладили. Он меня обматерил непонятно за что. Больше мне добавить нечего. Ну, и как тебе

такая моя история? Что молчишь? Узнал, чего хотел? Тогда свободен! Я тоже, знаешь ли, в дурь попереть могу!

– Ладно, – перевёл дух военпред, достал папиросу и, не спрашивая разрешения, закурил. – Конфликт у них с Рожковым был из-за моторов. На танк с противоснарядным бронированием. Поначалу, вроде, было всё просто. Как раньше Т-26М на агрегатах ЗИЛ-5 делали, так же и новый танк прорабатывали, но уже с ЯГовским мотором, коробкой и далее по списку. Машина из-за большой высоты выходила тяжёлая. С 45-миллиметровой бронёй вкруговую под двадцать три – двадцать четыре тонны, если не больше. А всё из-за кардана в боевом отделении. Вот я и придумал сдвинуть его влево до упора, под места наводчика и командира. Заряжающему в таком случае неудобно будет, только если башню больше чем на сто градусов в сторону повернуть. Вправо-влево немного по-разному, но, по моему опыту, в бою такое случается нечасто. Да и то, орудие всё равно обслуживать можно. Водителю тоже привычка нужна будет. Коробка ведь от него слева получается и передачи левой рукой втыкать придётся. Однако, англичане, говорят, ездят так и ничего. Всё упёрлось в мотор. Серийный ЯГовский плоский оппозит не подходит, нужен мотор с жёстким блоком вместо отдельных цилиндров. Чтобы шестеренчатую гитару прямо на блоке смонтировать и вывести вал из левого нижнего угла моторного отсека. В общем судили-рядили и сообразили, что дизель вообще надо повернуть вертикально. Он в высоту всего метр десять выходит и МТО не выше боевого получается. Зато, разместив узкий двигатель в левой половине кормы, в правой можем ставить что угодно! Хоть бак, хоть боеукладку, хоть командирскую радиостанцию, хоть всё вместе взятое! И танк при этом низкий получается, лёгкий, около двадцати тонн.

Вошёл боец и принёс поднос с двумя парящими стаканами чая в фигурных подстаканниках, прервав излияния Бойко. Я же, пользуясь передышкой, представил себе описанные машины. С первой было всё просто – это прямой аналог немецкого «панцерфир», но с низким моторным отсеком. Если бортики в корме добавить, не мешающие, однако, обстрелу из башенного вооружения, для танкового десанта удобно получается. Этакий прообраз БМП, вернее БМД. А вот второй... Второй получался коротким, как любой другой танк с передним расположением ведущих колёс. И в то же время низким. Забронированный объём меньше, компоновка рациональнее. Но, при стрельбе строго назад, заряжающий сидит на корточках на кожухе вала, при подрыве мин под левым траком велика опасность повреждения трансмиссии и, самое главное – новый двигатель.

– С техникой мне всё понятно. Дальше то что?

– А дальше... Дальше вони до небес. Гинзбург хочет новый мотор и двигательный отдел общемашиностроительного КБ, в принципе, готов его быстро создать с высокой степенью унификации с серийными моторами, а Рожков не хочет иметь в серии две модели одной и той же мощности. Говорит, что сборочной линии на ещё один мотор попросту нет, а план он срывать не даст. И так и пошло. Мы через наркомат обороны протолкнуть пытаемся, а Рожков через Лихачёва Орджоникидзе жалуется. Всё понятно. Но арестовывать-то зачем?

Всем же понятно, что Гинзбург никакой не вредитель. Не ожидал от Рожкова подлости такой, – с нескрываемой горечью и разочарованием высказался Бойко и, нервно теребя, растегнул ворот, глубоко вдохнув вдруг ставший каким-то вязким воздух.

– Понятно. Кто конкретно арестовывал Гинзбурга? Когда, при каких обстоятельствах?

– Я почём знаю? Он сегодня не вышел на работу. Бросились звонить домой, а жена говорит, что ночью забрали.

– В общем, дело ясное, что дело тёмное. Вот что, дорогой мой капитан Бойко, – я встал, подошёл к танкисту и, слегка наклонившись, положил ему руки на плечи, глядя при этом прямо в глаза. – Душевно тебя прошу не шуметь. Вообще ничего не предпринимай. Не хватало ещё, чтобы ты прицепом пошёл. Я сам попытаюсь узнать, в чём там дело. Уговор?

– Ладно... Коли не шутишь.

Проводив военпреда с дежурной машиной, я стал прикидывать варианты своих дальнейших действий. Как ни крути – это уже явное вторжение именно в мою епархию. Весь сырбор из-за движка, а меня даже не удосужились проинформировать, поручив дело кому-то другому. И никаких «хорошо справляющихся местных товарищей» тут и близко быть не может. Во-первых – завод московский, в этом случае всё сразу передаётся в центр, судя по тому, как Кобулов распределял материалы на первом совещании управления. Во-вторых – даже Бойко знает, что дело вышло на уровень наркоматов. Теперь-то мне есть что конкретно предъявить Кобулову, но торопиться не будем. Надо сперва собрать всю доступную информацию. Причём лично, потому как официально никакого расследования я не веду.

С такими мыслями мне прямая дорога ко второй стороне конфликта – директору ЗИЛа Рожкову. Никогда бы не подумал, что он способен кого-либо оклеветать. Ведь, по сути, Бойко прав полностью – вопрос чисто технический и должен решаться в НКО, НКТП и Госплане, а отнюдь не в НКВД. И Рожков не может этого не понимать. Неужто за то время, что я его не видел, он совесть начисто потерял?

Вот примерно так я рассуждал ещё на входе в кабинет директора, но тот смог меня удивить. На мою просьбу покаяться в грехах и снять с души камень, Рожков заявил, что догадывается, что Гинзбурга забрали из-за спора о моторах, но он к этому никакого отношения не имеет! К нему самому вчера приходили чекисты и под протокол заставили рассказать обо всей суеде. Звание и фамилия старшего, лейтенант ГБ Калюжный, мне ни о чём не говорили. Зато об этом могли знать на Лубянке.

В моторном отделе пять за оперативную работу честно заработал младший лейтенант ГБ Сотников, установив через своего агента, известного как «Даша из машбюро», что товарищ Калюжный числится в автотракторном отделе нашего же управления. Всё, круг замкнулся. Кобулов с чистой совестью отмажется, что завод автомобильный, соответственно и работу поручили автотракторному отделу. Однако рапорт я напишу. Вода камень точит.

– Докладываю, что проведёнными мной оперативными мероприятиями, установлено, что конфликт руководства завода ЗИЛ и руководства бронетанкового КБ того же завода имеет в основе различные мнения по поводу двух разных дизель-моторов, тем не менее, чрезвычайно близких по конструкции. Прошу передать дело в отдел ДВС по следующим основаниям. Первое. Дело требует специфических знаний, которыми именно я обладаю в наибольшей степени. Второе. Работая на заводе ЗИЛ с 1929 года, имею там обширные оперативные возможности, знаю всех фигурантов лично и непосредственно. 29 марта 1935 года. Капитан госбезопасности Любимов, – вслух прочёл спустя пару часов Кобулов и устало поднял на меня глаза.

– Что, товарищ майор госбезопасности, надоел я вам? – проявил я своё участие. – Жить спокойно не даю?

– Хотя я и не должен тебе об этом говорить, Семён Петрович, – не отреагировал на провокацию начальник управления, а наоборот, перешёл на доверительный тон, – но дело там совсем не в моторах. Гинзбург написал на Рожкова, одного из лучших директоров заводов, донос, якобы тот срывает работу. Вот мы и пытаемся сейчас выяснить, как Гинзбург хотел нашими руками сорвать работу целого автозавода. И, в любом случае, ему придётся нести ответственность за ложный донос и клевету.

Из меня будто воздух выпустили. Сдулся в буквальном смысле этого слова.

– Бред какой-то... Не может быть... – пробормотал я растерянно.

– Что, жалеешь дружка своего? – с явным превосходством, но участливо, спросил майор.

– Причём тут личные отношения? Друг, брат, сват какая разница! – вспылал я. – Речь о главном конструкторе танкового КБ! Его арест влияет на обороноспособность СССР напрямую! И как это вы так с ходу поняли, что донос ложный? А вдруг нет? Дайте-ка я угадаю. Рожкова, как вы говорите, коллектив не отдаст? Взяли кого попроще? Я настаиваю, чтобы дело немедленно передали мне для объективного, подчёркиваю, объективного расследования.

– Товарищ капитан государственной безопасности, – вернулся к официальному обращению начальник управления, – почему вы думаете, что вы более объективны, чем работники автотракторного отдела? Которых, заметьте, с Гинзбургом не связывают никакие личные отношения? Вы считаете, что вы один стоите на страже советской власти? Другие чекисты здесь в бирюльки играют по-вашему? Идите и работайте, выполняйте поставленную перед вами задачу. И не лезьте, дайте другим тоже работать.

Кобулов, посылая меня на трудовые подвиги, тем самым дал понять, что ответы на заданные им же вопросы его не интересуют. Поэтому я посчитал возможным задать свой собственный.

– Могу я поговорить с Гинзбургом?

– После того, как революционный суд вынесет приговор.

– Жаль, – сказал я вслух, додумав про себя: «не сработались, товарищ Кобулов». После чего встал и молча покинул кабинет.

Эпизод 7.

Если раньше я как-то ещё надеялся, договориться, подобрать ключики, то теперь противодействие мне со стороны непосредственного начальства стало очевидным. По сути, мне ставили препоны и совали палки в колёса в любом самом малом деле. Перебазировать станкостроителей, кстати, Кобулов тоже отказался, зато дал добро на их «уплотнение» в одну камеру. Словно мне назло! Понятно, что майор не сам по себе действует, а с ведома Меркулова, которому мою записку доложить был просто обязан. Молчание начальника главка – красноречивее любых слов.

Дурацкая ситуация получается. Берия – он не сам по себе. У него команда. И именно она, в совокупности мне и нужна для душевного равновесия, как гарантия сохранения внутривнутриполитической стабильности перед и в ходе грядущей войны. В то же время, нельзя игнорировать очевидный факт, что эта самая «бериевская команда» устроила против меня борьбу, невозможно. Любое моё активное противодействие, учитывая, что все мои устремления абсолютно прозрачны, законны и только на пользу СССР, а у недоброжелателей, соответственно, получается наоборот, может отправить Лаврентия Павловича вслед за Ягодой и Ежовым. Хотя... Меркулов с Кобуловым вполне могут считать, что действуют во благо, придерживая выскочку сомнительного происхождения, который, к тому же, опасен почему-то именно для наркомов ввудел. Молодцы, нечего сказать, сами себя, фактически, взяли в заложники и шантажируют меня, вынуждая бездействовать. В свете грядущих событий – преступно бездействовать.

Пережив с такими мыслями выходные, в понедельник первого апреля, с самого утра я отправился записываться на приём к наркому. Тему для беседы берёт специально для такого случая, заставив Косова отпечатать готовые материалы по его проекту уголовного кодекса на пишущей машинке. Теперь оставалось только ждать, когда Лаврентий Павлович соизволит выделить для меня время. Целых десять запрошенных мною минут. Ещё до обеда звонил Кобулов, интересовался и напоминал о субординации. Успокоил его тем, что имею на руках крайне сомнительную теорию, распространять которую, в том числе и в промышленном управлении ГЭУ, без ведома наркома, считаю невозможным. К моим прямым обязанностям вопрос отношения не имеет, проходит по партийной линии, следовательно, субординацию, как точно такой же большевик, как и я, можете засунуть, товарищ майор.

Вечером, уже после окончания рабочего дня «для всех», но не для наркома, Берия выкроил-таки в своём расписании запрошенное мной время.

– Здравствуйтесь, товарищ Любимов, – я уже давно заметил, что называть меня «капитаном» наркому почему-то неловко, – проходите. Как ваши дела? Жена, дети не болеют? Не расстраивают главу семьи?

– Благодаря верной линии партии, жизнь налажена. Жена, дети здоровы и довольны, слава Центральному Комитету. А у Вас?

– А у меня совсем скоро от рук отобьются, пока отец на работе. Времени ни на что не хватает, – посетовал Берия. – Работы – непечатый край и Авгиевы конюшни. Уж и не знаю, когда всё до конца разгрёбём. Но мы же большевики! Верно, товарищ Любимов? Нам работа только в радость! Рассказывайте, с чем пришли.

– Да, дело у меня к вам, я бы сказал, щекотливое, – начал я издалика. – Как вы знаете, в парторганизациях по всей стране сейчас всю обсуждают проект новой конституции СССР, вносят предложения и дополнения. Вот и мой непосредственный подчинённый вздумал сочинить уголовный кодекс, о чём я сам узнал случайно.

– Это кто? Кажется, старший лейтенант госбезопасности Косов? – не особо-то напрягая память, сделал предположение нарком. Уверен, что личные и деловые качества моего единственного заместителя он знал, поэтому угадывать здесь, в общем-то, было нечего. Кроме старлея, под моим началом до недавнего времени было очень уж мало людей с образованием хотя бы в семь классов.

– Точно так, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга!

– Ну и что? Почему не действуете обычным порядком? Обсудить в парторганизации, выдвинуть наверх предложение, защитить. И так до самой конституционной комиссии.

– С кем обсуждать? Я своих бойцов на технику-механику натаскиваю, на юриспруденцию времени, уж извините, не хватает. Читка уставов и действующих законов – потолок. Тут уж, извините, нужен профессиональный, – от этого слова я скривился, натерпевшись за свою жизнь от «профессионалов», – государственный подход. Среди кухарок, простите, этот проект обсуждать не только бесполезно, но и вредно. Уж больно идеи там, я бы сказал, оригинальные. Разнесут сплетни, может получиться много вреда.

– Даже так? Вредный уголовный кодекс? – переспросил Берия смеясь. – Хорошо, что вы не вредитель, товарищ Любимов! Вы по-мелочи не играете! Уж если валить советскую власть, так под корень!

Направление разговора перестало мне нравиться и я не стал отвечать, а нарком, немного успокоившись, вроде как в шутку спросил.

– Ведь не вредитель же?

– Судите сами, товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, – я старался отвечать как можно более холодно и ровно, давая понять, что такие шутки мне не по душе. – Я бы мог сразу с этим вопросом пойти к своему хорошему знакомому, секретарю партийной конституционной комиссии, члену ЦК партии товарищу Кирову. Однако, уважая вас как честного человека, преданного партии большевика и главного, на данный момент, специалиста Союза ССР в поднятом вопросе, пришёл к Вам. Впрочем, если вы не готовы, то я могу уйти.

– Зачем вы так сразу в штыки всё принимаете? Ми знаем, что вам доверяют многие уважаемые товарищи, – Берия откинулся к спинке стула. – Некоторые, правда, не доверяют. Но больше тех, кто доверяет. Как мы можем не прислушаться к мнению товарищей? Просто работа у нас такая, что мы проверять должны. И тех, кому не доверяют, и, особенно, тех, кому доверяют. Враги советской власти не дураки. Они как раз и стремятся втереться в доверие к уважаемым товарищам. Чтобы потом побольнее ударить изподтишка. Поэтому обижаться нечего. Тем более, вы сам теперь настоящий чекист и должны набираться опыта оперативной и следственной работы.

– Где-то я это уже слышал, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга, – ответил я с лёгкой иронией. – А, припоминаю... Этим постоянно тычет мне майор госбезопасности Кобулов. Забывая, видимо, что Ягоде моего опыта следственной работы хватило с избытком. А про оперативную мог бы Ежов рассказать. Да вот беда – уклонился в сторону моря.

– Вам просто повезло, что выкрутились, – расслабленно махнул рукой нарком внулел, всем видом демонстрируя, что сказанное ему абсолютно безразлично.

– Как сказать, как сказать, товарищ Берия. Один раз – везение. Два – совпадение, – тут я, глядя до того на сцепленные на столешнице руки, резко поднял глаза и в упор спросил. – Вы ведь не хотите вывести закономерность?

– Сколько лет я вас знаю, товарищ Любимов, вы всегда ведёте себя вызывающе и питаетесь мнэ угрожат. Бэсполэзно. Тэм болэе, что у вас самого рыло в пуху! Ви прэдпочлы нэ замэтыт контррэволюцьоного сговора ваших подчынёных. Значыт самы замэшаны и являэтэс скрытым врагом!

В том, что наступат, я и не сомневался, но чтоб самому наркому?

– Чтобы подобное утверждать, надо возбудить дело, провести следствие, передать в суд и дожидаться приговора. Но можно взглянуть на ситуацию и с иной стороны. Товарищ Берия, как получилось, что вы назначили на ответственную должность человека, которого подозреваете во вражеской деятельности?

– Это оперативная необходимость, товарищ Любимов, – на чистом русском, спокойно, Лаврентий Павлович продолжил словесное фехтование. – Подозреваемого, пока тот явно не проявил себя, лучше держать поближе и под присмотром, перекрыв ему возможности для контрреволюционной деятельности.

– Значит, работа отдела ДВС промышленного управления ГЭУ саботируется с вашего ведома?

– Оперативная обстановка в отрасли опасений не вызывает и позволяет проводить такие операции.

– Откуда это вам доподлинно известно? У вас есть ещё один такой же, только тайный, отдел?

– Пожалуй, вы правы, товарищ Любимов, – усмехнулся Берия, – вы уже можете справиться с чекистской работой. Понемногу. Давайте перейдём к делу, ради которого вы пришли. Расскажите о этом вашем новом уголовном кодексе.

– Он, собственно, не мой, – я чуть растерялся от такой резкой смены темы разговора и полез в портфель за бумагами, – это проект старшего лейтенанта госбезопасности Косова. Вот, возьмите готовую часть.

– Не имеет большого значения сейчас. Изложите суть...

– Если самую суть, то... – я немного запнулся, не зная, как начать. – В общем, глядя на внедрение партий в промышленности параллельной системы движения денежных средств и продукции, резко повышающей её, промышленности, эффективность, товарищ Косов задумал применить это правило к работе наркомата внутренних дел. Действительно, ведь мы не знаем, насколько эффективно работает НКВД! Допустим, воры в год крадут какую-то сумму, а на какую сумму защищает наркомат? Уж не обходится ли он советскому государству дороже воров? Может, лучше пусть воруют, а наркомат вообще ликвидировать?

– Достаточно!

– Но, товарищ Берия, я ещё даже не начал...

– Я уже успел заранее познакомиться с этим вражеским планом по уничтожению НКВД, – усмехнулся нарком и одновременно с его словами в кабинет ввалились четыре дюжих молодца. – Вы арестованы, гражданин Любимов, сдайте оружие.

Четверо. Уважает, зараза. Не валить же его, он мне нужен! А потом что, с боем прорываться? А потом?

– Ну и дурак же ты, Лаврентий Павлович! – в сердцах брякнул я, расстёгивая портупею.

Эпизод 8.

Внутренняя Лубянская тюрьма – место паршивое. Крашенные стены, кафельный пол, холодок и снаружи, и внутри, чего греха таить. Больно уж на мозги давит замкнутое пространство. Камера без окошка с пристёгнутыми к стенам индивидуальными дощатыми щитами-лежанками.

Зато компания весёлая. Когда меня поместили в «двушку», было сколько-то времени, чтобы подумать о душе своей грешной в полном одиночестве. А потом дверь открылась и конвоир впихнул «соседа». Лицо побито, но узнаваемо.

– Седых?! Какими судьбами?

Бывший командир, услышав шум, сфокусировал на мне взгляд не заплывшего правого глаза.

– А, товарищ Любимов. Добро пожаловать. Располагайся, будь как дома. За что тебя?

– Ерунда, сказал Берии, что наркомат внутренних дел Союзу дороже воров обходится, – я заметил, что командир увильнул от ответа на мой вопрос, будто не расслышал, но не стал заострять на этом внимание.

– Аххаха... – Седых засмеялся и тут же натужно закашлялся, а потом схватился за рёбра и, согнувшись, начал заваливаться на пол. Я подскочил и не дал ему упасть, подведя к нарам, свободной рукой отстегнул их от стены и мы сели. Скорее всего, это было нарушением внутреннего распорядка, но мне было плевать.

– Узнаю тебя, стервеца, – отдышавшись сказал Седых, – Ещё тогда, в Грузии, подумал, что язык твой тебя подведёт.

– Раз со мной, брат Апполинарий, – в отместку за «стервеца» я назвал командира по имени, от чего тот, в меру телесных повреждений, попытался сморщиться, – всё ясно, не расскажешь ли, за что ты загремел в эту обитель?

– Говорят, что хотел Восточный Туркестан к СССР присоединить. По заданию японской и английской разведок. Чтобы внести разлад в Советско-Китайские отношения, – мрачно, раздельно отчитался Седых.

– Ну, хоть за что-то существенное, не как я, по дураости.

– Ага, существенней того, что Фриновский в Алтайской Добровольческой Армии был мой непосредственный начальник, не придумаешь. До тех пор, пока его в Москву не вызвали. Вот и вся любовь.

– Какой-какой армии? – переспросил я изумлённо. Нет, Тува была, Монголия была. Алтай? Неужели это я наворотил?!

– Чего так испугался? Наши это. Чоновцы. Англичане вон, говорят, на фекалии исходят, любая паршивая газетёнка предсказывает, что мы Восточный Туркестан аннексировать хотим. Подлецы. Сами же там народ и мутят. В общем, по политическим соображениям армия наша – Алтайская, – тут Седых усмехнулся. – А форма, чтоб никто ничего не догадался – белогвардейская.

– Ну дела... – сказал я чтоб как-то прореагировать и поддержать разговор, лихорадочно, между тем, пытаясь сообразить, я это натворил каким-то образом или нет.

– Не дела, а полдела. У меня там и самых натуральных беляков полно было. Не веришь? Я б тоже не поверил никогда, что на одной стороне биться будем. Бектеев, белый полковник, сейчас вместо Фриновского командует. Однако же...

– Погоди, погоди, а с кем вы воевали то?

– Не поверишь, с кем попало. И с уйгурскими повстанцами и с 36-й дунганской дивизией Гоминьдана, которая их поддержала. А защищали местного дубаня. Стерву такую. Придушил бы заразу. И плевать мне, что он в ВКП (б) хочет вступить. Нечего принимать его, подонка. Царёк мелкотравчатый, эксплуататор и мироед. Тьфу. Нам бы ещё папу римского с ним за компанию в партию принять для полного комплекта. А нас, рядовых большевиков, зачем спрашивать? Тут большая политика, эти её. Сделал дело – гуляй смело. Алтайцев мы

по договору вывели, усиленный кавполк остался только. Договор! Зачем перед Гомиьданом унижаться и соблюдать его, если не с Нанкинским правительством заключали, а с дубанем местным, который его тоже соблюдать не хочет? Ты вот себе представить можешь, что у нас руководство Белорусской ССР с Польшей договорится о вводе панских войск на нашу территорию с целью свержения Советской Власть? А в Китае такие фокусы на каждом шагу! Какой смысл в этом цирке плясать? Отгородиться от этого дурдома и всё! И уйгуры, и сами китайцы, даже наши белогвардейцы в один голос просят не бросать их. Как только уйдём – грабежи, насилия и убийства. Дубань, кстати, тоже хочет, чтоб остались. Бойтся за свою шкуру, собака. А мы политемы с Гомиьданом паршивым устраиваем, забыли уже 29-й год, дружим против японцев теперь. Да был бы в этом, хоть какой смысл! Китайцы Восточный Туркестан совершенно не контролируют, весь доход с провинции в карман дубаня заворачивает. А Нанкинское правительство, друг наш заклятый, от нас только помощи просят а нам от них толку никакого. Вред один. Предадут они нас при первой возможности. 36-я дивизия никуда не делась, окопались недалече, момента удобного ждут, чтобы опять ударить.

– Понятно. Значит, воевали-воевали, а в результате шишь. Обидно.

– Да чёрт с ним! Там через год опять резня в полный рост будет, вот увидишь! Опять будем думать, как бы эти банды на нашу территорию не перешли. И единственный способ это безобразия прекратить – перекрыть перевалы в Британскую Индию, чтоб вдохновители, казначеи и организаторы не пролезли. А сделать это надёжно только советские пограничники могут.

Слушая Седых, мне подумалось – ну, прям как в Чечне в девяностых-двухтысячных, один в один. И, пожалуй, диагноз и способ лечения товарищ чоновец, на пару с беляком Бектеевым, видят верный.

– Вот такое моё мнение. И никогда я его не скрывал. А британская и японская разведки – шалишь! Так и передай, тем, кто тебя подсадил. Англичанам и японцам наоборот выгодно, чтоб мы как можно скорее убрались оттуда, – Седых порывисто встал, хотя далось это ему нелегко, отстегнул вторую койку и улёгся на неё, отвернувшись к стене и давая понять, что разговор окончен.

– В приличном обществе, Апполинаруй, за такие мысли в морду бьют. И за язык я тебя не тянул. И даже мнение твоё разделяю. Только вот, поверь, никому от этого ни тепло, ни холодно. Прав ты, не прав, не докажешь ничего, получишь свой четвертак и привет!

– Ага, признай всё и не мучайся, да? То-то я думаю, что это меня сегодня отпустили так рано с допроса. Может даже и поспать получится.

– Да нет, Седых, не к тому я. Гляжу вот на твою морду побитую и как-то мне не хочется такое терпеть. И чего ради? Всё равно расстрел либо лагеря на всю оставшуюся жизнь. Сижу и думаю – надо Берия в заложники было брать и бежать, пока такая возможность была. Однако, дельные мысли сильно опосля в голову приходят. Поскорей бы сдохнуть...

Горы здесь плечом
Держат небосвод,
И восток опять в огне.
С солнечным лучом
Сразу оживёт
Золочёный барс на броне.
Спросят нас в селе: «Ходите под кем?
Ваши командиры где?»
Броневи́к-батор,
Пулемёт-мерген
И великий хан РПГ!

Тихонько напел я, подогнав слова под стандарты текущей эпохи.

– Что это? – обернулся Седых.

– А не обращай внимания, тебя послушал само в голову пришло, – соврал я, выдав «Песню улаганских партизан» с небольшими поправками для соответствия текущим реалиям за собственное сочинение.

– А РПГ что такое?

– Ручная противотанковая граната. Или гранатомёт, – сказал я как о чём-то само собой разумеющемся. В самом деле не петь же мне «РГД», когда вопрос с ручными гранатами мною же и закрыт и названия теперь совсем другие? А РПГ... До РПГ-40 всего ничего, идеи витают в воздухе.

– Бойцам понравилось бы.

– Что, гранатомёт?

– Нет, песня, – с этими словами Седых перевернулся на спину и, посмотрев на меня, спросил. – А дальше?

Дай ума, туман!

Чай, уйми-ка дрожь!

Научи, терпенью, дождь!

Из железа нож

И винтовка тож,

Из железа клёпан и Вождь.

Пусть два дня едим

Пайку пресной,

Двести грамм овса вразвес.

Пусть они сыны

Поднебесной,

Мы же дети гневных небес!

С давних детских пор

Верный талисман —

Каменный в кармане кистень.

Заревёт мотор,

И Отец наш сам

Выстрелом разбудит день.

Через перевал

Потечёт отряд,

Унося в долины смерть.

Будто на врага

Установкой «Град»

Рухнула Алтая твердь!

Броневик, Броневик-батор!

Броневик, Броневик-батор!

Он от жадных глаз,

Загребущих рук

Сторожит покой древних гор.

Мы от жадных глаз,

Загребущих рук

Сторожим покой древних гор.

– Вот! Правильно! От загребущих рук беречь надо! – пропустив слова про установку «Град», решительно, а главное, громко поддержал меня в главном Седых.

– Эй, вы там! А ну замолчали! – не злобно, для порядка, посмотрев через «глазок», обозначил своё присутствие надзиратель.

– Слушай, командир, а что нам терять? Отсюда замечательный вид на тот свет открывается, хоть экскурсии проводи. Конечно, если не повезёт и сразу не шлёпнут, тогда четверть века лагерей. Больше вариантов выхода отсюда нет. Оно нам надо? Чего ради всё это терпеть? Мы что, встретившись, даже спеть не можем от души? А ну, давай, помогай! А придут порядки свои наводить, так я им живым сдаваться не собираюсь. Смысла нет никакого, – я говорил не приглушая голоса, чтоб за дверью было слышно, а потом бодро запел песню Николая Емелина «Егорыч старшина». Она почему-то показалась наиболее уместной, видимо, организму нужен был «тонизирующий» эффект. Седых, послушав куплет, тоже приободрился, повеселел и помог мне с припевом.

Егорыч старшина как видно не женат, к сорока готов ко всему готов.

Егорыч старшина как видно не женат, к сорока готов ко всему готов.

– Эй, кому сказал! Заткнулись живо! Или здоровья вагон?! – уже весьма и весьма сердито подал голос надзиратель.

– Да пошёл ты! – коротко, весело, без адреса, чтобы не отвлекаться от песни, отозвался я.

– Ну, контрики, сами напросились! – в коридоре раздалось буханье сапог бегущего человека.

Справа горы, слева речка, деревенька за спиной,
Сузилось кольцо в колечко, может быть последний бой.

Грохот шагов в обратном направлении был гораздо более дробным, к нам спешило явно больше двух человек. А и плевать. Камера узкая, а дверь тем более.

Жаль патронов маловато и подмоги не хрен ждать,

Зазвенели ключи в замке. Ну сейчас начнётся!

Старшина сказал ребята некуда нам отступать!

Дверь распахнулась и здоровенный мужик огромного роста, видимо, надеясь на свою силу и габариты, нагнув голову, попытался ворваться внутрь, сыграть роль тарана. Жалеть его здоровье мне было вовсе ни к чему, поэтому я его просто «подрубил» ударом ногой в колено. Сломал или нет – не знаю, но туша с воплем рухнула при входе, помешав остальным. Второй герой воспользовался паузой пока я восстанавливал стойку и сумел таки впрыгнуть в помещение, отвоёвывая плацдарм. Однако, это и всё, что он успел сделать. Не дожидаясь, пока противник поймает равновесие, я пошёл вперёд и нанёс серию ударов руками в голову и по корпусу. Прорвать защиту не вышло, но «каратель» отступая назад, споткнулся об своего товарища и полетел спиной вперёд в дверной проём, получив вдогонку ногой в живот для ускорения.

При входе и в нём самом теперь возились уже двое, выполняя роль баррикады и в ближайшие секунды нападение на меня было невозможно. А вот Седых был в трудном положении. Его спарринг-партнёр влетел в камеру третьим, пока я был занят. И, поскольку по центру

валялся гигант, он не мог помочь товарищу со мной, зато прямо перед ним был мой бывший командир. Когда я освободился, Апполинаруй, обхватив надзирателя, просто пытался прижать его в угол, чтобы тот не мог бить. Противник же его, из неудобного положения, но наносил чувствительные для уже подорванного здоровья пограничника удары. Спасая командира, я, схватив, потянул их обоих на центр и они, споткнувшись, завалились на всё того же несчастного «первопроходца», по которому я ещё и потоптался ногами.

Пока я вытягивал назад командира, в исступлении не хотевшего отпустить тюремщика, в коридоре оценили обстановку и раздалась команда:

– Назад!

Драка закончилась. Не видя стоящих на ногах противников, я оттащил Седых к лавке, а тюремщики споро «эвакуировали» своих и закрыли дверь.

– Ты как? – спросил я командира.

– Нормально, нормально, – тяжело дыша, два раза повторил он, – ещё повоюем.

– Тогда будем ждать второго раунда, – согласился я. В ответ Седых только согласно кивнул.

Откровенно говоря, в тот момент я был разочарован. Ну, что это такое? Никаких следов побоев на мне нет, чтоб у Лаврентия Павловича вид был побледнее, когда меня выпускать будут. В том, что суэта в связи с моим арестом уже поднялась, я почти не сомневался. Оглядываясь назад, подумал, что подобную ситуацию я даже где-то предвидел, предупредив Полину, что собираюсь на приём к наркому внутренних дел. Да и без того, если Кожанов и вправду подслушивает чекистов, то в наркомате РККФ сейчас аврал. Это же надо понимать, что если кого-то взяли, все связи отрабатываются. А связи у меня, наверное, уже всем известно какие. С другой стороны, я до сих пор не верил, что Берия решился на меня посягнуть. Бог с ним, с линкором «Фрунзе», КБ работает и результат даст, даже без меня. Этим пренебречь можно. А вот Любимов-старший, Кожанов и, особенно, Киров – другое дело.

Пока я рассуждал о делах своих скорбных, вновь нарисовались посетители. Комендатуре Лубянки надо ставить «пять» за изобретательность, хотя, может этот вариант у них был уже отработан. Едва дверь распахнулась, внутрь камеры ударила жёсткая, ледяная струя воды из брандспойта, легко сбивавшая человека с ног. Нечего и говорить, что на этот раз наша попытка защитить вход провалилась. Да и просто ближний бой превратился в возню на мокром полу под кучей брыкающихся, душащих и норовивших выкрутить руки надзирателей. На сей раз, удача была на стороне «больших батальонов», не преминувших физически выместить на побеждённых горечь первого поражения. Но, без садизма, а для вразумления на будущее. После чего меня отделили от командира и поместили, связанного, в холодный карцер метр двадцать на метр двадцать. Хорошо, что потолок располагался там, где и должен был быть, стоять можно было в полный рост.

Эпизод 9.

Господи, как же холодно! Мокрая одежда облепила тело и скидывать её нет никакого смысла. Гольшом ещё холоднее будет. Хорошо, что вода, стекая на пути, размочила узлы и я смог освободить руки. Можно помахать немного для разогрева. А ещё от холода хочется по малой нужде. Уже давно и сильно. Приходится терпеть. Не в угол же облегчаться, а потом в этой луже стоять? Сколько я уже здесь? Может двадцать минут, а может и полтора часа уже. Темнота искажает восприятие времени. Просить, чтобы вывели, бесполезно. И стучал и кричал и ругался, игнорируют полностью.

Звякнули ключи, дверь пошла в сторону и сквозь открывающийся проём хлынул нестерпимо яркий свет от которого я попытался защититься рукой, подняв ладонь выше глаз.

– Развязался, – тревожно прошептал «ключник» в сторону и, повысив голос, предупредил. – Не дури! Оправляться и переодеваться пойдём! Руки за спину! На выход! Лицом к стене.

Дурить сейчас я даже и не думал, очень уж в туалет хотелось, да и переодеться было бы не плохо, а то уже с носа течёт в два ручья. Но выполнял команды не спеша, давая глазам привыкнуть к электрическому свету. Выходя, бросил взгляд по сторонам и убедился, что в коридоре, отрезая любые пути побега, стоят ещё двое. Причём одного из них я узнал!

– Привет Слав! Или теперь «гражданин Панкратов» к тебе надо обращаться? – не дожидаясь ответа, видя растерянность чекиста, я продолжил. – Седых, кстати, тоже здесь. Недавно с ним в одной камере сидел. Помнишь такого?

– Семён! – много позже отозвался мой бывший телохранитель. – Вот значит что за зверь такой, который Захлюстина покалечил! Бузить не советую! Ты меня знаешь, но и я тебя знаю! К тому же, нас здесь двое таких. Специально ради тебя вызвали из опергруппы особого назначения. Обрати внимание, чтобы доставить в целости и сохранности куда надо.

– А надо-то куда? – живо поинтересовался я.

– Разговорчики! Налево! Пошёл! – вмешался надзиратель и мы начали движение.

– Там узнаешь, – всё же буркнул на ходу Слава.

Спустя пару минут я уже философствовал на тему, как мало человеку нужно для счастья, а потом, меня не только переделали в сухое, причём, моего размера и с уже пришитыми знаками различия, но и переобули в новые сапоги. А вот затем меня попытались побрить. Понятно, что реакция моя была самая бурная. Дать зарезать себя опасной бритвой за здорово живёшь я не собирался. Скажут потом – самоубийство под тяжестью вины и привет. Моё предложение побриться самостоятельно встретило, как ни странно, точно такое же возражение. Слава, а именно он был старшим «эскорта», ссылаясь на приказ, категорически отказывался давать мне в руки хоть что-то острое, чтобы я не мог нанести себе вред.

– Слушай, если так, то сам посуди, – стал я урезонивать сопровождающего, – будешь ты меня брить, я головой когда не надо дёрну и всё. Получится, что ты меня и прирезал. И как это будет выглядеть в свете твоего приказа? Плохо будет выглядеть! Давай бритву сюда и отойди, мало ли, толкнёшь. Или пойду небритым, мне всё равно. Да и не сказать, что с утра сильно зарос. Который час ныне?

– Около полуночи, – автоматически отозвался Панкратов.

– И куды ж мы в такую рань?

– Не надоедай, сказано – увидишь.

– Да, знаешь, если вы меня под белы ручки да домой, – ответил я намазывая мыльную пену на физиономию, – это одно дело. А если меня во всё чистое переделали, чтоб я на том свете попрличнее смотрелся, так совсем другое.

– Не могу сказать, – отрезал чекист, – но гарантирую, ни по пути, ни на месте, твоей жизни ничего не угрожает.

– Ладно, поживём – увидим.

Спустя двадцать минут меня ввели в просторное помещение с окрашенными светло-зелёной краской стенами, впрочем, насчёт противоположной от входа, я не уверен, ибо оттуда, прямо в глаза мне светил прожектор, не настольная лампа, а именно прожектор. Такие, наверное, используют в театре, чтобы сцену подсвечивать, но тут единственным артистом был я, а зрители прятались в слепящих электрических лучах. Присутствовало, кроме оставшегося в комнате конвоя, ещё одно действующее лицо. Сбоку от меня, у стены, в самом углу стоял стол за которым сидела девушка-стенографистка. Симпатичная и совсем молоденькая, одним своим видом, не смотря на наигранно-строгое выражение лица, вызывавшая добрую улыбку. Казалось, что она вот-вот не сдержится и прыснет смехом. От таких мыслей я не удержался и подмигнул своим единственным не подбитым правым глазом.

– Садись, – то ли приказал, то ли предложил Слава, имея ввиду стоящий чуть впереди стул. Не табуретку, как я ожидал, а стул со спинкой и даже не прикрученный к полу! А ну как я его в «президиум» запульну? Следовательно, мокрый кот, совсем, наверное, страх потерял.

– Приступайте, товарищ Берия, – голосом Сталина сказал свет.

– Гражданин Любимов, не желаете ли вы разоружиться перед партией и чистосердечно признаться в своей вражеской деятельности? – хороший вопрос, Лаврентий Павлович.

– Ночи доброй, товарищ Сталин. И вам товарищ Берия всего самого наилучшего, – не удержался я от того, чтобы не поздороваться. – Стесняюсь спросить, вы что-то серьёзное накопили? Или опять какие-то смутные подозрения?

– Во-первых, вы для нас не товарищ, гражданин Любимов! Обращайтесь к нам взаимно. Во-вторых, вопросы здесь задаю я! Повторяю свой вопрос, не желаете ли вы раскаться и этим облегчить свою участь? – нарком внаудел демонстрировал исключительную жёсткость.

– Зачем же вы так, товарищ Берия? – изобразил я обиду. – Для меня и товарищ Сталин, и вы, всегда останетесь товарищами и обращаться я к вам буду именно так. Не смотря на то, что вы, товарищ Берия, в последнее время изволите не по-детски шалить, расстраивая меня до невозможности. Надеюсь, моя позиция не повлечёт применение специальных методов допроса, как в случае с моим командиром, товарищем Седых?

Я нарочно проигнорировал и «во-первых», и «во-вторых», попутно упрекнув Берия в применении пыток, которые клеймил как позорное явление Кобулов. Что же выходит? Нельзя, но если очень хочется, то можно? Пусть побесится, Лаврентий мне тоже нервов немало потрепал.

– Вижу, сотрудничать со следствием вы, гражданин Любимов Семён Петрович, не хотите. Или вас гражданин подпоручик Лебедев называть? Как вам ближе? Мы восстановили вашу биографию, но хотели бы уточнить некоторые моменты. То, что вы сын погибшего в 1905 году под Мукденом капитана Лебедева Семёна Петровича, нам известно. Проживали в Петрограде. В 1915 году поступили в Николаевское инженерное училище. По окончании четырёхмесячных курсов, в чине прапорщика, направлены на Юго-Западный фронт, участвовали в Брусилловском прорыве. К весне 1917 года дослужились до чина подпоручика. В начале лета дезертировали из разлагающейся армии временного правительства и всплыли только в 1919 году у Колчака, засветившись скандалом и требованием ареста французского капитана Зиновия Пешкова. Знаете, гражданин подпоручик, тут я вас очень понимаю. Я бы на вашем месте тоже возмутился. Сын Максима Горького, брат Якова Свердлова, французский капитан и советник адмирала Колчака – слишком уж в глаза бросается. Но, почему-то только вам. Не сошлись во взглядах с командующим и направлены на фронт. Участвовали в колчаковском отступлении, так называемом «Ледяном Сибирском походе». Последний раз вас видели в Чите, там след теряется. Однако, осенью 1921 года в Москве совершил кражу и был осуждён революционным судом на шесть лет тюремного заключения некто Гусев Павел Сергеевич. Скажите, Любимов, вы себе почему так псевдонимы выбираете? Бойтесь забыть, как вас на самом деле зовут? Впрочем, неважно. Важно то, что на предъявленной нами фотографии Гусева член ЦК ВКП (б) товарищ Артюхина, товарищи Лихачёв, Важинский и многие другие, уверенно опознали Любимова Семёна Петровича до аварии во время показа автомобиля ЗИЛ-4. Ну что, гражданин Лебедев, царский офицер, белогвардеец и уголовник, будете и дальше отпираться?

– Предлагаю вам, товарищ Берия, пари. Выиграете вы – признаюсь в чём угодно. Если же удача будет на моей стороне – отпускаете товарищей Гинзбурга и Седых.

– Здесь не базар, не казино и не цирк, гражданин Лебедев! Не хотите раскаться – шут с вами. Этим вы только усугубляете свою вину, которая, фактически уже доказана.

– Неужели? Спорим, что дактилоскопическая экспертиза не подтвердит идентичность отпечатков пальцев гражданина Гусева и капитана государственной безопасности Любимова?

В «президиуме» возникло лёгкое замешательство. Видимо, заиклившись на «политике» с её подсматриванием, подслушиванием, логическими построениями и косвенными доказательствами, следствие совершенно упустило из виду простые, но железобетонные приёмы и методы из арсенала уголовного розыска. Признаться, я и сам, не будь у меня в прошлой жизни знакомых оперов с их анекдотами о снятии отпечатков пальцев со швейных иголок, не сообразил бы.

– Пусть товарищи организуют, – сказал свет голосом Сталина, – охрана нам здесь не нужна.

– Действуйте, – отдал «исполнительную» Берия и мой конвой исчез за дверью. Спереди послышалось шуршание перекладываемых бумажных листов.

– Перейдём далее. Вы признаёте, что продали на базаре в Вологде три серийных штык-ножа с нацистской символикой? – задал нарком очередной вопрос.

– Признаю, куда деваться. Там-то мои пальчики могли остаться, – легко согласился я.

– Откуда они у вас?

– Были при мне, когда очнулся в лесу, – умудрился я ни капли не соврать.

– Не юлите и отвечайте, где вы их взяли! – Лаврентия Павловича, гляжу, на мякине не проведёшь.

– В рюкзаке, – тут самое главное – честные глаза.

– Вы понимаете, что наличие у вас таких ножей головой выдаёт вашу причастность к немецким национал-социалистам, которые провозгласили Советский Союз своим злейшим врагом и строят планы нас уничтожить?

– Это в корне не верно. Немецкие национал-социалисты не строят планов по уничтожению СССР, – позволил я себе не согласиться.

– Гражданин Лебедев вдруг резко изменил свою точку зрения? Вы ведь проели плешь всем своими рассказами, что немцы на нас нападут! – Берия, своим показным сомнением явно провоцировал меня на откровенность.

– Немецкие национал-социалисты всего лишь выполняют план по уничтожению СССР, а строят планы те, кто НСДАП, а теперь и всю Германию, финансируют. Точнее говоря, план уже в действии. Я в последнее время не следил за международными новостями, но на днях Германия объявит, или уже объявила всеобщую воинскую обязанность, после чего увеличит армию в сорок раз. Гитлеру потребуется около трёх лет, чтобы обучить и оснастить войска, а потом, в 38-м он перейдёт к действиям. Антанта будет накачивать немецкую мощь и поочерёдно, без какого-либо сопротивления сдаст Рейнскую область, Австрию и Чехословакию. Как мы знаем, в последнюю входит Закарпатская Украина. Она-то и предназначена стать поводом для нападения на СССР. В один прекрасный момент украинские националисты попросят у Гитлера освободить их от преступного большевистского режима.

– Это вам точно известно? – подогрел Лаврентий Павлович мою говорливость.

– Послушайте, гитлеровская партия ведёт активную политическую борьбу с начала 20-х годов, издаёт собственную ежедневную газету, имеет собственные отряды штурмовиков. И всё это в нищей, разорённой стране, которая должна Антанте немислимые репарации. Глава партии числится писателем и больше нигде никогда не работал, имея в активе единственную книгу. За чей счёт, позвольте спросить банкет? А ведь это огромные деньги! Сейчас же траты просто колоссальные, приходится оплачивать милитаризацию целой страны. Мы проводим индустриализацию исключительно за счёт собственных резервов и можем примерно представить себе размер расходов. Мне было бы вполне понятно желание заказчиков войны их минимизировать, а тот путь, который я указал – кратчайший.

– Это достоверные сведения? Откуда вы это узнали?

– Это мой прогноз, который я составил на основании открытой общедоступной информации, почёрпнутой исключительно из советских газет и радиопередач. Кстати, обратите внима-

ние, что в 1932 году нацистская партия выступила на выборах бледно, а уже в 1933-м провела просто шикарную избирательную компанию в Рейхстаг. Правда и в этом случае подавляющего большинства, более половины голосов, получить не удалось. Меньше тридцати процентов в итоге, если не ошибаюсь. Поэтому Гитлера канцлером Гинденбург просто назначил, для чего незадолго до этого приняли специальный закон. Кто бы мог такое повернуть? Помню, выступал на ЗИЛе перед рабочими и просил товарища Сталина не допустить фашистов к власти в Германии. Оглядываясь назад, понимаю, что просьба моя была практически невыполнима. Как говорится, против лома нет приёма.

– Значит, вы всего лишь, посредственный аналитик и вовсе не причастны к нацистским организациям Германии? Откуда тогда у вас те самые три ножа? Зачем они вам? Вспомните! Кому вы должны их передать? Это элементы опознавания агентов? Вы потеряли память потому, что вас ударили по голове? Кто на вас напал?

– Товарищ Берия, что вы пристали, как банный лист? Здесь сейчас может судьба мира решается, а вы лезете со своими глупостями. Никто меня не бил, я стригся в Вологде налысо, можете найти цирюльника и порасспрашивать.

– Если вас не били по голове, отчего вы потеряли память?

– Да откуда ж я знаю, если ничего толком, кроме того, что о себе рассказал, не помню?

– Вы имели дело с гипнозом? – а вот такие вопросы уже опасны, но приходится рисковать, чуть подвирая.

– В шарлатанство не верю.

– Имели или нет?

– Сколько себя помню – не имел.

– То есть, с октября 1929 года?

– Как минимум.

– Проверим.

– Проверяйте.

– Формирование особого подразделения, которое вы лично обучаете диверсионным навыкам, которые почему-то не забыли как всё остальное, из лиц, совершивших воинские преступления, о которых вам стало известно, поэтому лично от вас зависимых, тоже отрицать будете?

– Я догадываюсь, что вы имеете в виду. Однако, мне неизвестно о совершении каких-либо воинских преступлений во вверенных мне подразделениях, равно как и о расследовании таких преступлений. Зато мне известно, что мой первый взвод состоит из комсомольцев, отличников боевой и политической подготовки, имеющих огромное желание учиться и стать, несмотря на любые трудности, инженерами. Я гоняю их и в хвост и в гриву. Они, по сути, только учатся и спят, заступая в качестве выходного раз в неделю в караул. По пять обучающихся на одного преподавателя всего! Я от такой жизни и сам взвыл бы, а они терпят. И мне чрезвычайно лестно, что такие замечательные парни, наша прочная опора в самом ближайшем будущем, видят во мне пример для подражания. Что касается диверсионной подготовки, то рукопашный бой и стрельба являются обязательными элементами боевой подготовки, я лишь немного расширил их рамки. Вы, конечно, товарищ нарком внутренних дел, – я намеренно обратился именно по должности, – желая упрятать меня за решётку, можете трактовать всё по-своему. Но тогда, обрубив мальчишкам крылья на взлёте, получите в итоге три десятка яростных врагов советской власти. Вы, а не я создадите почву для создания антисоветской организации.

– Ваши рассуждения никак не оправдывают тот факт, что, имея информацию о нарушениях, вы предпочли их не заметить и обернуть в свою пользу. Вместо того, чтобы действовать в строгом соответствии с революционной законностью. И у вас почти получилось. Подвела вас ваша же лихость. Решили в наркомат внутренних дел своих выкормышей под благовидным

предлогом протащить? Кавалерийским наскоком? Или вы думали, что мы, кого попало, сюда берём? Ваше наплевательское отношение к советским законам в данном конкретном случае мы обязательно докажем в ближайшем будущем. Перейдём к следующему эпизоду вашей подрывной деятельности, где вы уже посмели посягнуть на сами основы советского законодательства, отвергая воспитательный характер исправительной системы и ставя под сомнение моральное право пролетариата карать врагов советской власти соразмерно тяжести их преступлений вплоть до высшей меры социальной защиты. Скажите, некто Косов писал свой пасквиль под вашу диктовку?

– Я категорически протестую против такой постановки вопроса! С какой стати проект уголовного кодекса товарища Косова, без широкого обсуждения на партийном уровне или хотя бы на уровне Конституционной комиссии, называется пасквилом? Кто это решил?

– Я это решил, гражданин Лебедев, – жёстко ответил Берия. – От этого, противно сказать, документа, просто несёт буржуазным торгашеским духом, подрывающим сами основы ЧК. Страшно подумать, если эта популистская брошюрка с красивыми лозунгами, но гнилым содержанием, найдёт поддержку среди огромной слабо разбирающейся в юридических тонкостях части ВКП (б). Вы, гражданин Лебедев, умышленно, с целью парализовать работу НКВД, дискредитировать его и унижить, дать дорогу врагам советской власти, пытаетесь всучить партии этот подрывной материал!

В это время в дверь пару раз тукнули и сзади раздался Славин голос.

– Специалист доставлен, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга!

– Се-се-сержант го-госбе-безопасности Ще-ще-щеглов! – отрекомендовался вошедший.

– Не волнуйтесь товарищ Щеглов, – успокоил Сталин чекиста, – работайте аккуратно, мы подождём.

У эксперта всё уже оказалось наготове и он, прокатав мне валиком полностью обе ладони, подвёл меня к столу стенографистки, так как я от яркого света, хоть и прятал глаза, но уже почти совсем ослеп. Там поочерёдно, на отдельных листах, он сделал отпечатки и, спросив разрешения, удалился. Вся процедура заняла не больше пяти минут.

– Так вы признаёте, что являетесь автором так называемого проекта уголовного кодекса?

– Нет, не признаю.

– А гражданин Косов дал показания, что это вы его вдохновляли, – немного растягивая слова, живо напомнив мне мультяшного кота Матроскина, поддел меня Берия.

– Не буду спорить, так как свой проект Косов стал составлять, глядя на одобренную съездом партии параллельную систему, у истоков которой когда-то стоял я. Да вы сами это должны хорошо помнить, товарищ Берия. Да, были времена... Помню, товарищ Киров тоже тогда называл параллельную систему буржуазной. Тем не менее, она доказала свою эффективность в советском народном хозяйстве.

– А я от своих слов не отказываюсь, – послышался ещё один знакомый голос, – да и сейчас также думаю. Но, как временную меру, как этап на пути к истинному коммунизму, считаю небольшое отклонение допустимым. Владимир Ильич точно так же выступил за НЭП.

– Здравствуйте и вы, товарищ Киров. Ценю ваше мнение. А по поводу проекта товарища Косова вы что думаете?

– Гражданин Любимов, или Лебедев, или как вас там! Вы только отвечаете на вопросы, а не задаёте их! – Берия, видимо, допекло.

– А действительно, товарищ Берия, – спросил Иосиф Виссарионович, – о чём вы говорите? Где этот проект?

– Товарищ Сталин, к сожалению, сейчас я не могу вам его предоставить, так как имеется единственный экземпляр и он отдан на юридическую экспертизу с целью установить и систематизировать все нарушения и противоречия с действующим законодательством. Если бы этот

допрос не был организован так скоропалительно, то у нас были бы на руках и подрывной текст, и результаты экспертизы, – ничуть не оправдываясь, а где-то даже с упреком, сухо сказал Берия. – Тогда допрос можно было бы провести более предметно.

Я, не сдерживаясь, рассмеялся.

– В чём конкретно противоречия? Да во всём! Во всём! Ничего общего!

– Отметьте в протоколе, что подозреваемый признал общий антисоветский характер материала, – холодно и спокойно отозвался Берия.

– Э нет, товарищ Берия! Тут уж дудки! С какого перепугу ваши законы вдруг советские? Как при Иване Грозном в ссылку, в острог, на плаху, так и сейчас на спецпоселение, в лагерь, к стенке. Разницы никакой! Законы ваши – прямое наследие феодально-буржуазного режима и ничего советского в них нет! За тем исключением, что за преступления против советского государства наказывают куда строже, чем за преступления против личности. Может это как раз проект Косова советский?

В противоположном конце комнаты из-за такого оборота воцарилась чуткая тишина, да и стенографистка, в сторону которой я, пряча от прожектора, отвёл глаза, открыла рот и перестала записывать.

– Допустим, законы такие же наши, какие и ваши, товарищ Любимов, – первым нашёлся Сталин, но не вполне, так как с обращением он всё-таки оговорился. – Расскажите нам, пожалуйста, об этом проекте уголовного кодекса.

– Э нет, товарищ Сталин! Я в прошлый раз товарищу Берии стал рассказывать, так меня после первых слов дюжие молодцы в камеру засунули и подрихтовали. А если я вам пересказывать начну, так меня, боюсь, вообще пристрелят.

– Вы злостно нарушали режим содержания, гражданин Любимов! Вы напали на конвой! В таких случаях охрана просто обязана применять оружие! Будьте благодарны, что вообще живы! – вышел из себя Берия и сыграл мне на руку, явно ляпнув лишнее.

– Так меня что, чуть не убили? Мамочки родные! – я показушно приложил ладони к щекам.

– Перестаньте, наконец, паясничать! – это уже не утерпел Сталин. – Думаете, мы здесь просто так среди ночи собрались, и у нас дел других нет? Разъясните свою позицию по поводу уголовного кодекса.

Тут уж шутки в сторону, вождя сердить не стоит.

– Итак. Возмездительная система. Граждане, объединяясь в государство, устанавливают правила общежития, то есть законы. Функцию защиты от нарушителей правил (законов), большей частью граждане возлагают на государственный аппарат, оплачивая ему эту услугу налогами и оставляя себе минимально приемлемые права на самозащиту. Суд и институты наказания преступников находятся в ведении государства полностью.

Что из этого следует? Если совершено преступление и гражданину нанесён ущерб, то государство просто обязано немедленное его возместить. Функция защиты от преступности на нём, а налоги гражданин всю жизнь исправно платит. Равно это же касается и различных учреждений, общественных или государственных. Не бывает такого, что гражданин, учреждение или предприятие, ставит уплату налогов в зависимость от того, пойман ли преступник, вернули ли украденное. То есть, государство немедленно исполняет свой долг перед потерпевшим, компенсируя ему ущерб и далее взаимодействуют только преступник и органы борьбы с ним. Практикуемые ныне взаимоотношения потерпевшего и государства, когда первому возвращают краденое, в частности, когда и если найдут, являются со стороны государства мошенничеством. Ещё раз. Государство, взяв налог вовремя и обязавшись защищать, должно возместить убытки немедленно. Если же, например, украденное впоследствии найдено, гражданин имеет право выкупа своего имущества, цена которого изначально определена. В случае отказа государство может распорядиться имуществом по собственному усмотрению.

Теперь, взаимодействие государства и преступника. Принимаем за аксиому, что преступность существует. Уже фактом своего существования преступник наносит гражданам убытки, заставляя их оплачивать органы охраны правопорядка. Но это некий теоретический, неконкретный преступник, который персонифицируется в момент совершения реального преступления. С этого момента с него уже можно требовать, как с конкретного лица, возмещение расходов, которые несут граждане, финансируя органы охраны правопорядка. То есть, теоретически, если в конкретный финансовый период, например год, будет поймано и представлено на суд два преступника, совершивших равные по тяжести преступления, то справедливо будет присудить им поровну выплатить в бюджет сумму содержания за этот же период органов охраны правопорядка, плюс конкретный ущерб, который нанёс каждый из них в отдельности. Понятно, что в настоящее время заставить работать такую систему практически невозможно. Поэтому, компенсировать гражданам постоянное содержание органов охраны правопорядка целесообразно присуждением каждому конкретному преступнику кратного возмещения нанесённого ущерба в зависимости от тяжести конкретного преступления. Кроме того, с момента совершения преступления, или с момента когда о нём стало известно, к раскрытию преступления и задержанию преступника привлекаются конкретные силы органов охраны правопорядка, расходы на которые нам достоверно известны. Преступник обязан возместить эти расходы. То есть, за работу органов охраны правопорядка он платит дважды. Первый раз за то, что граждане вообще вынуждены их содержать до момента совершения преступления. И за конкретную работу после этого рубежа.

Государство же выплачивает органам охраны правопорядка вознаграждение в виде заработной платы, равной минимальной заработной плате на производстве. Это меньшая часть дохода сотрудника органов. Большую часть составляет премия, вытекающая из соотношения зафиксированного ущерба к раскрытому на подконтрольной территории за какой-либо стандартный промежуток времени, например месяц. Для наглядности разберём на пальцах, начальная ставка премии сто рублей, зафиксировано один миллион рублей ущерба, раскрыто на полмиллиона ущерба, следовательно, к премии прибавляется минус пятьдесят процентов. Получите свой полтинник, распишитесь и работайте лучше. Конечно, возможны и обратные ситуации, когда к раскрытому ущербу добавляются давнишние преступления, но в долгосрочной перспективе это соотношение не может быть больше единицы, а в идеале должно ей равняться.

Что касается взыскания убытков с преступника. Приоритетом системы исполнения наказаний является взыскание убытков, понесённых гражданами, прямо или опосредовано, в виде налогов на содержание органов охраны правопорядка, с преступника. Наказание в виде поражения в правах преследует исключительно цель наискорейшего возмещения убытков и совершенно не преследует цели мщения или устрашения. Поражение в правах может выражаться в присвоении статуса государственного должника с ограничением расходов прожиточным минимумом, лишением права на отпуск, ограничением свободы передвижения маршрутом на работу и обратно, абсолютно необходимыми бытовыми перемещениями, лишением права посещать культурные мероприятия (театры и пр.), массовые мероприятия, участвовать в выборах. В случае, если преступник имеет доход, не обеспечивающий погашение задолженности в разумные сроки, либо уклоняется от возмещения ущерба, либо совершил преступление высокой социальной опасности, он может быть, решением суда, принудительно направлен на другую работу с лишением свободы либо без такового на срок полного погашения долга, по усмотрению органов системы исполнения наказаний. Во всех случаях базовая ставка оплаты труда осуждённого не должна отличаться от таковой же обычного гражданина на аналогичной работе, за исключением выплат за экстремальные условия работы, коих преступникам не положено.

В некоторых случаях защита от преступников возлагается на самих граждан, но органы охраны правопорядка и пр., обеспечивают взыскание убытков с задержанного гражданами преступника.

Например, карманники. Поймать их возможно только за руку, советская милиция такие преступления эффективно расследовать не может. С распоротыми сумками приходиться в отдел и требовать возмещения ущерба не надо. Зато если поймаете кого за руку, то можете написать в заявлении при сдаче преступника милиции, что в кошельке был миллион.

Что нам это даёт? Мы будем точно знать, на какую сумму и каких совершено преступлений, на какую сумму и каких предотвращено преступлений и на какую сумму и каких раскрыто преступлений. Равно как и общий размер расходов на содержание НКВД. В идеале наркомат должен приносить прибыль. То есть обходиться народному хозяйству дешевле воров. Я закончил.

– А как же с убийцами быть, товарищ Любимов? – спокойно спросил меня Сталин. – Как мы сможем компенсировать убитого человека? Тем более, сразу? Как потом взыскать с преступника?

– Товарищ Сталин, а кто будет платить пенсию семье, потерявшей кормильца? Кто возместит государству ущерб за убитого работника, который до пенсии мог бы трудиться? Кто, в конце концов, оплатит патрон, которым палач застрелит убийцу? Между прочим, «Русская правда» Ярослава Мудрого предусматривала виру за различные преступления. Видимо, неспроста.

– Переводить всё в деньги просто аморально! – возмущённо прозвучал ещё один голос, на сей раз женский. – Если преступник знает, что его покарают смертью, он ещё двадцать раз подумает, прежде чем решиться на убийство. А если ему надо будет всего лишь отработать деньги, пусть и большие?

– И вам доброй ночи, товарищ Артюхина, давненько не виделись, Александра Васильевна. А насчёт убийц так скажу. Их стреляют, вешают везде, во всех краях, а они всё не переводятся. Как и другие нарушители закона. Так отчего не попробовать другой подход? С паршивой овцы хоть шерсти клок! Нет! Я ни в коем случае ни на чём не настаиваю, но согласитесь, этот вопрос стоит широко обсудить в партии и пусть уж она решает, как быть. А не рубить с плеча единолично, вопреки советским принципам, как товарищ Берия.

– Ра-ра-раазрешите? – Щеглов, постучав в дверь и получив согласие, тихо-тихо вошёл в помещение.

– Доложите результаты, – эксперт ещё только открыл рот, а Берия, экономя время, уже предвосхитил его вопрос.

– До-до-докладываю, до-до-доставленный м-м-мне о-о-обра-азец о-о-один и-и-и в-в-взятый м-м-мною о-о-обра-азец д-д-два, со-со-со... – фраза для Щеглова видимо оказалась слишком длинной, – со-со-со...

У меня при этих звуках чуть глаза на лоб не вылезли! Неужели совпадают?!

– Рожай уже не томи!!! – не выдержал я.

– Соблюдайте порядок гражданин Любимов!!! – отозвался Берия.

– Нэ волнуйтэс товарищ Шэглов, пэрэдохнитэ, – одной фразой заставил всех замолчать Сталин.

Эксперт закрыл рот, сильно зажмурился, напрягся и, одним духом, быстро-быстро, ско-роговоркой выпалил.

– Совершенно не совпадают!!!

– Вот молодец! Это точно?! – воскликнули я и Лаврентий Павлович одновременно.

– А-а-абсо-олютно! По де-де-девяти п-п-признакам! Ка-ак и п-п-положено!

– Вы свободны, идите, – с явной досадой отпустил Щеглова нарком.

– Теперь, когда мы абсолютно точно знаем, что я это я, – медленно и отдельно произнёс я, повысив в конце голос, – может, выключим к чёртовой бабушке этот тыканый фонарь?!

– Допрос ещё не окончен, гражданин Любимов!

– Да хватит уже, Лаврентий Павлович! Не понимаю вообще, на что вы надеетесь.

Свет потух и в глазах воцарилась тьма, которую разнообразили сжимающиеся от периферии к центру зелёные круги.

– Поддерживаю, – впервые выступил Орджоникидзе, – мы так ничего не добьёмся.

– Зачем нужна была эта спешка? – воскликнул Берия. – Вы нарочно не дали мне подготовиться к допросу!

– Лаврентий, помнишь весной 32-го года, ты не дал мне назначить товарища Любимова главным конструктором центрального КБ? – спросил Орджоникидзе. – Тогда ты тоже ему не доверял. А что в итоге? В итоге товарищ Любимов не работал по специальности целых два года! Да каждый день его работы на вес золота! И я не шучу! Ты сам прекрасно знаешь, что с 31-го по 33-й мы полностью обеспечили моторами ЗИЛ строительство драг для Колымского золотоносного района и в прошлом году поставили рекорд добычи, положив в казну больше, чем за все годы советской власти вместе взятые! Не считая всего прочего. Два года, Лаврентий! Не слишком ли мы дорогую цену платим за твои ошибки?

– Предлагаю рассмотреть в ЦК вопрос об освобождении товарища Берии от занимаемой должности, – хмуро заявил Киров.

– Я готов понести любое наказание, но клянусь всем, что мне дорого, дело с Любимовым не чисто! Он скользкий, как угорь и ни с какой стороны его не ухватить, но я нюхом чую, что он не наш, он действует по какому-то своему плану с неизвестными нам целями! Моя интуиция меня не подводила ни разу! Надо дождаться прибытия специалиста по гипнозу и поработать с Любимовым ещё раз!

– Товарищ Берия, тут нужно что-то гораздо весомее вашей интуиции, – подал голос Кожанов. – И вы можете гарантировать нам, что ваш специалист, копясь в мозгах товарища Любимова, там ничего не вывихнет?

К этому времени мои глаза немного пообвыкли и я удивился представительности присутствующей при допросе делегации. Кроме уже названных, за столом сидел Ворошилов, а позади него – Молотов, которого вживую я видел впервые.

– Товарищи, товарищи! – я не на шутку испугался, хотя и делал в последнее время всё, чтобы события свернули именно на этот путь. – Нельзя товарища Берия отстранять! Нас же буржуазная пропаганда сожрёт с потрохами! Что это за страна социализма такая, где нарком внутренних полгода в должности удержаться не может?! Он ведь ещё только начал работать! Дайте же ему показать себя!

– И что же нам с вами двумя делать? – не скрывая раздражения, спросил Сталин. – Если вы друг без дружки не можете, а как вас сведёшь, так сцепляетесь сразу как бешеные?

– Может... – опасливо начал я, – провести через ЦК или совнарком решение, что меня нельзя без их санкции разрабатывать, а содействовать обязательно?

Ворошилов заржал.

– Щас! Держи карман шире! А контролировать тебя кто будет с твоими выкрутасами? Я как ту шестиствоку вспомню, так у меня по спине мурашки! Попомните мои слова, товарищи, если за этим деятелем не приглядывать, он точно изобретёт что то, чем можно уничтожить весь мир начисто!

– Если кто-то из членов ЦК посчитает возможным за меня поручиться, то обещаю отчитываться о своих действиях по первому требованию.

После моих слов повисла строжкая тишина. Неужели? А я-то уже думал, что я теперь как у Бога за пазухой! Неужели никто не рискнёт? Я рассчитывал на Кожанова, но поздно сообразил, что он в ЦК не входит. Артюхина? Хорошая женщина Александра Васильевна,

добрая, отзывчивая, только знает наверняка, что со мной не сладит, оттого и молчит. Ну, хоть Киров! У Мироныча свои тараканы в голове, хоть я ему и жизнь спас, а построение социализма важнее! Куда мне с такими немарксистскими заскоками? Орджоникидзе не подаёт голоса и его тоже можно понять. Наркомат тяжёлой промышленности вырос до столь огромных размеров, что ему чихнуть некогда. Где уж за мной уследить? А Иосиф Виссарионович всегда, как гордый орёл, парит над событиями.

– А и я, пожалуй, подам голос за Любимова и поручусь за него! – удивил меня до глубины души Ворошилов. – Всё под присмотром будет. У меня не забалуешь!

– Пятый час утра уже, – посмотрел на часы Киров, – предлагаю сейчас разойтись и собраться завтра, то бишь, уже сегодня, в ЦК, внеся в повестку дня поставленные вопросы. Товарищ Берия, прошу передать проект товарища Косова в конституционную комиссию для всестороннего обсуждения.

– А товарища Любимова надо отпустить домой. Он что-то неважно выглядит, – по сути, поддержал Сергея Мироновича Сталин, – За кого вы там просили, товарищ Любимов?

– За товарища Седых и за товарища Гинзбурга. Седых мой бывший командир в Грузии, его обвиняют, будто он Восточный Туркестан присоединить хотел. Так я в том ничего плохого не вижу, например. Другое дело, если бы он приказ нарушил. А за желания не сажают. А второй, товарищ Гинзбург, вроде как донос написал на директора ЗИЛа. Так он никуда не сбежит, а я дело себе беру и всё улажу по совести, на заводе я не чужой.

– Вот и этих товарищей освободите, товарищ Берия. Проспорили всё же, – усмехнулся в усы Сталин.

Баржа имени наркома. Пентаплекс.

Эпизод 1.

Взлетели мы ещё затемно, пользуясь электрической подсветкой полосы Центрального аэродрома, должной демонстрировать достижения самого многочисленного и передового Гражданского Воздушного Флота в мире, принадлежащего, без преувеличения, великой стране. Сидя на месте отсутствующего в этом экипаже штурмана грузового АНТ-9 я, через панорамное остекление передней кабины, по мере набора высоты, наблюдал, как одесную от меня небо сперва посерело, наливаясь со временем малиновым светом и, наконец, показался густо-жёлтый краешек солнечного диска, несущего новый день, пятнадцатое мая тысяча девятьсот тридцать пятого года. Подумалось, глядя на неумолимо движущуюся подо мной по земле алую волну, прорывающуюся вперёд по вершинам, заливающую поля и добивающую последние остатки вчерашней тьмы в низинах и оврагах, что именно в таком ключе буржуазным обывателям должны сниться кошмары о вторжении Красной Армии в Европу. А симпатизирующим СССР гражданам, наоборот, мерещиться наступление того самого, воплощённого в Солнце, светлого будущего.

Восхититься же столь величественным зрелищем я смог, благодаря, в том числе, своим собственным усилиям. Ведь самолёт, который нёс меня сейчас в ставший уже почти родным Ленинград, был совсем необычным! Все прочие АНТ-9 были трёхмоторными, а этот нёс всего два 630-сильных дизеля Д-16-2А. Шифр «А» означал сразу и «авиационный», и «алюминиевый», и «Акимов». Последнее – по заслугам. Женя был настоящим фанатом этого мотора. Поняв с самого начала, что не сможем тягаться в мощности двухцилиндрового оппозитного блока с подошедшими к рубежу в тысячу лошадиных сил Чаромским и Микулиным, мы с моим «замом по науке» с самого начала выбрали самолёт, которому предназначен мотор. И сделали упор на дешевизну в изготовлении и эксплуатации, освоенность наземными службами, надёжность и ресурс.

А ещё всё удачно совпало. Дизель АЧ-130-2, который шёл на массовые АНТ-9 ГВФ снимался с производства даже в Воронеже, потому, что Московский авиамоторный завод, перейдя на АМ-36, такой же размерности, но изменённой конструкции, прекратил поставки комплектующих. В Воронеже в серии остался только АЧ-100-2, кооперация по которому шла с ЗИЛом, а как резерв – с ХПЗ. У нас же уже больше полугода как отрабатывался во всевозможных вариациях 160-й блок, оснатив который алюминиевым корпусом и добавив в конструкцию другой редуктор, мы получили авиамотор. Да мы, ради унификации, даже топливную аппаратуру не стали трогать, воспользовавшись готовой с чугунного варианта, изменив только момент впрыска под керосин и потеряв на этом почти сотню лошадиных сил. Зато, имея на самолёте два мощных мотора вместо трёх послабже, ГВФ экономил на треть дефицитные ТНВД. В мастерских этой организации в Филях организовали малосерийную, но достаточную для нужд «Аэрофлота» постройку моторов почти полностью, включая литьё лёгкого металла. Только сбалансированные шатунно-поршневые группы должен был поставлять МССЗ, директор которого Белобородов, конечно же, был резко против. Пришлось припомнить ему зимнее происшествие и поинтересоваться каким это образом жена моего «зама по науке» оказалась в разгар рабочего дня дома и что директор за это поимел. Поняв, что с живого с него не слезу, Белобородов засвидетельствовал перед руководством в письменном виде своё согласие на кооперацию по авиамоторам.

Новый двигатель, хоть и был жидкостного охлаждения, всё так же удачно вписывался в толстое крыло АНТа, имея широкие и низенькие радиаторы врезанными прямо в переднюю кромку. Первый экземпляр, впрочем, полетел не на АНТ-9, а на АНТ-14. Том самом, на котором я возвращался из Ленинграда в прошлый раз. Как раз в начале апреля. Новый движок хорошо спелся со старыми и, погоняв его немного для очистки совести на всех режимах и убедившись, что контрольные параметры в норме, опираясь на богатый опыт эксплуатации двигателей такого типа, приёмная комиссия ГВФ прямо в воздухе, в один день подписала акт испытаний. После этого двигатель сняли и переставили, на пару с вновь изготовленным собранием, на безмоторный, по причине износа «сердце», грузовой АНТ-9, оборудовав в носу просторную, полностью застеклённую кабину штурмана. Этот самолёт, предназначен формально для определения ресурсных параметров, но, подозреваю, дожидаться, пока он налетает положенные часы никто не будет и модернизация пойдёт полным ходом уже в ближайшее время. АНТ-14 же «отдали на растерзание» Акимову, который, по примеру создаваемой нами судовой установки для «Фрунзе», попросил попробовать внешний наддув для Д-16-2А, надеясь отыграть этим ту сотню коней и значительно поднять высотность. По замыслу Жени, на каждой плоскости АНТ-14, между основными двигателями, должен был ставиться 140-сильный «воздушник» АЧ-100-2, работающий исключительно на компрессор и питающий воздухом через короткие магистрали себя и соседей.

Как тут не вспомнить ТБ-7 с его АЦН? Ведь мы, по сути, пришли с Акимовым к тому же самому, только иным путём! И примерно в то же время, как и в эталонной истории! Невольно начнёшь тут думать, что если не судьба, то какие-то коридоры событий и идей существуют и всё происходит именно в своё время несмотря ни на что. А ещё, в подарок к Первомаю, самолёт РД с двигателем АМ-36 Микулина поставил рекорд дальности в полёте по замкнутому маршруту, намотав 12 тысяч километров. Значит скоро и в Америку полетит.

Только, как же тогда я со своим попаданством? Не поэтому ли на меня все местные наркомы внутренних дел ополчились? Реальность стремится отторгнуть инородное тело? Хотя, если подумать, сколько мне здесь просто везло... Впрочем, чекистов-то я очень даже понимаю. Лезет здесь один такой к Самому, а кто, откуда – непонятно. Это же прямой вызов профессионализму любого сотрудника органов! Я просто как бельмо на глазу. Я каждым своим шагом на свободе им прям в душу плюю! И наивно думать, что Берия успокоится, даже получив пря-

мой запрет ЦК меня трогать. Дел больше, может, никаких не будет, а вот подсматривать и подслушивать, ожидая, когда проколюсь, будут как пить дать!

Кстати, Лаврентий Павлович, раскритиковав в пух и прах на конституционной комиссии проект уголовного кодекса старшего лейтенанта госбезопасности Косова, по сути, вышел из истории начала апреля без существенных потерь. Может, осадок у кого и остался, но никаких взысканий ему не последовало. Косов тоже ничуть не пострадал, даже был обласкан несмотря на то, что его проект «завернули». Попытка рельефно выявить работу НКВД, направленная, прежде всего, на устранение найденных недостатков, пошла в зачёт. Более того, удовлетворили мою просьбу назначить старлея моим заместителем в моторный отдел промышленного управления ГЭУ. Надо же было кому-то подписывать официально документы, пока начальник, напрочь простуженный после тюремного купания, барахтается между тем и этим светом. Спасибо Полине, вытащила своими отварами и настоями мой избалованный позднесоветской медициной, на которую пришлось моё детство и «ударными» дозами лекарств в дальнейшей, не прощающей болезней жизни, организм из цепких лапок хвори.

Ещё один участник тюремного приключения, Апполинарий Седых, приглашённый мной в гости по тому случаю, что его семья оставалась в Алма-Ате и чувствующий себя, поначалу, ничуть не лучше, оправился заметно быстрее меня и убыл в почётную ссылку без понижения в звании и должности, к новому месту службы на самый Дальний Восток, возглавив там погранотряд. Мой бывший командир теперь имел полное право гордиться тем, что защищал границы СССР со всех направлений, начав с финской, через Грузинскую войну, Восточный Туркестан, добравшись до Приморья.

Гораздо сложнее история закрутилась с Гинзбургом, потерявшим статус подозреваемого и осложнившим этим всем нам жизнь. Кобулов, доброй души человек, передал дело Рожкова-Гинзбурга, по моей же давней просьбе, моторному отделу. Когда Косов ввалился ко мне в изолятор лагерного лазарета, где я отлёживался чтобы никого не заразить, я уже по лицу понял, что случилась беда. После его рассказа я осознал и масштабы. Дело в том, что Гинзбург действительно написал заявление. И там действительно говорилось, что Рожков всячески препятствует снятию с производства серийного Д-100-4 и замене его на «вертикалку». Но потом, потом русским по белому было написано, что препятствует он, влияя на своё руководство в НКТП, а то, в свою очередь, хоть и создало совместную комиссию с НКО, никак не решит, какой мотор предпочесть. Гинзбургу было уже, по сути, всё равно, какой именно танк делать, но определённости не было! КБ подошло вплотную к стадии детальной проработки проекта и встало. К настоящему моменту ситуация длится уже почти четыре месяца! СССР что, танки не нужны? ЗИЛ даже Т-26М перестал выпускать, полностью перейдя на гаубичные самоходки на его базе и тяжёлые пушечные броневики!

А от кого же решение зависит? Фамилия «Пятаков» мне ни о чём не говорила, он представлял НКТП, а вот начальник Главного Автобронетанкового Управления РККА Тухачевский был фигурой! На такого просто так, без веских аргументов, не попрёшь. И знаю, что с гнильцой, а не подберёшься, больно высоко сидит. В общем, ситуация, как у Берии со мной.

Вот ведь как получается, партийную оппозицию, выдавшую себя в ходе войны в Грузии, зачистили. Военных, после того, как я привёз из Австрии чемодан компромата, прижали. Но касалось это, почему-то, исключительно «технических» направлений. Слетели за вполне конкретные, осязаемые и натурально доказанные ошибки и даже преступления начальники ГАУ, УММ РККА, ВВС КА. Но никакой «политики» в этих делах не светилось! А заговор-то военных был! По крайней мере, лучше рассчитывать на худшее, даже если не было. И замешаны там были начальники, как минимум, Киевского и Белорусского округов! А Берия «строєвых» краскомов как-то не трогает. Да и контрразведка флота тоже тише воды, Кожанов молчит. Что мне делать в такой ситуации? Копать? Кем и чем? Если один этим буду заниматься – сожрут. А может у чекистов или моряков свои на том поле сейчас комбинации и я, влезая, им

всю малину обгажу? В общем, едва оклемавшись, я от этой суеты просто сбежал. Надо крепко подумать, а для этого нужно время.

Хорошо, что моё желание временно устранившись от чекистских дел полностью совпало с желанием моих начальников убрать меня с глаз долой. Через три дня после моего выздоровления я получил приказ отправляться в командировку в Ленинград и заняться крейсером «Ворошилов», чему был несказанно рад. За эти дни, стоившие мне немалых нервов, я успел организовать показательные «внезапные» экзамены своих «выкормышей» по юридической, физической, стрелковой подготовке и устройству ДВС, доказав на деле Кобулову и Меркулову их профпригодность для работы в моём отделе. Предъявив под конец прошедшую через руки и головы «академиков» зенитную шестиствольную пушку с системой подогрева от автономной печки, я окончательно склонил чашу весов в свою сторону и отдел ДВС получил долгожданное пополнение.

Оставив на хозяйстве Косова, поставив ему задачу самостоятельно укомплектовать отделения и приступить к сбору интересующей нас информации в подконтрольном секторе, я сейчас летел на север. Ещё раньше, три недели назад, только получив известие, что «Ворошилова» поставили на завод и начали «потрошить» изымая дефектные турбины, я распорядился, параллельно с изготовлением малой опытной серии Д-16-16 на МССЗ, отправить полный комплект документов на «Русский Дизель» чтобы там тоже приступили к работе по новому мотору. МССЗ должен был дать пять моторов, последний из которых будет готов через четыре дня, а «Русский Дизель» – десять, но к концу мая. Ленинградцам, понятно, без чуткого руководства создателей мотора тяжелее, но 13-ю серию там уже худо-бедно освоили, отправив первые валовые изделия на заводы речного судостроения, а степень технической новизны между моторами практически нулевая. Разница в размерах да в количестве некоторых деталей, остальное полностью подобно, справятся.

Эпизод 2.

В этом доме жил Пушкин. А в этом Миклухо-Маклай. Прогуливаясь пешком от улицы Труда по Галерной в сторону Адмиралтейского завода, я, по памяти, отмечал на фасадах места, где в будущем появятся мемориальные доски. Приходилось мне здесь частенько бывать в «прошлой жизни» и вот опять приходится идти теми же дорогами и улицами, подмечая различия, но, по большей части, удивляясь тому, как мало меняется облик трёхсотлетнего города.

Впрочем, к настоящему моменту Петербург-Ленинград на семь десятков лет моложе. И ворота в проёмах арок ведущих во дворы сплошные деревянные, с пешеходными калитками, окованные по краю железом. Но всё также тиха сама улица, зато в вымощенных брусчаткой дворах, подальше от посторонних глаз, жизнь кипит вовсю, особенно по вечерам, когда из заводских ворот выплёскивается река уставших за смену мужиков и, разбиваясь на ручейки, совсем растворяется в каменных джунглях.

Взглянуть на всё это изнутри у меня получилось исключительно благодаря заботе наркомата ВМФ, выделившего мне из своих резервных фондов комнату в коммуналке в доме, стоявшем вторым с конца Галерной, в двух шагах от заводской проходной. Эта жилплощадь обычно временно предоставлялась флотским командирам или специалистам, приезжающим на завод в длительные командировки, например, для приёма вновь построенных кораблей, а сейчас, по полному праву, оказалась в моём полном распоряжении.

Окно во двор, достаточно места чтобы поместились шкаф, кровать, письменный стол и пара стульев, длинный тёмный коридор, едва освещаемый скудным светом тусклых электроламп, со всяким хламом вдоль стен, среди которого преобладали лыжи и детские санки. Коляски и пара редких по нынешним временам велосипедов, в связи с тёплым сезоном, сейчас ночевали прямо в парадной. Откровенно говоря, мне, привыкшему уже жить в своём доме

достаточно просторно, здесь было тесновато. Что уж говорить о рабочих, которые ютились в таких комнатах целыми семьями? Поэтому и людно во дворе, дом просто выдавливал из себя жильцов, невольно создавая атмосферу единой общности, одного коллектива. «Соседи» здесь значило гораздо больше, чем в моём 21-м веке, когда люди, живущие в одном подъезде много лет, могли вовсе не знать как друг друга зовут. Здесь же неизменный «женсовет» на лавочках, мужики поодаль за столом со своими играми и разговорами, и, конечно, дворовый гармонист, всего лишь раздув меха, разом объединяющий оба междусобойчика. Посреди всего этого носится малышня, вечно норовящая побаловать, залезть на чердак или устроить драку с ребятами из соседнего двора.

Вот и сейчас, пройдя через арку и повернув ко входу направо, а едва не упёрся в широкий круп дородной Глафиры Сергеевны, работающей поваром в заводской столовой «Судомеха», вообще-то очень доброй и отзывчивой, особенно на ласковое слово, женщины, решившей, однако, именно сейчас проявить строгость по отношению к своему сынишке-сорванцу.

– Сколько ты меня ещё позорить будешь?! Ты зачем в пса камнями кидал? Что он тебе сделал? Или ты хочешь, чтоб к нам во двор ворьё какое-нибудь шастало?

– А чего он на меня лается? – не понять, пожаловался или попытался оправдаться парнишка.

– Он на всех лается! Зато слышно, как кто-то заходит к нам! А теперь что? В будку забился и нос не высовывает! Что теперь делать, скажи мне? Тебя дворнику Степанычу отдать, чтоб на цепь посадил? А знаешь, отдам-ка я тебя лучше товарищу Любимову из 415-й! Пусть заберёт и увезёт куда Макар телят не гонял. Уж он-то тебя так выпорет, не то что папка, розгами с солью! Враз задница покраснеет! И будешь у него в углу стоять, пока человеком не станешь! А я отдохну.

– Не надо! – расплакалось чадо.

– Обещаешь, что баловаться больше не будешь?!

В общем, картина ясная. Вот только на моё появление без предупреждения запуганного дворового бобика, мамаша никак не рассчитывала. А у меня память, словно гейзер, долго спящий, зато потом бьющий высоченным фонтаном, вдруг стала выдавать текст, будто мне просто кто-то диктовал. Слова из детства рвались наружу сами собой.

– К сожалению, бывает, что милицией пугают непослушных малышей.

– Ой! – Глафира Сергеевна подскочила и, развернувшись в прыжке, чем вызвала моё неподдельное изумление, приземлилась уже лицом ко мне, но её нижняя челюсть закончила своё движение чуть позже и так и осталась в нижней точке.

– Как родителями не стыдно! Это глупо и обидно! Я когда такое слышу, то краснею до ушей!

– Товарищ Любимов извините Христа ради... – теперь уже женщина чуть ли не плакала.

– Подожди, подожди... – прервал я её выхватывая из памяти первое слово, за которым, словно нитка с разматывающейся бобины, потекли остальные.

– В доме восемь, дробь один, у заставы Ильича...

Я декламировал, практически без запинки и мне самому до ужаса было интересно, сколько я вот так смогу выдать. Расхаживая взад-вперёд в углу двора я говорил и говорил, собрав вокруг себя большую толпу.

– Я на флот служить пойду, если ростом подойду, – в горле пересохло и я, наконец, замолчал.

– Во даёт! Прямо на ходу! – с нескрываемым восхищением воскликнул поляк-клепальщик Станислав Каминский и тут же отвесил лёгкий подзатыльник трущемуся здесь же сыну Сашке. – Не то, что ты, неуч! Два четверостишья выучить не можешь!

– Это не я, это Михалков написал, – сообразив, что «Дядю Стёпу» эти люди слышат впервые, я поспешно ретировался, отговорившись одолевшей жаждой. Лопухнулся. Всё выкру-

тасы памяти виноваты. Чем дальше, тем больше шалит. Самых обычных вещей уже вспомнить не могу, скажем, как в метро карточкой на проход пользоваться, а стихи из детства прям с языка сыплются. Причём, я абсолютно уверен, что не сделал ни единой ошибки! Да что там! Я вообще будто книгу перед глазами держал и читал! Даже с картинками! Хорошо ещё, что вовремя остановился. «Про войну и про бомбёжку» – это уж слишком много потом ответов на неудобные вопросы давать придётся. Вот бы теперь так для дела что-то полезное вспомнить.

Последняя мысль заставила меня кисло усмехнуться. Вот почему именно там где надо, приходится полагаться исключительно на свои силы? Уже месяц мотаюсь между пятью ленинградскими заводами, только три из которых работают непосредственно по моему профилю. «Русский дизель», моя вотчина, попил крови немало, заставив отвлечься от железа и заняться людьми. Пришлось разбираться с браком, абсолютно нехарактерным для других заводов, а именно, с кривыми коленчатыми валами. На общем фоне, если брать скопом все случаи выявления брака, совсем незаметно. Но так уж вышло, что три из пяти первых ленинградских 16-х оказались некондицией, годной, разве что, в качестве учебных пособий. Причины неработоспособности моторов выявились сразу же после разборки, а недолгое разбирательство привело к двум очень, очень уважаемым и авторитетным мастерам. Дядьки были в глазах своих более молодых коллег практически непогрешимы. Но вот возраст их перевалил за пенсионный. И, видимо, уже здоровья, зрения, твёрдости рук не хватало работать так же аккуратно, как раньше. Моё распоряжение отправить стариков на заслуженный отдых встретило бурный протест всего коллектива и парторганизации в первую очередь. Там не видели худа в том, что выпускают бракованные моторы, ведь можно компенсировать убытки, подняв цену на годные! А заслуженных стариков-пролетариев, участников революционной борьбы, обижать увольнением нельзя! Здесь как под ярким светом, проступили черты, характерные именно для ленинградских трудовых коллективов с их преклонением перед высоко квалифицированным трудом и индивидуальным мастерством, отрицанием автоматизации и поточных методов. Считалось, чем больше рабочих на заводе – тем лучше, в полном соответствии с действующей идеологией, а внедрение передовых методов организации труда и новых механизмов, особенно автоматов и полуавтоматов, этому принципу в корне противоречило.

Пришлось убеждать, уговаривать и даже угрожать возбудить уголовное дело, благо в секторе моего «моторного» отдела. В результате удалось сплавить ветеранов на преподавательскую работу на курсы повышения квалификации при заводе, заменив их более молодыми, но тем не менее, опытными мастерами. И озадачить всех, до кого я мог дотянуться, от технологов «Русского Дизеля» до Петра Милова в ЦНИИМаше и моего подконтрольного станкостроительного спецКБ, в отношении сварки трением, что позволило бы собирать ручную коленчатые валы из меньшего количества более крупных деталей-полуфабрикатов, приваривая сразу по две чугунных шейки к одной стальной щеке.

Проблема с валами, минимально, была решена и даже появились перспективы внедрения новой технологии, но время упущено. Плюс ко всему, опытные 16—16, что московские, что ленинградские, показали на испытаниях от 3800 до 3900 лошадиных сил, вместо расчётных 4000, но менять что-то в конструкции, которую мы явно чуток перетяжелили, было уже поздно.

Поздно потому, что на заводе «Судомех», славном своим точным бронзовым литьём, а теперь ещё и поселившемся там КБ гидравлических редукторов под руководством Кудрявцева, уже собрали на берегу макетную гидромашину для определения реальных параметров, на которую пришлось ставить все пять моторов московского выпуска. Которые, кстати, пришлось трое суток везти в Ленинград на грузовиках, так как железная дорога не принимала 25-тонный груз, требуя увеличить его, минимум, вдвое.

Ещё на этапе проектирования я, хоть и не вдавался в подробности, особо оговорил запас на регулировки расположения дизелей на фундаменте. Но когда я увидел всю конструкцию воочию, разругался с Кудрявцевым вдрызг. Пять моторов были смонтированы параллельно

гребному валу следующим образом: три мотора в нос от гидротурбины и ещё два по бокам от вала в корму. При этом никаких проходов между центральным мотором передней тройки и боковыми движками предусмотрено не было! Я, конечно, могу понять стремление гидравликов сделать всё как можно компактнее, сократив потери на трение жидкости в трубопроводах, сделав их как можно короче, но если надо что-то отрегулировать, или, не дай Бог, поломка? Моё требование снять этот мотор и обеспечить нормальный доступ к остальным агрегатам, было отклонено как Кудрявцевым, так и представителем наркомата ВМФ из-за того, что сама гидромашинка показала КПД всего 80%, заметно ниже расчётного, выдав максимальные 15500 лошадиных сил на гребном валу. Фактически, вся мощность одного из моторов на полном ходу тратилась на разогрев жидкости. Убрав же один дизель из упряжки, мы бы не достигли мощности равной паровым турбинам «Червонной Украины», «Красного Кавказа» или «Профинтерна». Я попытался продвинуть идею форсажных моторов, повысив мощность двух из четырёх двигателей до 5750 лошадиных сил при ресурсе в 100 часов. Четверо суток полного хода, в принципе, при разумном подходе, должно хватить на все случаи жизни. Предложение было принято, но в извращённой форме. В окончательном виде агрегат должен был иметь всё те же пять моторов, три из которых должны быть форсажными и два крейсерскими, общей расчётной мощностью на гребном валу 19950 лошадиных сил, что значительно превышало мощность единичной турбины «Профинтерна». Проблема доступа к моторам, которые большую часть времени не работают, при таком раскладе, теряла свою остроту. Впрочем, форсажные движки ещё предстояло создать.

Пока Кудрявцев гонял на берегу опытную гидромашину, попутно обучая на ней прибывших краснофлотцев будущего экипажа опытного судна, «Судомех» занимался изготовлением ещё двух таких же, полируя все доступные внутренние полости. Этим механизмам было суждено выйти в море в составе силовой установки настоящего корабля. Сам недостроенный крейсер «Ворошилов» приводили в порядок тут же по соседству, на Галерном острове, только уже на судостроительном заводе имени А. Марти. Подготовительные работы были начаты ещё в Кронштадте, где корпус корабля простоял с середины двадцатых годов, имея в экипаже единственного человека, отставного унтер-офицера императорского флота, участника Русско-Японской и Мировых войн, уволенного по ранению ещё при царе, Николая Осиповича Кононова. Не знаю, встречаются ли среди других народов люди, способные годами поддерживать в порядке закрытую взлётно-посадочную полосу, как Сергей Сотников, на которую однажды сядет аварийный самолёт, или как этот старик, устроивший в занятой им каюте капитана монашескую келью, но в одиночку содержавший недострой в исключительном порядке, в надежде, что однажды он выйдет в море под военно-морским флагом. При эвакуации из Ревеля, на корабль была погружена оснастка и ценное оборудование судостроительного завода, часть которого так и осталась лежать на борту, но была строго учтена и укрыта. В корпусе, выше ватерлинии, особенно в палубах, не хватало множества заклёпок, часто четырёх из каждых пяти. Было видно, что строители спешили привести корабль в минимально плавающее состояние, чтобы его можно было отбуксировать из опасной зоны. Теперь, каждое отверстие было забито деревянным чопиком и ни малейшей течи нигде не было. Такой же порядок царил во внутренних помещениях, которые просто обойти семидесятилетнему старику стоит великих усилий.

Комиссия, осмотревшая корпус в Кронштадте, нашла, что тот находится в хорошем состоянии, чего нельзя сказать о механизмах. Две турбины смежных центральных валов имели трещины в роторах высокого давления и были непригодны к работе, бортовые выглядели лучше, но на всём корабле нечем было выработать пар. В котлы, куда у Кононова не доходили ни руки, ни ноги, через дымоходы попадала дождевая вода, вызвавшая внутри неиспользуемых агрегатов сильную коррозию. Множество трубок требовало замены, а сами котлы – чистки. По признанию судостроителей завода имени Марти, им было бы проще изготовить котлы

заново, чем отремонтировать этот металлолом. В сухом остатке это означало, что для приведения корабля в состояние, годное для самостоятельного плавания, требовалось не только установить дизель-гидравлические ходовые машины на центральные гребные валы, но и дизель-генераторы вкупе с новой электрической рулевой машиной. Шпили, помпы и иными вспомогательные механизмы частью отсутствовали вовсе, частью требовали ремонта или замены. В общем, работы непочатый край. А если ещё учесть задержки с поставками не предусмотренных планом комплектующих, то «Ворошилов» не ранее конца лета будет готов к выходу в море.

Пока продолжается вся эта суета, сторожу Кононову разрешили жить на корабле, чему он был несказанно рад, несмотря на круглосуточный стук пневмомолотов клепальщиков. Просто податься старику было больше некуда. Я взялся было, используя выход на наркома ВМФ, похлопотать за ветерана, но тот сам отказался переезжать в город, мотивируя это тем, что не найдёт себе полезного дела по силам, а иждивенцем быть не хочет. Старик мечтал стать, например, смотрителем маяка, чтоб и место тихое и занятие по плечу. Пожелание в наркомате ВМФ приняли к сведению и вскоре оттуда пришёл ответ, что имеется возможность трудоустроить Николая Осиповича Кононова, учитывая его заслуги и пожелания, смотрителем маяка в строящемся пункте базирования ТОФ в бухте Находка. Расценить это иначе, как попытку уклониться от решения вопроса, было просто невозможно, однако, ветеран флота неожиданно согласился и даже обрадовался.

– Не переживай, Семён Петрович, – успокаивающе улыбнулся он в «макаровскую» бороду, – На нашем берегу я всюду дома. Заодно и места, по молодости знакомые, посмотрю. И на самолёте повод прокатиться хороший, не трястись же мне старику поездом целый месяц. Спасибо тебе за хлопоты, уважил.

Эпизод 3.

Чтобы мне не мотаться по городу пешком, теряя кучу времени, между Выборгской стороной и Галерным островом, в моё распоряжение Балтфлотом был выделен катер. И не абы какой, а туполевский алюминиевый глиссер Ш-4, с парой М-17 в качестве главных механизмов. К моему удивлению, моторы были выпущены в Рыбинске в начале этого года и установлены на кораблик, взамен изношенных, перед самым открытием навигации. Командовал «поплавок» лейтенант Арсений Волков, мечтающий получить под командование «настоящий» 30-тонный катер, из тех, что пошли на флот пару месяцев назад. А то и, чем чёрт не шутит, большой 80-ти тонный «торпедный крейсер». Летёха, узнав, кому он служит извозчиком, все уши мне прожужжал описанием скучной службы глиссеров, которых уже почти совсем в портовую «обслужу» списали, даже боевую подготовку не проводят и чуть ли не после каждого посещения «Русского дизеля» спрашивал о темпах отгрузки моторов флоту. Пришлось мне даже чуть-чуть придержать фантазию моряка, заметив ему, что в соответствии с двумя недавними решениями наркома ВМФ, которому осточертели заминки промышленности, с апреля 1935 года, в соответствии с первым из них, любой новый проект корабля мог включать в себя только серийные образцы вооружения, механизмов и средств связи, а второе лимитировало установку не более чем двух дефицитных ходовых дизелей на один корабль. В итоге проект большого торпедного катера опять попал в переработку. На сей раз, надо было впихнуть в него два более габаритных, особенно в высоту 16-х мотора вместо четвёрки 13-х. В первоначальном же, четырёхмоторном виде уже построили для СФ на Соломбальской верфи всего шесть ТКА.

Однако, надо сказать, что создать соответствующее настроение у Волкова получалось, поэтому я исправно передавал «эстафету» руководству моторостроительного завода, а то, в свою очередь, накручивало трудовой коллектив. К великому облегчению последнего, существовал ещё Балтийский завод, по гроб жизни обязанный наркомату ВМФ за срыв сроков модернизации «Фрунзе». На линкоре, стоящем сейчас в сухом доке, работы велись круглосу-

точно, в чём я имел возможность убедиться лично. Корпус в подводной части буквально облепили десятки сварщиков, которые вручную проваривали зачищенные после проточки зимнего брака швы булей и третьего дна. А вот выше верхней палубы дредноут наоборот, лишился многого. Точнее всего, кроме орудийных башен, которых осталось только три. В соответствии с проектом модернизации, который был наглядно оформлен в виде макета и выставлен на всеобщее обозрение прямо возле дока, первая башня переносилась на место второй, уехавшей на дальний восток, но устанавливалась стволами вперёд. Бывшая третья башня заимствовалась с затонувшего линкора «Императрица Екатерина Великая», но тоже разворачивалась в обратную сторону, стволами назад. И лишь последняя башня избежала разворотов и перемещений, оставаясь как есть. Радикально менялись очертания носовой части корабля. Теперь от первой башни, ради обеспечения мореходности, палуба на большом протяжении плавно поднималась в нос к высокому изогнутому форштевню. На баке линкора, пожалуй, теперь и в футбол можно будет играть. Противоминный калибр, взамен снятых 120-ток Виккерса, должны были составить 130-миллиметровые Б-7 на тех же самых местах. А вот зенитное вооружение размещалось в три яруса на палубе и единственной центральной надстройке, установленной между башнями главного калибра, там, где у прежней «Полтавы» стояла вторая дымовая труба. Нижний ярус составляли восемь спаренных, со стволами в одной люльке, 100-миллиметровых пушек, таких же, какие должны были пойти на первые советские эсминцы проекта 7. Сгруппированные попарно, с постом наводки на каждую пару установок, они составляли «дальний» зенитный калибр линкора. Выше был ярус, как было сказано в пояснительной табличке, «двухблочных 45-миллиметровых автоматов», которых также было восемь. Ещё выше устанавливалось всего шесть, из-за недостатка места, малокалиберных автоматов. Венчали же надстройку, боевая, ходовая рубки и мачта с единственным КДП главного калибра. Кроме надстройки, на палубе, между кормовыми башнями, над машинным отделением, вдали от любых средств наблюдения за обстановкой, торчала небольшая, по сравнению с прежними, дымовая труба.

Подивившись на радикально изменившийся внешний вид линкора и поплевавшись из-за столь бестолкового разбазаривания драгоценных ресурсов, я неосмотрительно ввязался в постройку тех самых понтонов «по образу и подобию ПМП», которые посоветовал Кожанову. Может нарком и не имел задней мысли, когда попросил меня заглянуть на Балтийский, готовый в счёт неустойки за линкор работать над чем угодно, и поподробнее объяснить свой «проект». Заглядывать пришлось не раз и не два, а когда я сообразил, что влез по уши в постройку плавбатарей, сдавать назад было уже поздно. К счастью для меня, на заводе имелся весьма квалифицированный коллектив конструкторов, мне оставалось только правильно сформулировать задачу. Так как изначальное объяснение, что требуется разборное плавучее основание для пушки, не встретило однозначного понимания и вызвало самые различные контрпредложения, которые, однако, исключали получение в итоге, кроме плавучей пушки, тяжёлого быстросборного моторизованного понтонного парка, ценность которого для танковых соединений просто исключительна, пришлось танцевать именно от него, сделав небольшие коррективы. Понтон-раскладушка, перевозимый тяжёлым полноприводным грузовиком ЯГ-10В, допускающий движение через центральную часть палубы танков Т-35, а по боковым частям грузовиков ЯГ-15, достаточно крепкий, чтобы не деформироваться при проходе техники даже если его торцевая часть касается грунта, а самое главное, быстро стыкующийся с точно такими же понтонами с любой стороны, вызвал минимальное количество вопросов и пререканий. Зато последовал упрёк, мол, сразу бы так и сказали, нечего тут секретность разводиться. В плавучую батарею всё равно никто не поверит.

Решение подобных задач приводит к одним и тем же результатам. В итоге, уже в конце мая был готов не только проект, но и, работая ударными темпами, сняв целых четырёх сварщиков с «Фрунзе», чтобы могли парами работать в две смены, приступили к изготовлению первого понтона. От своего прототипа, речного звена ПМП, он, прежде всего, отличался угло-

ватыми плоскими формами без плавных изгибов, принятыми в ущерб гидродинамике ради простоты и технологичности, да абсолютно ровной, на чём я особо настаивал, в разложенном положении палубой, если не считать «тротуаров» – крайних, откидывающихся вниз при боковой стыковке, частей понтонов. Они возвышались над общей плоскостью сантиметров на десять, образуя отбойник, который должен предотвращать скатывание машин в воду при движении по мосту. Когда же понтоны стыковались боками, «тротуары» откидывались вниз и общая палуба оставалась абсолютно плоской, что было необходимо для монтажа на ней рамы под оружейный станок.

27 мая, когда стали окончательно ясны размеры палубы и грузоподъёмность единичного понтона, появился повод навеститься на завод «Большевик», занимающийся выпуском 130-мм и 180-мм пушек, где руководство, в лице директора Руды и главного инженера Романова, уже было заранее предупреждено и давно меня поджидало. Конечно, новейшую Б-7М с какими-то цифрами, мне для баловства выделять никто не собирался. Посчитали, что довольно будет опытной переделки шестидюймовки Канэ с углом возвышения ствола аж целых шестьдесят градусов, имеющейся в «кунсткамере» завода в единственном числе и поэтому никому не нужной. Заряжать, правда, в таком положении пушку было крайне затруднительно, если вообще возможно. Зато она лишь незначительно превышала по силе отдачи и реакции на опору стандартную «стотридцатку», вес же самой системы был даже немного меньше. Прикинув входящие данные, мы, то есть я и выделенная из «лафетного» отдела артиллерийского КБ небольшая группа молодых инженеров, решили перестраховаться и применить в качестве плавучей опоры сразу четыре понтона вместо вполне достаточных трёх. Дополнительным побудительным мотивом было то, что на Балтийском заводе первые понтоны делали неразборными, без возможности разделить их на две половины вдоль продольной осевой линии.

Это обстоятельство дало мне возможность просто обосновать необходимость нижней рамы-паука, накрывающей всю палубу плота восемью радиальными коробчатыми станинами через каждые 45 градусов, расположенные со смещением в 22,5 градуса относительно продольной и поперечной осевых линий оружейного плота. По периметру палубы, не захватывая, однако, «тротуары», для чего между ними и палубой заранее был предусмотрен особый зазор, стягивая все четыре понтона в единое целое, располагались силовые поперечные связи в виде уголков из девятимиллиметровой стали.

– Товарищ Любимов, почему орудие прямо к палубе болтами не прикрутить, как это обычно и делается? – вопрос, молча поддержанный остальными, был вполне закономерен.

– Что будет, если поставить танк на грунт катками вовсе без гусениц? Он провалится! А стоит нам одеть траки и давление перераспределится на большую площадь. В нашем случае это означает, что отдача воздействует на плот в точке опоры, в самом центре, он стремится прогнуться и нагрузка ложится на соединительные замки понтонов, которые её не выдержат, во всяком случае, многократно. Усиливать и утяжелять их нельзя, они должны открываться и закрываться одним человеком вручную. Вот здесь нас нижняя силовая рама и выручит, распределив нагрузку на всю площадь палубы оружейного плота. К тому же, из-за небольшой осадки, горизонтальной составляющей отдачи плот будет просто сносить в сторону, противоположную направлению выстрела. Это значит, что стрелять можно только с упором в берег или вбитые в дно водоёма сваи. И здесь нижняя рама тоже примет на себя нагрузку, ограждая от неё понтоны своими поперечинами-уголками. Кстати, неплохо было бы к ним что-то вроде бульдозерного отвала предусмотреть в качестве опускаемого для опоры в берег сошника. Вот вы, как самый любопытный, им и займитесь, – озадачил я молодого человека, явно получившего диплом не далее, чем в прошлом году.

Большие споры вызвал вопрос бронирования всего сооружения. Дело в том, что пушки Б-7 выпускались с коробчатыми щитами двух видов. Первый, тяжёлый, для крейсеров и береговых батарей, клепался из 75-миллиметровых бронелистов. Лёгкий, предполагающийся для

эсминцев, имел толщину брони 38 миллиметров. Я же хотел не свыше девяти-пятнадцати. Мало того, мои оппоненты настаивали ещё и на противоположном бронировании по периметру плота, благо водоизмещение позволяло.

– Экономия веса и средств – это отговорки! Почему вы считаете бронирование лишним? Знаете ли, уроки Русско-японской войны мы хорошо усвоили, в отличие от вас!

– Да я не против бронирования! Я за то, чтобы даже самый тугой на мозги товарищ не решил, будто этот плот – монитор и не пошёл на нём в атаку со стрельбой прямой наводкой! Я хочу, чтобы все понимали, что то, что мы делаем, относится именно к дальнобойной артиллерии и никак иначе! Вот после того, как такое положение вещей будет твёрдо определено, хоть в дот превращайте!

Так или иначе, но первый экспериментальный образец бронировать не собирались, а в дальнейшем решение этого вопроса уходило к наркомату ВМФ. Первым же результатом этих работ, стало то, что пушки Б-7 стали прямо на заводе прикручивать на квадратные платформы два на два метра, центральную часть разборного основания. В таком виде пушку, пользуясь готовыми стыковочными узлами, можно было быстро соединить с закладными частями стационарных береговых батарей. Или, установив на ровной, твёрдой площадке, пристыковав станины, организовать временную батарею. К этой же центральной части рамы должны были присоединяться отделяемые колёсные ходы для перевозки орудия по суше, но их ещё предстояло создать.

Эпизод 4.

Находясь на опытном производстве бывшего Обуховского завода, я не мог не обратить внимания, да и просто пройти мимо его основной продукции. Как на выставке здесь можно было посмотреть всю эволюцию стоящих на потоке 130-миллиметровых пушек, начиная с прародительницы, образца 1913 года. Здесь же находились и строенная качающаяся часть башни МК-3-180 а также «одиночка» для альтернативной двухорудийной 180-миллиметровой башни с отдельной наводкой. Секрета из них никто не делал и на мой вопрос о ходе дел, мне пояснили, что на Металлическом заводе, на основе «специальной» документации, а также подняв материалы по старым башням броненосцев «Андрей Первозванный» и крейсера «Рюрик», ваяют новые установки, качающиеся части к которым уже практически готовы. «Тройчатка» опережает и, судя по всему, на новый крейсер будет установлена именно она.

Что касается 130-миллиметровых Б-7, то внешний вид новейшей Б-7М1 до боли напоминал виденные мною в прошлом музейные экспонаты Б-13, с поршневым затвором, тормозом отката и аккумулятором энергии досылателя над стволом, гидропневматическим накатником под ним и снарядным лотком, качающемся на оси, перпендикулярной каналу ствола. Всё это было установлено на высокой трубообразной тумбе с широким вырезом в задней части, в который свободно проходил казённый, вращающийся почти на уровне палубы. Фактически вся разница была именно в 55-калиберном стволе «царского» образца и отдельно-гильзовом зарядании.

В настоящее время шла работа над двухходовым досылателем для зарядания последовательно с одного лотка снаряда и гильзы и клиновым полуавтоматическим затвором. Надо сказать, что дело шло ни шатко ни валко, так как прежний руководитель проекта Рафалович переехал на ВМЖ в Кресты с частью своих подчинённых, а работу принял Синельщиков, бывший до того на вторых ролях. Вообще, по итогам работы над морской артиллерией, за решётку отправилась значительная часть артиллерийского КБ «Большевика», например такие люди, как Магдесеев и Кудряшов, занимавшиеся до того 100-миллиметровыми пушками для подлодок, которые теперь были поручены «путиловцам». Избежали оргвыводов группы занимавшиеся тяжёлой сухопутной артиллерией, переведённые ещё до разбора полётов на завод «Бар-

рикады», 180-миллиметровыми пушками, да молодёжь, получившая дипломы два-три года назад.

Один из представителей этого племени как раз возился досылателем одной из опытных Б-7, который в этом варианте был пневматическим, свидетельством чему было периодическое шипение сжатого воздуха да стоящий тут же баллон внешнего питания, когда я, проходя по опытному цеху по своим делам, обратил на него внимание. Ещё бы, ведь здесь никогда раньше я не видел, чтобы с железом своими руками возились инженеры, о чём говорил видневшийся под расстёгнувшимся рабочим халатом костюм с белой сорочкой и галстуком. Обычно всеми работами непосредственно на пушках занимались опытные рабочие в характерных спецовках. К тому же и время было обеденное, поэтому в цеху было малоллюдно.

– Не помешаю, молодой человек? – спросил я для затравки.

– И поможете навряд ли, – недовольно буркнул он в ответ, не оборачиваясь.

– Могу и помочь, если вы не дурью мааетесь, – обострил я самую малость, чтобы проверить реакцию.

– Вот. Все вы так. Зачем дурью маяться и доводить якобы ненадёжный пневматический досылатель, если уже утвердили пружинный? Ага, а то, что с ним первый выстрел вручную заряжать приходится, никого не волнует. А тут, извольте, баллончик подключил и никаких проблем. И надо ещё посмотреть, как он через полгода-год, тот пружинный досылатель работать будет, когда пружинки подсядут, – бурчал мой собеседник, по-прежнему занимаясь своим делом.

– Зачем же так драматизировать? Первый выстрел не грех и в горизонтальном положении ствола зарядить, а пружинки и поменять можно со временем. К тому же, старые пружинные накатники куда как дольше служат без особых нареканий.

– Послушайте, ВЫ! – конструктор резко обернулся, зажав в кулаке до побелевших костяшек, рожковый ключ где-то «на пятнадцать».

– Капитан госбезопасности Любимов, – спокойно представился я, благо дистанция позволяла не опасаться за здоровье, да и были это всего лишь эмоции, – А вас как зовут?

– Рудяк, Евгений Георгиевич, – ответил конструктор упавшим голосом.

– Простите моё любопытство, Евгений Георгиевич, я в артиллерии не очень-то разбираюсь, но мне такую вот пушку позарез надо на плавучее основание установить. Вы же, я уверен, человек сведущий. Не подскажете, почему у вас на пушке лоток заряжания качается на оси перпендикулярной направлению выстрела? – действительно, если, например, ствол орудия располагался горизонтально, то ось качания лотка становилась вертикальной.

– Не понимаю, как одно с другим связано, – сообразив, кто я такой и то, что непосредственной угрозы нет, вдохновившись, к тому же, моим признанием, Рудяк заметно приободрился и от него даже чуть повеяло неким превосходством, – Чем вам лоток-то мешал?

– Ну как же? Вы же линию огня по самое «не могу» задрали. Работа заряжающего теперь больше на гиревой спорт пополам с толканием штанги похожа.

– Так это только на малых углах...

– И что? У меня пушка ещё и на нижней раме должна устанавливаться, которая тоже свою высоту в 30 сантиметров имеет! В прыжке прикажете заряжать на тех самых малых углах?

– Вы, товарищ капитан, простите, сами себе проблему создали, – заметил конструктор, пытаясь справиться с улыбкой, видимо, представил себе процесс заряжания воочию, – сами её и решайте.

– Решить-то решу, вот только мне надо знать, есть ли какая-либо объективная причина, что лоток устроен именно таким образом? И вообще, надо помогать друг другу, а не собаачиться. Потому, как если решу этот вопрос я, спросят, почему не решили те, кому по должности положено им заниматься. И что тогда? По стопам прежнего ведущего конструктора этого

орудия? – не смог я отказать себе в удовольствии чуть-чуть поиграть на нервах излишне самоуверенного инженера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.